

РЕДАКТОРСКАЯ КОЛОНКА

В очередном номере электронного периодического журнала «Наука. Мысль» представлена научная работа (или диссертация) Кузьменко Елены Сергеевны на тему: «Система поводов к возбуждению уголовного дела: теоритический и прикладной аспекты». Данная научная работа была написана еще в 2007 году, до реформы МВД, и создания на базе Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации Следственного комитета Российской Федерации, как самостоятельного федерального государственного органа.

Самые большие изменения в правоохранительной сфере страны коснулись МВД, так с вступлением в силу Федерального закона от 07.02.2011 N 3-ФЗ "О полиции", ушло в прошлое не только аббревиатура «милиция», но и структура органов внутренних дел и место полиции в ней. Перед полицией были поставлены новые и конкретизированы оставшиеся, старые, обязанности. На этом фоне научная работа Е.С. Кузьменко представляет особы интерес, так как в ней рассматривается проблемы действующих и перспективных элементов современной системы поводов к возбуждению уголовного дела, дано собственное авторское видение данной системы. На примере современной и правотворческой деятельности МВД, направленной на совершенствование системы по порядку приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, должностных и иных лиц о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях, видно, что тема исследования Е.С. Кузьменко весьма актуальна и неисчерпана полностью.

Приятного чтения!

© П.В. Сабанин, ответственный секретарь
(Москва, Россия), 2016.

Юридические науки

УДК 34

ВВЕДЕНИЕ¹

Е.С. Кузьменко, Нижегородская академия МВД России (Нижний Новгород, Россия)

Аннотация. В данной работе проводится исследование теоретических и практических основ возбуждения уголовного дела, при этом уделяется особое внимание системе поводов для возбуждения уголовного дела

Ключевые слова: уголовное дело, возбуждение уголовного дела, уголовное право.

Реформа уголовно-процессуального законодательства, призванная усовершенствовать практику расследования и рассмотрения уголовных дел, по сути, побудила к реформированию теории уголовного процесса. Нормативные новеллы УПК РФ вызвали необходимость доктринального переосмысления целого ряда правовых институтов и лежащих в их основе теоретико-методологических постулатов.

В числе первых в этом списке стоит институт возбуждения уголовного дела. Правоприменитель, прежде всего, обращает внимание на новый подход к нормативному описанию системы поводов к возбуждению уголовного дела. С одной стороны, указанная система стала более компактной, с другой – обрела большую пропускную способность, стала универсальной. Последнее качество – качество универсальности – системе поводов придает элемент, сформулированный в п. 3 ст. 140 УПК РФ.

Отдельные исследователи с воодушевлением встретили установку на универсальность современной системы поводов для возбуждения уголовного дела и попытались представить указанный принцип как абсолютное благо. В юридической литературе появились заявления о целесообразности дальнейшей унификации системы поводов, более того, о сведении этой системы к одному универсальному (свободному) элементу.

Вместе с тем, наряду с увеличением сторонников свободного повода к возбуждению уголовного дела стали активизироваться приверженцы усиления формальной индивидуализации поводов и их институционального закрепления. Таким образом, в науке уголовного процесса обозначились два разных (почти противоположных) подхода: универсализация и конкретизация (дифференциация) системы поводов.

Исследование методологических оснований указанных подходов и выяснение их

¹ Статья представлена магистром социальной работы Т.М. Хусяиновым (Нижний Новгород, Россия). **Научный руководитель:** доктор юридических наук, профессор М.П. Поляков. **Ведущая организация:** Волгоградская академия МВД России. **Оппоненты:** доктор юридических наук, профессор А.Ф. Лубин; кандидат юридических наук, доцент С.П. Гришин. **Отзывы прислали:** профессор кафедры Института повышения квалификации руководящих кадров Генеральной прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент А.В. Агутин; доцент кафедры уголовного процесса СибЮИ МВД России, кандидат юридических наук, доцент П.Л. Сурихин; начальник кафедры уголовного процесса Калининградского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент, подполковник милиции В.Н. Авдеев; Начальник Омской академии МВД России, заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор Б.Б. Булатов; Заведующий кафедрой уголовного права и процесса Омского юридического института, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, доцент Ю.В. Деришев.

потенциальной практической эффективности имеет большое значение для науки и практики уголовного процесса. Актуальность этой задачи в значительной мере подтверждается наличием специфической (отличающейся от российской) тенденции развития систем поводов к возбуждению уголовного дела в уголовно-процессуальном законодательстве стран СНГ.

Важность темы исследования диктуется и рядом других факторов, тесно сопрягающихся с проблемой системной организации поводов. На фоне формирования различных подходов к системе поводов к возбуждению уголовного дела обострилась дискуссия о понятиях поводов и оснований. Появились оригинальные точки зрения на сущность деятельности в первой стадии уголовного процесса. Новая система поводов заметно активизировала ведомственное нормотворчество. В многочисленных актах правоохранительных ведомств, посвященных приему и разрешению заявлений и сообщений о преступлениях, появились разного рода нюансы понимания информационных источников, дающих импульс для начала уголовного процесса. Достаточное количество проблем возникло в практической сфере деятельности.

Указанные процессы, как по отдельности, так и в совокупности, свидетельствуют о том, что сегодня вновь актуализировалась потребность в выяснении сущности поводов и оснований к возбуждению уголовного дела, в теоретическом осмыслении их влияния на формирование системы поводов. Решение этой важнейшей для уголовного процесса задачи требует тщательного критического осмысления имеющегося нормативного материала и доктринального знания, а также выяснение оценки системы поводов со стороны практических работников.

Проблему поводов к возбуждению уголовного дела в рамках теоретических и практических размышлений о стадии возбуждении уголовного дела затрагивали: А.С. Александров, А.В. Агутин,

В.С. Афанасьев, Ю.Н. Белозеров, Д.И. Бедняков, Л.В. Березина, В.П. Божьев, В.М. Быков, А.И. Васильев, А.К. Гаврилов, Н.Н. Гапанович, С.И. Гирько, В.Г. Глебов, В.Н. Григорьев, С.П. Гришин, И.М. Гуткин, И.Р. Дмитриев, А.Ю. Епихин, Н.В. Жогин, С.В. Зуев, К.Б. Калиновский, Д.С. Карев, Н.Н. Ковтун, А.Ф. Лубин, В.П. Малков, А.Г. Маркушин, П.Г. Марфицин, Л.Н. Масленникова, А.Р. Михайленко, В.В. Николюк, Н.Е. Павлов, Е.Н. Петухов, А.В. Победкин, М.П. Поляков, А.П. Попов, А.П. Рыжаков, И.М. Савгирова, С.П. Сереброва, М.С. Строгович, В.Т. Томин, С.А. Тумашов, Ф.Н. Фаткуллин, А.В. Федулов, А.А. Чувилев, В.Н. Яшин и др.

Вместе с тем, исследования поводов и системы поводов содержат немало «белых пятен». Юридическая наука мало внимания уделяла предпосылкам самой системности поводов. Системный подход к автономному и совокупному осмыслению понятий поводов и оснований к возбуждению уголовного дела практически не применялся. Кроме того, большинство работ были написаны на основе советского уголовно-процессуального законодательства; принятие нового УПК РФ сделало их менее актуальными.

Настоящее исследование выделяется из исследований родственной тематики особым вниманием к методологическим основам системности поводов, акцентом на проблемах действующих и перспективных поводов к возбуждению уголовного дела.

Цель его заключается в выявлении объективных предпосылок системной организации

поводов к возбуждению уголовного дела в отечественном уголовном процессе, а также проблем, сопутствующих формированию конкретных поводов.

Указанная цель предопределила постановку и решение следующих задач:

- уточнить имеющиеся научные подходы к истолкованию понятий поводов и оснований к возбуждению уголовного дела и выяснить, насколько указанные понятия способствуют системной организации поводов к возбуждению уголовного дела;
- исследовать специфику взаимодействия повода и основания для возбуждения уголовного дела с позиций системного подхода;
- проанализировать подходы к формулированию перечней поводов к возбуждению уголовного дела, описанные в досоветской, советской и постсоветской уголовно-процессуальной литературе;
- обобщить и оценить основные вехи развития нормативных представлений о системе поводов к возбуждению уголовного дела;
- конкретизировать сущность и оценить практическую значимость унифицированного и дифференцированного подходов к формированию системы поводов;
- определить внешние факторы, оказывающие воздействие на формирование и развитие современной системы поводов в целом и отдельных ее элементов;
- выяснить отношение науки и практики к системе поводов, закрепленной в УПК РФ, и отдельным поводам, входящим в указанную систему;
- проанализировать основные проблемы действующих и перспективных поводов к возбуждению уголовного дела и продумать способы их разрешения;
- сформировать представление об оптимальном составе элементов системы поводов к возбуждению уголовного дела и предложить авторскую модель указанной системы;
- выявить наиболее перспективные, отвечающие современным требованиям науки и практики положения, которые могут быть положены в основу системы поводов к возбуждению уголовного дела;
- сформулировать предложения по совершенствованию законодательства в части, касающейся системы поводов к возбуждению уголовного дела.

Объектом исследования являются информационные, правовые, функциональные и иные закономерности, воздействующие на формирование процедуры начального этапа современного российского уголовного процесса – стадии возбуждения уголовного дела.

Предметом исследования выступает система поводов к возбуждению уголовного дела: ее исторические, методологические и социальные предпосылки, теоретические трактовки, нормативное выражение, специфика воздействия на практическую деятельность и перспективы развития. Предмет исследования включает также проблемы конкретных поводов к возбуждению уголовного дела.

Методологической основой работы является диалектико-материалистический метод познания и производный от него комплексный подход, включающий элементы системно-информационного анализа. Кроме того, были использованы исторический, логико-юридический, сравнительно-правовой, конкретно-социологический (в частности, анкетирование, интервьюирование, метод экспертных оценок) методы.

Теоретической базой исследования послужили фундаментальные разработки общей теории права, науки уголовно-процессуального права, теории оперативно-разыскной

деятельности, криминалистики, социологии, формальной логики, теории информации и теории системного анализа.

В качестве источников теоретической информации использовались монографии, учебные пособия, учебники, научные статьи, материалы семинаров и конференций, в которых исследовались вопросы природы, сущности, содержания поводов и оснований для возбуждения уголовного дела; нормы уголовно-процессуального законодательства России; положения ведомственных нормативных актов и разъясняющих документов судебных органов.

Нормативную базу исследования составили Конституция РФ, федеральные конституционные законы, нормы действующего и проектируемого уголовно-процессуального законодательства, ведомственный нормативный материал, постановления и определения Конституционного Суда РФ, постановления Верховного Суда РФ, имеющие отношение к проблеме поводов для возбуждения уголовного дела. В качестве источников нормативной информации были также использованы законодательные памятники и проекты законов, несущие информацию о поводах к возбуждению уголовного дела.

В качестве источников информации о практических проявлениях проблемы поводов к возбуждению уголовного дела использовались: официальные материалы и публикации в средствах массовой информации; данные мониторинга применения нового УПК РФ; материалы научных исследований, проведенных учеными-процессуалистами: данные анкетирования и интервьюирования практических работников (опрошено 65 следователей и дознавателей ГУВД Нижегородской области) и изучения 150 уголовных дел.

Научная новизна результатов исследования заключается в получении нового научного знания о методологических основах, сущности и перспективах развития современной системы поводов для возбуждения уголовного дела. Нами целенаправленно применен системный подход к анализу ключевых понятий стадии возбуждения уголовного дела. С точки зрения системности были рассмотрены как понятие повода, так и связка повода и основания. Новыми являются и результаты исследования дифференцированного и унифицированного подходов к формированию системы поводов.

Новизна результатов нашла свое отражение в следующих положениях:

1. Эффективная реализация уголовно-процессуального принципа публичности может быть обеспечена только при помощи системы поводов к возбуждению уголовного дела, оптимально сочетающей в себе начала конкретности и универсальности. Наличие такой системы поводов к возбуждению уголовного дела – важное условие эффективности всего уголовного судопроизводства.

2. Качество конкретности системе поводов к возбуждению уголовного дела может быть придано путем формальной определенности исторически и эмпирически проверенных элементов этой системы. Качество универсальности достигается за счет наличия в системе поводов формально свободного элемента – так называемого свободного повода.

3. Свободный повод не должен аккумулировать (растворять) в себе источники, конкретизация которых уже состоялась в ходе эволюции уголовного процесса. Именно это методологическое нарушение присуще современной системе поводов, сформулированной

в ст. 140 УПК РФ. «Безразмерность» п. 3 ст. 140 УПК РФ привела к внутренней диспропорции элементов системы поводов и, как следствие, к снижению доказательственного потенциала указанной системы.

4. Свободный повод не может заменить собой конкретные (формально определенные) поводы. Его следует рассматривать лишь как временную базу для накопления эмпирически не сложившихся поводов. Предназначение этого повода – сделать систему открытой. Информация, поступающая через свободный повод, по своей юридической природе относится не к обязывающей, а всего лишь к управомочивающей.

5. Оптимальное сочетание свойств конкретности и универсальности в системе поводов к возбуждению уголовного дела обусловлено, в первую очередь, формально-информационным назначением этой системы. С одной стороны, эта система должна улавливать максимальное количество информации о признаках преступления, а с другой – обеспечивать условия для «консервации» этой информации и придания ей доказательственных свойств.

6. На формирование и развитие системы поводов к возбуждению уголовного дела оказывают влияние следующие факторы: наличие в уголовном процессе частных и публичных начал; приоритетное положение принципа публичности и производной от него розыскной методологии отечественного уголовного процесса; потребность в формализации наиболее типичных поводов; неизбежное наличие в числе источников информации о преступлении формально неопределенных (свободных) источников.

7. Формирование современной системы поводов к возбуждению уголовного дела происходит под влиянием двух методологических подходов. Первый устремлен к максимальной дифференциации поводов, второй – к их унификации. Для формирования эффективной системы поводов существенное значение имеют оба подхода. Однако их необходимо воспринимать иерархически. В основу формирования системы поводов для возбуждения уголовного дела должен быть положен дифференцированный подход. Унифицированный подход целесообразен для разработки отдельных элементов системы поводов. Унифицированный подход позволяет сформировать и образ свободного повода для возбуждения уголовного дела.

8. На формирование системы поводов к возбуждению уголовного дела, закрепленной в УПК РФ, существенное влияние оказали «полицейские» трактовки повода, имевшие и имеющие место в инструкциях правоохранительных органов, предусматривающих рассмотрение и разрешение заявлений и сообщений о преступлениях.

9. Информационная свобода начального этапа уголовного процесса, которую органам предварительного расследования принесла современная система поводов, корректируется (ограничивается) процедурой неформального согласования решения о возбуждении уголовного дела с руководителем следственного органа, а, в ряде случаев, и с прокурором. Последнюю можно рассматривать как своеобразный стабилизирующий фактор, позволяющий возместить издержки универсальности этой системы. Совершенствование системы поводов путем максимальной конкретизации ее элементов создаст предпосылки для устранения этого фактора.

10. При всех своих издержках современная система поводов имеет важное идеологическое значение. Ее устремленность к максимальному захвату информации о

преступлении показывает, что первоочередными задачами уголовного судопроизводства по-прежнему выступают задачи борьбы с преступностью. Максимальный правозащитный эффект уголовного процесса может быть достигнут, в частности, и посредством максимально открытой системы поводов.

11. Перспективная система поводов к возбуждению уголовного дела должна включать в себя следующие элементы: 1) заявление гражданина; 2) жалоба гражданина; 3) заявление о явке с повинной; 4) сообщение должностного лица организации или объединения; 5) сообщение в средствах массовой информации; 6) результаты оперативно-разыскной деятельности; 7) непосредственное обнаружение дознавателем, органом дознания, следователем или прокурором сведений, указывающих на признаки преступления; 8) сообщения, полученные из иных источников.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что полученное нами знание о сущности поводов и оснований для возбуждения уголовного дела, о предпосылках формирования и развития системы поводов к возбуждению уголовного дела обогащает науку уголовного процесса и создает условия для формирования оптимальной системы поводов к возбуждению уголовного дела.

Разработанные нами научные положения вносят вклад в решение научно-прикладной задачи, имеющей существенное значение для уголовного процесса, – задачи повышения эффективности стадии возбуждения уголовного дела. Результаты работы могут быть использованы для дальнейшего совершенствования действующего уголовно-процессуального законодательства и правоприменительной практики.

Kuz'menko E.S. Vvedenie // Nauka. Mysl'. - № 1. – 2016.

© Е.С. Кузьменко, 2016.
© «Наука. Мысль», 2016.

— ● —

Abstract. This article presents the study of the theoretical and practical foundations of the initiation of criminal trial, while special attention is paid to the system the reasons for initiation of criminal proceedings.

Keywords: criminal case, initiation of criminal trial, criminal law.

— ● —

Сведения об авторе

Елена Сергеевна Кузьменко, кандидат юридических наук, Нижегородская академия МВД России (Нижний Новгород, Россия).

— ● —

Подписано в печать 15.01.2016.
© Наука. Мысль, 2016.

Юридические науки

УДК 34

ПОНЯТИЕ ПОВОДА К ВОЗБУЖДЕНИЮ УГОЛОВНОГО ДЕЛА²

Е.С. Кузьменко, Нижегородская академия МВД России (Нижний Новгород, Россия)

Аннотация. В данной работе проводится исследование теоретических и практических основ возбуждения уголовного дела, при этом уделяется особое внимание системе поводов для возбуждения уголовного дела

Ключевые слова: уголовное дело, возбуждение уголовного дела, уголовное право.

Размышления о системе поводов к возбуждению уголовного дела целесообразно начать с выяснения понятия повода. Последнее имеет *методологическое значение*. Это понятие предопределяет не только совокупность элементов, дающих импульс для возникновения и движения уголовного судопроизводства, но и саму их системную организацию (системность).

Понятие поводов к возбуждению уголовного дела относится к числу проблемных. Единообразия взглядов на его содержание не достигнуто ни в науке, ни в праве³. Уголовно-процессуальное право попросту игнорирует этот вопрос: ни один из УПК РСФСР не давал расшифровки понятия повода; УПК РФ также ничего не прибавил в этом отношении: определение понятия повода не предлагается ни в дефинитивной статье 5 УПК РФ, ни в ст. 140 УПК РФ, именуемой «Поводы и основание для возбуждения уголовного дела».

Юридическая наука пытается дать объяснение подобному положению дел. По мнению И.Р. Дмитриева, при выяснении природы данного обстоятельства можно выдвинуть две диаметрально противоположные гипотезы. «Первая заключается в том, что повод следует рассматривать как понятие априори известное любому правоприменителю на интуитивно-семантическом уровне. Вторая, напротив, квалифицирует повод как сложное явление, понимание которого возможно лишь на теоретическом уровне» [12, С. 68].

«Представляется, – пишет он далее, – что и здесь истина находится посередине. По нашему мнению, практическому работнику для осознания сути повода вполне достаточно

² Статья представлена магистром социальной работы Т.М. Хусяиновым (Нижний Новгород, Россия). **Научный руководитель:** доктор юридических наук, профессор М.П. Поляков. **Ведущая организация:** Волгоградская академия МВД России. **Оппоненты:** доктор юридических наук, профессор А.Ф. Лубин; кандидат юридических наук, доцент С.П. Гришин. **Отзывы прислали:** профессор кафедры Института повышения квалификации руководящих кадров Генеральной прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент А.В. Агутин; доцент кафедры уголовного процесса СибЮИ МВД России, кандидат юридических наук, доцент П.Л. Сурихин; начальник кафедры уголовного процесса Калининградского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент, подполковник милиции В.Н. Авдеев; Начальник Омской академии МВД России, заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор Б.Б. Булатов; Заведующий кафедрой уголовного права и процесса Омского юридического института, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, доцент Ю.В. Деришев.

³ У нас есть основания полагать, что проблемным данное понятие было изначально. Современники Устава уголовного судопроизводства, в котором и появилось впервые понятие повода, отмечали его (повода) неоднозначность и разнообразное процессуальное значение. См., например: *Случевский В.* Русский уголовный процесс. – СПб., 1913. – С. 444; *Розин Н.Н.* Уголовное судопроизводство. – Петроград, 1914. – С. 421–422.

«голового» термина и правового чутья. Именно это чутье позволяет ему действовать в рамках законности и при отсутствии развернутой нормативной дефиниции повода; его ведет к цели практическая интерпретация. Однако для совершенствования технологии стадии возбуждения уголовного дела и одноименного правового института указанного чутья оказывается явно недостаточно. Здесь необходима объяснительная теория повода, вскрывающая его социальную, информационную и юридическую сущность» [12, С. 69].

Полагаем, что следует согласиться с И.Р. Дмитриевым в том, что понятие повода необходимо рассматривать с двух сторон: теоретической и практической⁴. Нельзя отдавать толкование повода на откуп исключительно интуиции практических работников. Интуитивное понимание может привести к двум крайностям: либо к чрезмерному расширению этого понятия, либо, напротив, к очень узкому его пониманию. И то, и другое может навредить производству по реальному уголовному делу и оказать негативное влияние на права граждан.

Не менее вредно и исключительно теоретическое осмысление поводов. Несмотря на то, что одним из общих методологических требований, предъявляемых к теории, называется ее простота (по сравнению с предыдущей теорией), чрезмерно упрощенное понимание предмета едва ли можно признать уместным.

К сожалению, далеко не все процессуалисты относят повод к числу явлений неоднозначных, сложных, многоплановых и многопорядковых [37, С. 16]. Значительная часть исследователей акцентирует внимание исключительно на формально-информационной стороне повода, предлагая понимать последний как *источник, из которого компетентные государственные органы получают информацию о преступлении* [15, С. 6; 28, С. 9; 33, С. 13; и др.].

Обратим внимание на то, что в сноске приводятся источники, разница между которыми (имеется в виду дата опубликования) достигает более тридцати лет. Этот факт подтверждает, что *имеет место устойчивая тенденция одноаспектного упрощенного понимания повода*. Свидетельства указанной тенденции в обилии содержатся и в современных источниках, в частности, в комментариях к УПК РФ⁵. Приведем несколько характерных цитат с нашими акцентами, помеченными курсивом.

Б.Т. Безлепкин: «Поводом к возбуждению уголовного дела называется предусмотренный УПК *источник первичной информации* о готовящемся или совершенном деянии (действии или бездействии), содержащем признаки конкретного состава преступления» [4, С. 191].

А.П. Рыжаков: «Повод к возбуждению уголовного дела – это *источник осведомленности* органа дознания, следователя или прокурора о готовящемся, совершаемом и совершенном преступлении» [29, С. 392].

Т.Н. Москалькова: «*Источник информации* о преступлении, надлежаще оформленный и переданный лицу или органу, уполномоченному принимать решение о

⁴ На двойную (теоретико-прикладную) значимость понятия повода обращает внимание П.П. Сердюков. «Уяснение истинной процессуальной сущности поводов, – указывает он, – представляет... не только теоретический интерес, но и приобретает важное практическое значение для правильного разрешения задач первой стадии судопроизводства и всего судопроизводства в целом». См.: *Сердюков П.П. Доказательства в стадии возбуждения уголовного дела: Учебное пособие.* – Иркутск, 1981. – С. 4.

⁵ Мы не случайно обратили внимание на комментарии, поскольку именно они формируют предпосылки практического понимания поводов.

возбуждении уголовного дела, называется поводом к возбуждению уголовного дела» [21, С. 302].

В.Т. Томин, М.П. Поляков: «Повод – это *информационный источник*, из которого компетентные органы получают сведения о наличии данных о признаках преступления, а также сигнал об обязательности провести проверку наличия таких признаков» [16, С. 371].

А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский: «Повод для возбуждения уголовного дела – это сообщение о преступлении, полученное из *предусмотренного комментируемой статьей* (ст. 140 УПК РФ. – **Е.К.**) *источника*, прием которого обязывает органы расследования (а по делам частного обвинения судью) приступить к уголовно-процессуальной деятельности» [32, С. 362].

Приведенные цитаты наглядно подтверждают, что *толкование повода как источника информации о преступлении сегодня доминирует*. Это, на наш взгляд, можно объяснить эмпирической доступностью названной интерпретации. Именно как источник повод воспринимается с практической точки зрения. Можно сказать, что «источниковый» подход – это внешнее понимание повода, то, что видится при первом приближении к изучаемому объекту, что исследователь наблюдает и осязает.

Однако вряд ли следует оспаривать, что понимание повода к возбуждению уголовного дела не может быть достигнуто только эмпирическими методами. Даже формирование четких представлений о поводе как источнике информации о признаках преступления требует теоретических методов познания.

Представлять повод к возбуждению уголовного дела как источник информации еще не означает сделать это понятие абсолютно простым и ясным. Даже в рамках «источникового» подхода тоже существуют спорные моменты. Например, вопросы, связанные с формальными признаками повода-источника. На это, в частности, обращают внимание Н.В. Жогин и Ф.Н. Фаткуллин. «Во-первых, – пишут они, – следует учесть, что сведения, необходимые для возбуждения уголовного дела, могут быть получены из троякого рода источников: из заявления (сообщения) о преступлении, из приложенных к нему материалов и из документов, добытых в ходе проверки сообщения. Из этих источников два последних – документы, приложенные к сообщению (заявлению), и материалы, добытые при его проверке, – ни при каких условиях под понятие повода не подходят. Иначе теряется смысл данного процессуального понятия. Даже заявления (сообщения), рассматриваемые обычно в качестве источника, из которого органы прокуратуры, суда, следствия и дознания узнают о преступном факте, не во всех случаях имеют значение повода. В частности, по правонарушениям, преследуемым в порядке частного и частно-публичного обвинения, заявления или сообщения лиц, непосредственно не пострадавших от преступления, не являются поводом к возбуждению уголовного дела, хотя они – источники, из которых органы суда, прокуратуры, следствия и дознания могут узнать о совершенном общественно опасном деянии» [13, С. 90].

Эта обнаружившаяся сложность не позволяет ограничиваться только «источниковым» подходом. Даже беглое применение теоретических методов осмысления позволяет предположить сложную внутреннюю структуру повода и связь с другими процессуально-информационными феноменами, в частности, с основанием. Подобное понимание мы можем разглядеть в анализируемых цитатах. Вполне очевидно, что в некоторых

приведенных выше позициях имеют место нюансы, дающие дополнительную характеристику поводам.

Так, авторы двух последних цитат (см. комментарии к УПК РФ) подчеркивают побудительный характер повода, его способность (или обязанность) побуждать компетентные органы к определенным действиям. Таким образом, к информационной стороне повода прибавляется сторона волевая. Игнорировать эту сторону уголовный процесс тоже не может.

Все эти обстоятельства указывают, что повод – понятие сложное, многоуровневое. И одной только «источниковой» трактовки повода для понимания его сущности недостаточно.

На этой позиции стоит и нижегородская школа процессуалистов. В комментарии к УПК РСФСР В.Т. Томин предельно конкретно акцентировал внимание на как минимум двойственной природе повода. Он, в частности, указал: «Повод – информационный сигнал, который, с одной стороны, содержит сведения о признаках преступления, а с другой, – являет собой юридический факт, требующий от соответствующего органа совершения определенных предусмотренных законом (ст. 109 ч. 3 УПК РСФСР) действий» [35, С. 203].

Как видим, помимо информационной трактовки к поводу прибавилась трактовка *юридическая*. Повод было предложено рассматривать еще и как юридический факт. В.Т. Томин подчеркнул, что «сущность повода одной лишь информационной стороной не исчерпывается. Повод для органа, правомочного возбудить уголовное дело, – это не только дополнительная информационная возможность. Это еще и обязанность. Повод должен быть, следовательно, рассмотрен и как юридический факт, наступление которого порождает у соответствующих субъектов обязанность принять предусмотренные законом уголовно-процессуальные меры» [26, С. 12].

В.Т. Томин не единственный ученый, придерживающийся подобной позиции. Рассматривать повод к возбуждению уголовного дела как юридический факт предлагали Н.В. Жогин, Ф.Н. Фаткуллин и целый ряд других исследователей [14, С. 6; 18, С. 352; 24, С. 300; 34, С. 270]. Мы выделяем позицию Валентина Тимофеевича по той причине, что воспринимали ее непосредственно. На своих лекциях, читаемых в Нижегородской академии МВД России, В.Т. Томин выделял, наряду с информационной стороной повода, и его сигнальную характеристику.

Закономерен в связи с этим вопрос: что означает сигнальная сторона и есть ли разница между сигнальной и юридической трактовками повода?

В общих чертах суть сигнального аспекта можно прояснить посредством толкового словаря. Слово «сигнал» объясняется трояко: «1) условный знак для передачи на расстояние каких-нибудь сведений, сообщений; 2) то, что служит толчком к началу какого-нибудь действия; 3) предупреждение, сообщение о чем-нибудь нежелательном» [22, С. 715-716].

Все три приведенных значения имеют отношение к поводам для возбуждения уголовного дела. Однако наиболее близким является второе значение – *сигнал о необходимости начинать действовать*. Именно эта необходимость подтверждается на законодательном уровне. Причем она выводится непосредственно из принципов уголовного процесса, в первую очередь из принципа публичности: в каждом случае обнаружения признаков преступления прокурор, следователь, орган дознания и

дознаватель принимают предусмотренные УПК РФ меры по установлению события преступления, избличению лица или лиц, виновных в совершении преступления (ч. 2 ст. 21 УПК РФ).

Таким образом, *сигнальная сторона повода подчеркивает одно из важнейших его свойств – способность породить деятельность*. На это в свое время обратил внимание Я.О. Мотовиловкер. По его мнению, повод к возбуждению уголовного дела является *импульсом, толчком* к началу уголовно-процессуальной деятельности по конкретному уголовному делу, содержащий сведения, обязывающие компетентные органы принять решение либо о возбуждении уголовного дела, либо об отказе в этом [20, С. 61].

Любопытное определение повода предлагает В.Н. Григорьев. Он пытается поместить в него все известные стороны этого явления. «Повод для возбуждения уголовного дела – это то, с чего начинается уголовное судопроизводство, его первый момент, побудительное начало, толчок к деятельности (выделено нами. – Е.К.). Повод можно определить как такое явление объективной действительности, с которым закон связывает возникновение у дознавателя, органа дознания, следователя, прокурора юридической обязанности разрешить вопрос о возбуждении уголовного дела, т. е. принять одно из следующих решений: 1) возбудить уголовное дело; 2) отказать в возбуждении уголовного дела. Предусмотренное в пункте 3 ч. 1 ст. 145 УПК решение о передаче сообщения по подследственности, а по уголовным делам частного обвинения – в суд не освобождает получивший его суд или орган расследования от обязанности принять решение по существу [10, С. 7]. Конкретные формы указанных явлений перечислены в ст. 140 УПК: 1) заявление о преступлении; 2) явка с повинной; 3) сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников»; 4) постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании, 5) материалы о преступлениях, предусмотренных ст. 172.1 УК РФ, направленные Центральным банком РФ в соответствии с Федеральным законом от 10 июля 2002 года № 86-ФЗ №О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», а также конкурсным управляющим (ликвидатором) финансовой организации для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

Как видим, побудительное свойство повода В.Н. Григорьев ставит во главу угла. Так же поступают и другие процессуалисты. «При уяснении существа повода, – подчеркивают Н.В. Жогин и Ф.Н. Фаткуллин, – самое важное – его побудительная сторона, которая дает ответ на данный вопрос. А с этой стороны повод есть условие, при наличии которого закон уполномочивает совершить действия и вступить в отношения, образующие в своем единстве деятельность по возбуждению уголовного дела. Повод выступает как правовая предпосылка, а эти процессуальные действия и отношения – как ее результат» [10, С. 92].

А.Р. Михайленко отмечает, что в этой побудительной силе как раз и проявляется правовое значение повода к возбуждению уголовного дела: «...он вызывает публичную деятельность органов дознания, следователя, прокурора или суда, судьи, требует, чтобы эти органы соответствующим образом реагировали на каждый сигнал о готовящемся или совершенном преступлении. Не будь повода к возбуждению уголовного дела – общественно опасные деяния оставались бы без внимания. Именно повод к возбуждению уголовного дела вызывает осуществление и применение уголовного закона» [19, С. 26].

В приведенной цитате содержится предпосылка ответа на вторую часть вопроса о соотношении сигнальной и юридической стороны повода. Из *сигнальных свойств повода вытекает его способность становиться юридическим фактом*. На этом основании некоторые процессуалисты уравнивают сигнальную и юридическую сторону. Так, С.П. Сереброва, опираясь на определение повода, сформулированное В.Т. Томиным, предпочла говорить не о сигнальной, а именно о юридической стороне понятия повода. Цитата, которую мы приводим ниже, говорит сама за себя.

«Повод к возбуждению уголовного дела – установленный законом информационный источник, из которого компетентные органы получают сведения о наличии достаточных данных, указывающих на признаки преступления или (выделено нами. – Е.К.) сигналы о необходимости провести проверку наличия таких признаков. Повод имеет две стороны: информационную и юридическую. Во-первых, он носит информационный характер о совершившемся деянии (информационная сторона повода), а во-вторых, обязывает компетентные органы начать проверку этой информации (юридическая сторона повода)» [1, С. 290].

Схожую позицию занимают Н.А. Громов, В.А. Пономаренков и Ю.В. Франциферов. По их мнению, повод – это и сигнал о необходимости провести проверку наличия признаков преступления, и юридический факт, наступление которого порождает у соответствующих субъектов обязанность принять предусмотренные законом уголовно-процессуальные меры [11, С. 255].

Однако вернемся к определению, данному С.П. Серебровой. Может показаться, что в приведенной цитате имеется противопоставление между информационной и сигнальной стороной: повод толкуется как «сведения... или сигналы». Автор обращается к разделительному союзу «или». В результате появляется некая альтернатива: либо в поводе содержится информация, либо сигналы. Однако эта альтернатива, по нашей оценке, относится не столько к поводу, сколько к деятельности, им порождаемой: при достаточности данных, указывающих на признаки преступления, возбуждается дело и начинается предварительное расследование; при недостаточности данных производится деятельность по их восполнению. Поэтому В.Т. Томин не разделяет, а объединяет информацию и сигналы⁶. Именно так он поступил в комментарии к УПК РСФСР, когда объяснил повод как «информационный сигнал». Из этой формулировки становится предельно ясно, что *повод, с одной стороны, информирует, с другой – побуждает действовать*.

Юридическая сторона повода не может быть оторвана от его сигнальной (побудительной) стороны. Юридический факт рождается в процессе деятельности. В.М. Быков и Л.В. Березина, приняв за основу интерпретацию юридического факта, предложенную С.С. Алексеевым («конкретное жизненное обстоятельство, с которым нормы права связывают возникновение, изменение или прекращение правоотношений» [2, С. 72. Цит. по: 8, С. 61]), отмечают следующее: «Заявление (в текстовой форме) само по себе в отрыве от деятельной стороны не может быть признано таким жизненным

⁶ Мы апеллируем к позиции В.Т. Томина на том основании, что он является первым автором определения, в котором также содержится разделительный союз «или». См.: *Практикум по советскому уголовному процессу*. – С. 12.

обстоятельством. Оно является лишь формой процессуального закрепления наличия конкретного юридического факта, состоящего в действии лица, направленном на сообщение об известных ему обстоятельствах совершенного или готовящегося преступления компетентному органу или должностному лицу, содержание которого и фиксируется в самом тексте заявления» [8, С. 61].

Указанные авторы признают: повод может быть истолкован как юридический факт⁷ только в контексте соответствующей осмысленной деятельности субъектов⁸. В связи с этим В.М. Быков и Л.В. Березина предлагают следующее определение понятия поводов: «Поводы для возбуждения уголовного дела – это предусмотренные уголовно-процессуальным законом действия (выделено нами. – Е.К.) гражданина, должностного лица, учреждения, предприятия, организации, направленные на заявление, сообщение органу дознания, дознавателю, следователю и прокурору о совершенном или готовящемся преступлении. Либо это могут быть их собственные действия, процессуально оформленные в соответствии с законом и влекущие обязанность разрешить вопрос о возбуждении либо отказе в возбуждении уголовного дела» [8, С. 67].

В этом определении отражается еще одна концепция: *понимание повода как действия*⁹. Этот аспект, как было показано выше, имеет очень важное значение. Однако и он не может быть воспринят как единственный. Мы еще раз подчеркнем: *повод – понятие сложное и многоаспектное*.

Указанная многосторонность, включающая в себя информационные, формальные, волевые и функциональные аспекты, позволяет сделать предположение, что понятие повода к возбуждению уголовного дела *сродни такому юридическому понятию, как доказательство*¹⁰.

Мы не первые, кто приходит к подобному предположению. В науке уголовного процесса в свое время возникла группа последователей этой точки зрения. По мнению В.Д. Арсеньева, «поводами к возбуждению уголовного дела во всех случаях являются доказательства (выделено нами. – Е.К.) совершения преступления, полученные компетентными органами от других организаций и лиц, или обнаруженные этими органами по собственной инициативе» [3, С. 11]. В поддержку этой точки зрения выступила в свое время А.Н. Копьева. Она, в частности, указала, что заявление или сообщение о преступлении – не только источник определенных сведений, но и есть документ, (выделено нами. – Е.К.) имеющий определенное содержание, которое «не безразлично для органов, ведущих борьбу с преступностью, так как только сведения о преступлении могут повлечь уголовно-процессуальные последствия. Поэтому нам представляется наиболее убедительной точка зрения, согласно которой поводом является доказательство (выделено нами – Е.К.) о совершенном или готовящемся преступлении» [17, С. 90].

⁷ В некоторых работах авторы идут еще дальше, рассматривая поводы как юридический (процессуальный) фактический состав. См.: *Дмитриев И.Р.* Указ. соч. – С. 81–85.

⁸ По мнению Р.Х. Якупова, поводом является, в том числе, и факт получения сообщения о преступлении компетентным органом. См.: *Якупов Р.Х.* Уголовный процесс: Учебник для вузов. – М., 1999. – С. 210.

⁹ См. также: *Михайленко А.Р.* Возбуждение уголовного дела в советском уголовном процессе. / Под ред. проф. А.Л. Цыпкина. – Саратов, 1975. – С. 23.

¹⁰ Заметим, что Верховный Суд РФ по одному из уголовных дел обоснованно признал заявление о явке с повинной не только поводом, но и доказательством по делу. См.: Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 16 июля 2004 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2005. – № 6. – С. 30.

На доказательственную сущность повода обращается внимание и в современных работах. В.Н. Григорьев пишет: «Из текста закона (п. 3 ч. 1 ст. 140, ст. 143) вытекает и другое значение явлений объективной действительности, названных в качестве поводов для возбуждения уголовного дела – быть источником сведений о преступлении. В этом качестве они могут быть доказательствами, (выделено нами – Е.К.) которые после возбуждения уголовного дела приобретают процессуальную форму «иных документов» [10, С. 8].

Приведенные позиции близки нам. В связи с этим мы должны выразить свое несогласие с мнением А.П. Попова, полагающего, что позиция, делающая акцент на сходстве поводов и доказательств, «не прижилась в уголовно-процессуальной науке». Интересно и приведенное объяснение этой констатации. «По сути, – пишет А.П. Попов, – ставя знак равенства между поводами и доказательствами, авторы уравнили понятия повода и основания, а это полный абсурд. Повод и основание находятся в соотношении «форма – содержание». Очевидно, что смешиваться они не могут (точнее, не должны) ни при каких обстоятельствах» [25, С. 45].

Полагаем, что подобное разграничение (по существу, изоляция поводов и оснований) опирается на ошибочные методологические позиции, однако речь об этом пойдет в следующей статье. А пока вернемся к доказательственной трактовке поводов.

Полагаем, что родство понятий поводов и доказательств опять же проявляет себя через свойство повода выступать юридическим фактом. В качестве аргумента мы вновь приведем позицию Н.В. Жогина и Ф.Н. Фаткуллина, которые сделали вывод о том, что «законодатель именуется поводом те условия, при наличии которых у надлежащих должностных лиц появляются определенные права и обязанности. Он связывает с поводом возникновение ряда правовых отношений». В своей монографии они пришли к заключению о том, что: а) поводом следует считать юридические факты, вызывающие деятельность по возбуждению уголовного дела; б) эти юридические факты лишь обуславливают данную деятельность, но отнюдь не определяют ее результата; в) они сами выражаются в указанных уголовно-процессуальным законом действиях, при помощи которых органы прокуратуры, суда, следствия и дознания осведомляются (получают или обнаруживают сведения) о готовящемся или совершенном преступлении; г) источниками первичных сведений о преступлениях, имеющими доказательственное значение при решении вопроса о возбуждении уголовного дела, могут быть как документы, в которых отражаются эти действия, так и всякие иные документы (вещественные источники), которые, так или иначе, оказываются в распоряжении названных выше органов¹¹.

Через повод к возбуждению уголовного дела находит отражение такой сложный юридический факт, как преступление¹². Само собой, схема отражения этого факта в стадии возбуждения уголовного дела не может быть той, что предлагается ст. 73 УПК РФ. Вместе с тем, мнение, что в первой стадии процесса также имеется свой предмет доказывания,

¹¹ Эти выводы, по мнению указанных авторов, соответствуют также этимологическому и логическому содержанию термина «повод», который с этой точки зрения есть не что иное, как толчок, побуждение, повлекшие за собой определенные действия. См.: *Жогин Н.В., Фаткуллин Ф.Н.* Указ. соч. – С. 95–100.

¹² «Сложный юридический факт – факт, который складывается из нескольких элементов. Примерами сложных юридических фактов могут служить: правонарушение (преступление)». См.: *Юридический словарь* / Под ред. А.И. Азриеляна. – М.: Институт новой экономики, 2007. – С. 1096.

сегодня не вызывает особых возражений. Этот предмет должен позволять констатировать факт совершения преступлений. И к этому факту должны предъявляться требования достоверности. Последнее и обеспечивается наличием достаточных данных, указывающих на признаки преступления.

Поэтому мы не можем согласиться с предложением Л.В. Березиной, предлагающей законодательно уточнить дефиницию основания для возбуждения уголовного дела¹³. Она предлагает такую формулировку: «Основанием для возбуждения уголовного дела является обоснованное предположение органа дознания, дознавателя, следователя и прокурора о наличии достаточных данных, указывающих на признаки преступления» [6, С. 7].

Мы полагаем, что обоснованное предположение – это результат оценочной деятельности органов расследования, опирающейся на достоверно установленные факты, из которых складывается картина признаков преступления. Мы *должны не предполагать достаточные данные, а иметь их в наличии*.

Юридический факт, как известно, порождает правоотношения. Известно и то, что преступление является предпосылкой возникновения в первую очередь уголовно-правовых правоотношений. Причем природа этих правоотношений носит в некотором роде «мистический» характер: преступление всегда влечет появление уголовно-правового отношения, это отношение существует независимо от того, известен факт преступления или нет. Уголовно-процессуальные правоотношения – более «земные». Они носят служебный характер по отношению к уголовно-правовым. Причем известно, что уголовно-процессуальные отношения могут появляться и без преступлений. И это вовсе не аномалия (хотя, естественно, и не норма): уголовно-процессуальная деятельность возникает лишь на основании предположения о преступлении. «Совершение преступления, – указывает В.П. Божьев, – отнюдь не всегда вызывает возникновение уголовно-процессуальных правоотношений, поскольку не обо всех преступлениях становится известно субъектам уголовно-процессуальных отношений – компетентным государственным органам. С другой стороны, ложные или ошибочные сообщения о преступлении обуславливают возникновение уголовно-процессуальных отношений при фактическом отсутствии уголовно-правовых отношений» [7, С. 14].

Поэтому в *основе возникновения уголовно-процессуальных правоотношений лежит именно повод как образ предполагаемого преступления*. Однако следует помнить, что уголовный процесс – деятельность, представляющая публичные интересы. Поэтому образ предполагаемого преступления должен быть явным, убедительным и соответствующим образом удостоверенным, т. е. переведенным в соответствующие формулировки.

С этой точки зрения трактовке повода (как образа) явно недостает дополнительной опоры – основания для возбуждения уголовного дела.

По нашему мнению, образ предполагаемого преступления создается системным единством *повода и основания для возбуждения уголовного дела*. В любом юридическом вузе студентам внушают, что дело может быть возбуждено лишь при наличии повода и

¹³ Исследования показывают, что и нынешний вариант законодательной дефиниции понятия основания для возбуждения уголовного дела нелегко для понимания. По данным С.С. Безрукова, эта формулировка вызывает затруднение при принятии решения о возбуждении уголовного дела у 13% следователей, 12,3% прокуроров, 11% судей. См.: *Безруков С.С. Оценочные понятия и термины в уголовно-процессуальном законодательстве: Автореф. дис... канд. юрид. наук. – М., 2001. – С. 20.*

основания. А это означает, что свойство возбуждения дела возникает только у системы «повод + основание». Это и есть проявление системного свойства эмерджентности, выражаемого известной формулой: целое больше, чем сумма частей.

В связи с этим мы выдвигаем гипотезу, что главным *источником системности поводов является связка поводов и оснований*. Последние, взятые в совокупности, сами представляют собой системное образование.

Результаты проверки этой гипотезы мы изложим в следующей статье, а пока обратимся к еще одному плану понятия поводов. Рассмотрим это понятие, исходя из ведомственной нормативной трактовки поводов.

На сегодняшний день имеется множество приказов, касающихся первоначальной стадии уголовного процесса. Но мы посмотрим на проблему ведомственной интерпретации поводов в историческом ключе.

В качестве отправного источника возьмем Приказ МВД СССР № 415 от 11 ноября 1990 г. «Об утверждении Примерной инструкции о порядке приема, регистрации, учета и разрешения в органах и учреждениях внутренних дел заявлений, сообщений и другой информации о преступлениях и происшествиях». Этот акт давно не действует. Но нам он интересен не своей юридической силой, а хорошо выраженным ведомственным подходом к интерпретации поводов к возбуждению уголовного дела. Заметим попутно, что этот подход остается неизменным и в действующих инструкциях.

В избранной для анализа инструкции проводится дифференциация первичной информации о преступлении. Согласно п. 1.2. информация о преступлениях и происшествиях подразделяется в зависимости от формы поступления на две группы: 1) заявления и сообщения о преступлениях, поступающие в органы внутренних дел и являющиеся в соответствии с уголовно-процессуальным законом поводом к возбуждению уголовного дела; 2) другая информация о преступлениях и происшествиях.

Как видим, в основе дифференциации лежит форма поступления информации. Формальная сторона вообще находится в центре инструкции. В п. 1.3 читаем: «Заявления и сообщения о преступлениях – это поступающая в органы внутренних дел информация, которая требует установленного законодательством... режима процессуального порядка их рассмотрения».

Далее следует развернутая система информационных источников, составляющих содержание соответствующего повода. Инструкция указывает: «К заявлениям и сообщениям о преступлениях, являющимся поводами к возбуждению уголовного дела, относятся: устные заявления после разъяснения ответственности за заведомо ложный донос, оформленные протоколом и подписанные заявителем; письменные заявления или письма граждан, имеющие необходимые реквизиты и оформленные в соответствии с уголовно-процессуальным законом; заявления и сообщения о безвестном исчезновении граждан; письменные сообщения добровольных народных дружин по охране общественного порядка, товарищеских судов и других общественных организаций; письменные сообщения предприятий организаций и должностных лиц. В настоящей инструкции под заявлениями и сообщениями о преступлениях понимаются также явки с повинной, оформленные в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона».

Из приведенного фрагмента следует, что *повод в уголовном процессе не всегда представляет собой готовую субстанцию. Гораздо чаще он формируется специально.* Не случайно этот аспект выделяется представителями «милицейской» школы процессуалистов. Т.Н. Москалькова подчеркивает, что повод – это «источник информации о преступлении, надлежаще оформленный и переданный лицу или органу, уполномоченному принимать решение о возбуждении уголовного дела» [21, С. 302].

Формирование повода включает в себя и активную мыслительную деятельность: любая информация должна оцениваться на предмет содержания в ней подтверждения признаков преступления. Если есть намек на это, то необходимо предпринять действия по формированию повода.

Ученых-процессуалистов рассматриваемая инструкция привлекала тем, что она, по их мнению, по некоторым параметрам шла вразрез с уголовно-процессуальным законодательством. Так, А.П. Попов, анализируя этот документ, указал: «Если сопоставить инструктивный перечень поводов к возбуждению уголовного дела с аналогичным перечнем, данным в ст. 108 УПК РСФСР, то можно увидеть, что потерялись еще два повода – заметки и письма, опубликованные в печати, и «непосредственное обнаружение» [25, С. 47].

Действительно, Инструкция поместила эти поводы в группу «другой информации», которую, согласно п. 1.4. Инструкции, составляют: «информация граждан, представителей общественных организаций и должностных лиц, поступившая по телефону (телефаксу), телеграфу или радио; сообщения персонала лечебных учреждений <...>; работников паспортных аппаратов <...>; работников Госавтоинспекции <...>; работников подразделений вневедомственной охраны <...>; статьи, заметки и письма, опубликованные в печати и других средствах массовой информации; письма учреждений Госстраха <...>; рапорты работников органов внутренних дел о непосредственно обнаруженных или выявленных происшествиях».

Курсивом мы выделили те информационные источники, которые по смыслу напоминают поводы, содержащиеся в ст. 108 УПК РСФСР. Мы не случайно говорим лишь о напоминании, а не о буквальном совпадении. Это говорит о том, что Инструкция (читай – МВД России) имеет к этим источникам особое отношение.

Тот, кто не разобрался с основаниями ведомственной специфики, предпочел ее критику. Однако нашлись и те, кому интереснее было прояснить практическую логику ведомственного нормотворчества. Таким образом, к примеру, поступил А.П. Попов. Деление всей информации, поступающей в ОВД, на поводы к возбуждению уголовного дела и другую информацию натолкнуло автора на мысль, что в основе группировки лежит идея содержательной оценки информации.

«Поводом, согласно инструкции, – пишет он, – является информация, указывающая на совершение преступления и облеченная в процессуальную, а точнее – в квазипроцессуальную форму. Инструкция весьма доходчиво подчеркивает формальный момент, говоря, например, не просто о заявлении гражданина, а именно об «устном заявлении после разъяснения ответственности за заведомо ложный донос, оформленном протоколом и подписанные заявителем». То же заявление, сделанное по телефону, относится к другой информации, поскольку отсутствует материальный (формальный)

признак. Вместе с тем, формальный признак не может служить основанием для «железной» классификации информации на поводы и другую информацию. Среди «другой информации» содержится немало информационных источников, облеченных в форму документов (сообщения различных органов). Здесь критерий отнесения этих сообщений в иную, нежели поводы, группу другой – содержательный. В сообщениях государственных органов содержится, как можно предположить, не информация о преступлениях, а констатация какого-то факта (следствия) при допускаемом законом юридическом безразличии к причине. Делать подобные сообщения они обязаны согласно своим ведомственным предписаниям» [25, С. 47-48].

А.П. Попов затронул и проблему сообщений, имеющих в средствах массовой информации. То, что инструкция не относит этот источник к поводам, он одобряет. «Представляется, – пишет он, – что подобный подход достаточно логичен и практически оправдан. Если на каждую заметку в печати (а сегодня, пожалуй, редкий день обходится без сенсационных разоблачений) реагировать подобным образом, то, пожалуй, бланков об отказе в возбуждении уголовного дела не хватит» [25, С. 49].

Размышления А.П. Попова интересны, хотя и дискуссионны. Мы не станем разбирать его тезисы. На наш взгляд, корни дифференциации поводов лежат гораздо глубже. Они не могут быть объяснены только практической целесообразностью. Здесь проявляют себя все нюансы понятия повода.

Если не ограничивать исторический метод познания советской ведомственной инструкцией, а заглянуть еще на полтора века назад, то можно увидеть, что разграничение поводов на классы обусловлено генетически. Так, И.Я. Фойницкий, характеризуя систему поводов для возбуждения уголовного дела по Уставу Уголовного судопроизводства, пишет: «Начало предварительного следствия обуславливается наличием одного из тех пяти законных поводов, которые указаны в статье 297 Устава уголовного судопроизводства; как скоро появился такой повод, судебный следователь постановляет о начатии дела. Некоторые из этих поводов безусловно обязательны (выделено нами. – Е.К.) для следователя в том смысле, что при наличии их он не может не начать следствия; другие же не обязывают его к начатию дела, а лишь дают ему на это право. К первым относятся жалобы потерпевших, предложение прокурора и возбуждение дела начальством обвиняемого; ко вторым – сообщения полиции, явка с повинной и заявления лиц, не потерпевших от преступного деяния» [36, С. 397].

Таким образом, можно говорить о том, что в ведомственных инструкциях нашли отражение определенные исторические закономерности. Точнее, речь идет об эмпирических обобщениях. Историческая практика показывает, что ряд информационных сигналов нуждаются в проверке. Это, по нашим оценкам, преимущественно те сигналы, в отношении которых еще не выработана четкая уголовно-процессуальная форма.

Именно поэтому «другая информация» (как разновидность информации о преступлении) в любом случае должна подлежать проверке. Так, п. 4.2. рассматриваемой инструкции обязывает дежурного принять меры к ее незамедлительной проверке. Указанная информация может служить поводом для выезда на место происшествия, принятия мер по обеспечению сохранности следов, кинофотосъемки и видеозаписи, проведения оперативно-розыскных мероприятий, назначения ревизии или контрольных

обмеров, получения объяснений или производства других проверочных действий. По результатам этой проверки может быть принято любое решение, в том числе и о возбуждении уголовного дела. При проверке же информации, являющейся, согласно Инструкции, поводом, могут быть приняты решения, предусмотренные уголовно-процессуальным законом – о возбуждении уголовного дела, об отказе в возбуждении уголовного дела, о передаче по подследственности или подсудности. Здесь у органа, принявшего заявление-повод, появляется юридическая обязанность разрешить заявление одним из предусмотренных УПК решением.

Обзор Инструкции мы завершим следующим указанием: «Если признаки преступления обнаружены в процессе рассмотрения другой информации или выполнения служебных обязанностей, то работник, который их выявил, обязан составить рапорт (выделено нами. – Е.К.) о непосредственном обнаружении признаков преступлений, являющихся в соответствии с требованиями УПК поводом для возбуждения уголовного дела».

В приведенной цитате мы выделили слово «рапорт». Оценивая эту фразу в контексте современного УПК РФ и современного же ведомственного нормотворчества, можно сделать вывод, что на нынешнюю систему поводов существенное влияние оказала ведомственная практика, т. е. исторический опыт полиции. Таким образом, можно сделать вывод, что *современная система поводов сочетает в себе полицейские (ведомственные) и исторические предпосылки – предпосылки различной юридической силы поводов*. Получается, что всякий повод побуждает, но не всякий побуждает одинаково и к одной и той же совокупности действий.

На ведомственные предпосылки системы поводов обращает внимание и указание на рапорт об обнаружении признаков преступления. Ведомственная инструкция дает понять, что этот рапорт, по сути, и является поводом. Отголоски этого подхода мы непосредственно наблюдаем в главе 19 УПК РФ и п. 43 ст. 5 УПК РФ.

Законодатель, разъясняя понятие «сообщение о преступлении» (п. 43 ст. 5 УПК РФ.), называет только первые два повода, а вместо сообщения о совершенном или готовящемся преступлении, полученном из иных источников, называет «рапорт об обнаружении преступления».

Несогласованность между ст. 5 и ст. 140 УПК усугубляется ст. 143 УПК, названной, вопреки двум предыдущим, «Рапорт об обнаружении признаков преступления». Текст ст. 143 гласит: «Сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников, чем указанные в статьях 141 и 142 настоящего Кодекса, принимается лицом, получившим данное сообщение, о чем составляется рапорт об обнаружении признаков преступления».

На эти моменты обращает внимание С.И. Гирько. Он, в частности, пишет: «Логика законодателя трудно понять. Одно ясно – налицо явные, не столько редакционные, сколько существенные, несогласованности между нормами, посвященными одному и тому же предмету регулирования. Очевидно, что подобные неопределенности не украшают УПК и потому не должны в нем оставаться»¹⁴.

¹⁴ Гирько С.И. Роль и функции милиции в уголовном процессе России: Монография. – М., 2005. – С. 80. С.И. Гирько в указанной работе дает развернутый анализ другого ведомственного акта – Инструкции МВД России «Об

В данной статье мы изложили информацию об основных проблемах, которые связаны с понятием повода к возбуждению уголовного дела. К отдельным моментам мы еще будем возвращаться при характеристике конкретных поводов. Существенное прибавление к пониманию системообразующих аспектов понятия повода, на наш взгляд, может дать следующая статья.

Литература

1. Александров А.С., Ковтун Н.Н., Поляков М.П., Сереброва С.П. Уголовный процесс России: Учебник // Научн. ред. В.Т. Томин. М., 2003.
2. Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. М., 1999.
3. Арсеньев В.Д. Доказывание фактических обстоятельств дела в отдельных стадиях советского уголовного процесса // Вопросы борьбы с преступностью. Труды Иркутского государственного университета. – Серия юридическая. – Иркутск, 1969. Вып. 8. Ч. 4. Т. 45.
4. Безлепкин Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 2-е изд., перераб. и доп. М, 2003.
5. Безруков С.С. Оценочные понятия и термины в уголовно-процессуальном законодательстве: Автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 2001.
6. Березина Л.В. Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела по УПК Российской Федерации: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Саратов, 2003.
7. Божьев В.П. Уголовно-процессуальные правоотношения: Автореф. дис... д-ра юрид. наук. М., 1994.
8. Быков В.М., Березина Л.В. Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела. – Казань: Изд-во «Таглитмат». – ИЭУП, 2006. – 256 с.
9. Гирько С.И. Роль и функции милиции в уголовном процессе России: Монография. М., 2005.
10. Григорьев В.Н. Возбуждение уголовного дела / Лекция-консультация. М., 2002.
11. Громов Н.А. Уголовный процесс России: Учебник. / Н.А. Громов, А.Н. Гущин, В.А. Пономаренков, Ю.В. Франциферов. М., 2001.
12. Дмитриев И.Р. «Свободный» повод для возбуждения уголовного дела.: Дис... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2005.
13. Жогин Н.В., Фаткуллин Ф.Н. Возбуждение уголовного дела. М.: Госюриздат, 1961.
14. Жогин Н.В., Фаткуллин Ф.Н. Возбуждение уголовного дела. М., 1965.
15. Карев Д.С., Савгирова Н.М. Возбуждение и расследование уголовных дел. М., 1967.
16. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. В.И. Радченко; Науч. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2006.

утверждении инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в органах внутренних дел Российской Федерации сообщений о преступлениях и иной информации о правонарушениях», объявленной приказом МВД РФ № 158 от 13 марта 2003 г.

17. Копьева А.Н. Значение документов при возбуждении уголовного дела // Вопросы борьбы с преступностью. Труды Иркутского государственного университета. Серия юридическая. Иркутск, 1971. Вып. 11. Ч. 4. Т. 81.
18. Масленникова Л.Н. Возбуждение уголовного дела // Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / Под ред. Лупинской П.А. М., 2003.
19. Михайленко А.Р. Возбуждение уголовного дела в советском уголовном процессе: Учебное пособие / Под ред. проф. А.Л. Цыпкина. Саратов, 1975.
20. Мотовиловкер Я.О. Предмет советского уголовного процесса: Учебное пособие для студентов, изучающих спецкурс «Предмет советского уголовного процесса». Ярославль, 1974.
21. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. В.М. Лебедева; Науч. ред. В.П. Божьев. 2-е изд., перераб и доп. М., 2004.
22. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова; РАН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. – М., 2003.
23. Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 16 июля 2004 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 6.
24. Пономаренков В.А. Уголовное судопроизводство: Учебное пособие. Самара, 2002.
25. Попов А.П. Непосредственное обнаружение признаков преступления как повод к возбуждению уголовного дела: Дис... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1999.
26. Практикум по советскому уголовному процессу: Выпуск 2. / Под общ. ред. проф. В.Т. Томина и к.ю.н. Г.Н. Козырева. Изд. 3-е, перераб. и доп. Нижний Новгород, 1991.
27. Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство. Петроград, 1914.
28. Рыжаков А.П. Возбуждение и отказ в возбуждении уголовного дела. М., 2001.
29. Рыжаков А.П. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. 3-е изд., изм. и доп. М., 2003.
30. Сердюков П.П. Доказательства в стадии возбуждения уголовного дела: Учебное пособие. – Иркутск, 1981.
31. Случевский В. Русский уголовный процесс. СПб., 1913.
32. Смирнов А.В. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. Постатейный / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский. Под общ. ред. А.В. Смирнова. 2-е изд., доп. и перераб. СПб, 2004.
33. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса: В 2 т. – М., 1970. – Т. 2.
34. Темушкин О.П. Возбуждение уголовного дела // Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / Под ред. Лупинской П.А. М., 2000.
35. Томин В.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / Отв. ред. В.И.Радченко; Под ред. В.Т. Томина. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1999.
36. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства: В 2 т. СПб., 1996. Т. 2.
37. Шевченко И.А. Повод к возбуждению производства по уголовному делу // Российский следователь. 2002. № 11. С. 16-17.
38. Юридический словарь / Под ред. А.И. Азриеляна. М.: Институт новой экономики, 2007.

39. Якупов Р.Х. Уголовный процесс: Учебник для вузов. М., 1999.

Kuz'menko E.S. Ponjatie povoda k возбужденiju ugovnogo dela // Nauka. Mysl'. - № 1. – 2016.

© Е.С. Кузьменко, 2016.
© «Наука. Мысль», 2016.

— ● —

Abstract. This article presents the study of the theoretical and practical foundations of the initiation of criminal trial, while special attention is paid to the system the reasons for initiation of criminal proceedings.

Keywords: criminal case, initiation of criminal trial, criminal law.

— ● —

Сведения об авторе

Елена Сергеевна Кузьменко, кандидат юридических наук, Нижегородская академия МВД России (Нижний Новгород, Россия).

— ● —

Подписано в печать 15.01.2016.
© Наука. Мысль, 2016.

Юридические науки

УДК 34

ПОВОД И ОСНОВАНИЕ КАК СИСТЕМА¹⁵

Е.С. Кузьменко, Нижегородская академия МВД России (Нижний Новгород, Россия)

Аннотация. В данной работе проводится исследование теоретических и практических основ возбуждения уголовного дела, при этом уделяется особое внимание системе поводов для возбуждения уголовного дела

Ключевые слова: уголовное дело, возбуждение уголовного дела, уголовное право.

В предыдущей статье нами высказано суждение о том, что образ предполагаемого преступления создается системным единством повода и основания для возбуждения уголовного дела, и, следовательно, «возбуждающими» свойствами обладает только система «повод + основание».

Таким образом, *юридический факт, дающий импульс для начала уголовно-процессуальной деятельности, порождается совокупными усилиями повода и основания.* Не случайно две эти «правовых фигуры» более 100 лет находятся в тесной связке. Статья 149 УПК РФ в очередной раз подтвердила эту любопытную закономерность¹⁶: в уголовно-процессуальном законодательстве поводы и основания, как правило, появляются парно. Подобный вывод подтверждается не только УПК РСФСР, но и положениями уголовно-процессуального права Российской Империи. Текст статьи 262 Устава уголовного судопроизводства Российской Империи¹⁷ в этом смысле весьма показателен: «Предварительное следствие не может быть начато судебным следователем без законного к тому повода и достаточного основания».

Нетрудно разглядеть, что повод и основание в УУС были теснейшим образом взаимосвязаны. Объяснение этому феномену может быть отчасти выведено из семантического родства названных слов. Толковый словарь русского языка дает следующее определение: «Повод – обстоятельство, способное быть основанием (выделено нами. – Е.К.) для чего-нибудь» [14, С. 529]. Очевидна связь понятия повода с понятием основания, толкование которого также представлено в указанном словаре: «Основание – причина, достаточный повод (выделено нами. – Е.К.), оправдывающие что-

¹⁵ Статья представлена магистром социальной работы Т.М. Хусяиновым (Нижний Новгород, Россия). **Научный руководитель:** доктор юридических наук, профессор М.П. Поляков. **Ведущая организация:** Волгоградская академия МВД России. **Оппоненты:** доктор юридических наук, профессор А.Ф. Лубин; кандидат юридических наук, доцент С.П. Гришин. **Отзывы прислали:** профессор кафедры Института повышения квалификации руководящих кадров Генеральной прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент А.В. Агутин; доцент кафедры уголовного процесса СибЮИ МВД России, кандидат юридических наук, доцент П.Л. Сурихин; начальник кафедры уголовного процесса Калининградского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент, подполковник милиции В.Н. Авдеев; Начальник Омской академии МВД России, заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор Б.Б. Булатов; Заведующий кафедрой уголовного права и процесса Омского юридического института, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, доцент Ю.В. Деришев.

¹⁶ Мы считаем, что необходимо говорить именно о закономерности, а не о тенденции.

¹⁷ Далее – УУС.

нибудь» [14, С. 463].

Закон и тогда не считал возможным дать определение повода (равно как и основания). Приводились лишь перечни поводов. В УУС имелось два таких перечня: один для уголовных дел, рассматриваемых в рамках мировой юстиции, другой для дел, разбираемых в общем порядке¹⁸.

Однако в законодательной технике нормативной связки повода и основания были перерывы. В первых советских УПК (УПК 1922 и 1923 гг.) эти термины близко не соседствовали в тексте закона. Так, в УПК 1923 г. в главе, посвященной возбуждению уголовного дела, говорилось только о поводах: «Ст. 91. Поводами к возбуждению уголовного дела являются: 1) заявление граждан и различных объединений и организаций; 2) сообщение правительственных учреждений и должностных лиц; 3) явка с повинной; 4) предложение прокурора; 5) непосредственное усмотрение органов дознания, следователя или суда».

Об основаниях возбуждения уголовного дела в рамках соответствующего раздела УПК информации не было. Имеется в виду буквальная информация, выражаемая словом «основание». Что касается сущностных признаков последнего, то они были вполне различимы. Тот, кто знаком с современной нормативной трактовкой основания для возбуждения уголовного дела, легко увидит его признаки в двух приводимых ниже статьях УПК РСФСР 1923 г.

«Ст. 95. Усмотрев из самого заявления или сообщения отсутствие в деле признаков преступления (выделено нами. – Е.К.), органы дознания, прокурор или следователь отказывают в производстве дознания или предварительного следствия, о чем объявляют заинтересованным лицам или учреждениям, каковой отказ может быть обжалован в семидневный срок заявителями в надлежащий суд».

«Ст. 96. При наличии поводов, указанных в ст. 91 Уголовно-процессуального Кодекса и при наличии в заявлении указаний на состав преступления (выделено нами. – Е.К.): 1) органы дознания приступают к производству дознания, причем по делам, где обязательно производство предварительного следствия, обязаны в течение суток сообщить о том следователю и прокурору; 2) прокурор направляет дело для производства предварительного следствия или дознания, либо непосредственно в суд; 3) следователь приступает к производству предварительного следствия, о чем в течение суток сообщает прокурору; 4) суд направляет дело для производства дознания или предварительного следствия, либо принимает дело непосредственно для рассмотрения его по существу».

Заметим, что само слово «основание» из первых советских кодексов не исчезло; оно по-прежнему использовалось, хотя и в других ситуациях. Статья 128 УПК: «При наличии *достаточных данных, дающих основание* для предъявления обвинения в совершении преступления, следователь составляет мотивированное постановление о привлечении данного лица в качестве обвиняемого».

Как видим, под основанием для принятия решения о предъявлении обвинения УПК РСФСР 1923 г. понимал *достаточные данные*. В этом нормативном определении нашла свое отражение сущность оснований для принятия ключевых уголовно-процессуальных решений. Из подобного понимания оснований впоследствии сформировалась и

¹⁸ Эти перечни приводятся в следующем параграфе.

законодательная дефиниция основания для возбуждения уголовного дела. В УПК РСФСР 1960 г. эти основания были сформулированы в ч. 2 ст. 108 УПК как *достаточные данные, указывающие на признаки преступления*.

Новый УПК РФ не внес изменений в эту формулу: ч. 2 ст. 140 гласит: «основанием для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления».

Зададимся вопросом: почему законодатель рассматривает понятие поводов и основания в тесной связке? Частично ответ мы дали выше. Однако есть существенные дополнения, на которые указывают ранние нормативные формулировки, а именно ст. 262 Устава Уголовного судопроизводства: «Предварительное следствие не может быть начато судебным следователем без законного к тому повода и *достаточного* основания» (выделено нами. – Е.К.).

Законодатель не случайно снабдил термин «повод» определением «законный». Тем самым подчеркивалось, что *повод есть категория юридическая*. Данный подход полностью вписывается в современные концепции. Однако с основанием для возбуждения уголовного дела ситуация обстоит иначе. Мы приходим к заключению, что УУС подчеркивает, что основание есть категория иного рода, нежели повод. Если повод категория юридическая, то основание – *логическая*.

Для понимания подобной градации нужно учитывать исторический контекст. Во времена действия УУС неотъемлемым элементом правовой культуры юристов считалась логика. Таковой она остается и ныне, однако современные исследователи, как правило, не акцентируют это. Современники УУС, напротив, выделяли логическое начало, показывали его основополагающее значение для методологии уголовного процесса. Поэтому неудивительно, что о логике в контексте уголовного судопроизводства постоянно говорили и теоретики уголовного процесса. Об этом можно судить по двум цитатам из известной работы И.Я. Фойницкого (наши акценты выделены курсивом).

«Особые правовые пути отыскания истины в процессе уместны и необходимы настолько лишь, насколько они вытекают из особенностей процессуальных отношений; они призваны не заменять, а лишь дополнять *общие логические начала*» [23, С. 8]. Таким образом, уголовно-процессуальное право является в некотором роде надстройкой над общими логическими правилами.

Однако последующее изучение работ И.Я. Фойницкого приводит к выводу о том, что логические начала соседствуют с другими значимыми детерминантами. Уголовно-процессуальный метод формировался и эмпирическим путем: путем исторического отбора. «К историческим наслоениям в процессе, – писал И.Я. Фойницкий, – необходимо относиться с большой осторожностью, так как вся система правосостояния есть результат взаимодействия различных факторов народной жизни, складывающихся путем историческим. Соглашение обеих этих сторон в судебном порядке – *стороны логической* и *стороны исторической* – составляет истинную и высокую задачу теории судебного права»¹⁹.

¹⁹ Фойницкий И.Я. Указ. соч. – С. 8. Оценивая последнюю цитату, Т.В. Никифорова сделала вывод о том, что «здесь формулируется главное противоречие, которое лежит в основе развития уголовно-процессуальной формы. Это противоречие между исторической и логической стороной». См.: Никифорова Т.В. Уголовно-процессуальный

Но цитаты классиков процесса – это только предпосылки. УУС, на наш взгляд, содержал и прямые указания на логическую природу основания, поскольку говорил не просто об основании для возбуждения уголовного дела, а именно о достаточном основании (выделено нами. – Е.К.).

Для людей, знакомых с основами логики, здесь четко просматривается один из логических законов – *закон достаточного основания*²⁰. Напомним суть указанного закона, для чего приведем несколько определений.

В старом учебнике по логике этот закон сформулирован предельно кратко: «Всякая правильная мысль должна быть обоснована другими мыслями, истинность которых доказана практикой человека»²¹.

Современный философский энциклопедический словарь дает более развернутое понимание: «Закон достаточного основания – общий логический принцип, согласно которому положение считается истинным только в том случае, если приведено достаточное основание его истинности. В составе достаточного основания должны быть заведомо истинные суждения, уже доказанные опытным путем или выведенные из истинности других положений. Закон достаточного основания является общим методологическим принципом в логике... Он характеризует одну из существенных черт логически правильного мышления – доказательность» [22, С. 143] (выделено нами. – Е.К.).

Соглашаясь по существу понимания закона достаточного основания, не все современные философы связывают этот принцип собственно с законами логики. Так, А.А. Ивин пишет: «Закон достаточного основания вообще не является принципом логики – ни основным, ни второстепенным. Он требует, чтобы ничто не принималось просто так, на веру. В случае каждого утверждения следует указывать основания, в силу которых оно считается истинным. Разумеется, это никакой не закон логики. Скорее всего, это некоторый методологический принцип, не особенно ясный, но в общем не бесполезный» [7, С. 38]. Мы не станем вдаваться в подоплеку профессиональных дебатов логиков. Для нас важно другое: *получение основания для возбуждения уголовного дела предполагает доказательственную деятельность в этой стадии, приведение аргументов*²².

Однако уголовно-процессуальная аргументация не может опираться на теоретические аргументы. Для обоснования процессуальных решений, в том числе и итоговых решений в стадии возбуждения уголовного дела, требуется получить информацию. И не только получить, но и соответствующим образом оформить.

Таким образом, *достаточное основание, являясь результатом уголовно-процессуального доказывания, предполагает, что оно (основание) должно опираться на аргументы, отвечающие требованиям (критериям), похожим на свойства доказательств.*

обряд: теоретические и прикладные аспекты внешней стороны процессуальной формы: Дис... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2007. – С. 25.

²⁰ Мы не первые, кто обратили внимание на эту особенность. М.Т. Коридзе в своей диссертации тоже заметил, что «достаточное основание» в контексте УСС – это своего рода мостик к формальной логике, которая имеет для уголовного процесса большое значение. См.: *Коридзе М.Т.* Современные задачи стадии возбуждения уголовного дела и средства их решения: Дис... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2006. – С. 86.

²¹ *Кондаков Н.И.* Логика: Пособие для учителей. – М., 1954. – С. 116.

²² Указанный тезис сегодня не встречает особых возражений. Подробнее о дискуссии по этому поводу см.: *Быков В.В., Березина Л.В.* Указ. соч. – С. 94–189.

Речь в данном случае идет об относимости и допустимости информационных блоков (информационных продуктов), из которых складываются эти основания. Их можно назвать данными о признаках преступления.

Относимость предполагает, что эти данные дают прямое или косвенное представление о криминальной природе события, описываемого в поводе для возбуждения уголовного дела.

Допустимость требует, чтобы данные были получены из определенного законом источника и в надлежащей форме. Все эти требования теснейшим образом переплетаются в таком явлении, как повод к возбуждению уголовного дела. Таким образом, сам повод как информационно-юридическое явление способствует формированию предпосылок истинности основания.

Полагаем, в системе поводов должна, как в зеркале, отражаться эволюция уголовного процесса, его исторические закономерности. Все формальные (процедурные) находки, обеспечивающие надежность инициации начального этапа процесса, должны закрепляться в законе²³. Мы видим, что имеют место *исторические предпосылки системности поводов*. Но означает ли это, что в основе системы поводов лежит только исторический фактор, а логические предпосылки играют второстепенную роль?

Для того, чтобы разобраться с этим вопросом, опять обратимся к постулатам логики. В рамках закона достаточного основания говорится о логическом основании и реальной причине. Н.И. Кондаков подчеркивает: «Логическое основание не следует смешивать с реальной причиной, с непосредственным предметом или фактом, вызвавшим появление предмета, отобразившегося в нашей мысли. Когда говорят об отношении между двумя предметами, из которых один является основанием для появления другого, то первый из этих предметов называется причиной, а второй действием этой причины. Следовательно, отношение причины и действия – это отношение между предметами материального мира. Когда же мы имеем в виду логическое основание и вытекающее из него следствие, то в этом случае речь идет об отношении между нашими мыслями» [10, С. 116].

Попробуем адаптировать интеллектуальные отношения, о которых говорит Н.И. Кондаков, к уголовному процессу.

Итак, появлению повода для возбуждения уголовного дела, по общему правилу, должно предшествовать событие преступления. Однако повод не создается самим событием преступления. Повод не есть порождение только материального мира (материальными являются по большей части лишь его предпосылки). Повод – деятельность преимущественно интеллектуальная. В нем отражается восприятие преступного события и его субъективная оценка. *Повод всегда связан с субъектом и поэтому с логической точки зрения является суждением, т. е. интерпретацией некоего события, в т.ч. и степени криминальности этого события.*

В связи с этим, вряд ли можно безапелляционно говорить о том, что повод имеет материальную природу, а основание интеллектуальную (логическую). Очевидно, что такое соотношение указанных явлений было бы слишком упрощенным. Подчеркнем еще раз: за

²³ В связи с этим мы разделяем позицию С.П. Гришина, полагающего, что: «правовые нормы, действующие на протяжении веков и ставшие традиционными для отечественного судопроизводства, должны обязательно учитываться при изменениях действующего законодательства». См.: *Гришин С.П.* Производство по делам частного обвинения. – Н. Новгород, 2002. – С. 23.

всяким поводом скрывается логически оформленная мысль. Повод – это не просто действие, а действие, имеющее интеллектуальную подоплеку: субъект предлагает компетентным органам собственную умственную оценку ситуации. Для того, чтобы субъект еще раз задумался над своим суждением, его предупреждают об ответственности за заведомо ложный донос.

Однако деятельностная сторона повода крайне важна. Еще раз повторим одну мысль: по сути, не столько преступление, сколько повод (мыслительный образ преступления) является той причиной, которая вызывает к жизни уголовный процесс; последний может возникать и по надуманному поводу, хотя уголовно-процессуальная форма пытается всячески воспрепятствовать этому.

Вместе с тем, *нельзя говорить о том, что нормативный формализм присущ только поводу и совсем чужд основанию*. Действительно, по общему правилу при формировании основания – накоплении данных до уровня их достаточности – действует принцип свободной оценки доказательств. Однако практика сознательно допускает отступления от этого правила и иногда идет по пути формализации оснований. Такой подход свойственен для некоторых экономических преступлений, когда результаты соответствующей проверки (например, крупная недостача) априори оцениваются как основание для возбуждения уголовного дела.

Формализация основания вполне может быть применена и для возбуждения уголовного дела о преступлении против личности. В качестве примера можно привести Письмо Генеральной прокуратуры России и МВД России № 15-16-92 от 22 декабря 1992 г. «О соблюдении законности при разрешении заявлений и сообщений о безвестном исчезновении граждан». Согласно этому документу, «достаточным основанием (выделено нами. – Е.К.) для решения вопроса о возбуждении уголовного дела по материалам проверки о безвестном исчезновении могут быть следующие признаки, которые прямо или косвенно указывают на то, что без вести пропавший стал жертвой преступления: 1) отсутствие данных о намерении уехать, причин для сокрытия от близких причин своего отъезда либо ухода из дома на длительное время, наличие личных документов и вещей, без которых человек не может обойтись в случае длительного отсутствия; 2) малолетний возраст пропавшего, отсутствие заболевания, которое может обусловить скоростижную смерть, потерю памяти, ориентировку во времени или пространстве; 3) исчезновение с автотранспортом или крупной суммой наличных денег, ценностей; 4) постоянные конфликты в семье, угрозы в адрес исчезнувшего лица, преступные связи; 5) противоречивые объяснения и нелогичное поведение тех, кто контактировал с пропавшим перед исчезновением; 6) обнаружение в ходе розыска следов, получение иных сведений, свидетельствующих о возможном совершении преступления».

Этот документ – не что иное, как эмпирическое обобщение множества жизненных ситуаций. Он возник на базе анализа тысяч и тысяч фактов безвестного исчезновения граждан. В результате появилась своего рода процессуальная презумпция²⁴ – наличие фактов, указанных в письме, предполагает, что предпосылки исчезновения гражданина

²⁴ «Правовая презумпция – закрепленное в нормах права предположение о наличии или отсутствии юридических фактов, основанное на связи между ними и фактами наличными и подтвержденное предшествующим опытом». См.: *Бабаев В.К.* Презумпции в советском праве. – Горький, 1974. – С. 14.

преступны.

Однако подобный набор признаков невозможно разработать к каждой криминальной ситуации. Да и вряд ли нужно. Те же учебники по логике учат: «...приводить в подтверждение истинности мысли всякий раз непосредственный факт нет никакой необходимости. Ведь человек для этого и познает законы природы, чтобы не плестись рабски за каждым отдельным случаем практики» [10, С. 116].

Итак, мы еще раз отметим, что основание для возбуждения уголовного дела базируется на логическом законе достаточного основания. Это подтверждается и современной законодательной дефиницией основания, в центре которой находится требование *достаточности* данных о признаках преступления. Однако логическая сторона не единственная. Формирование достаточного основания предполагает и практическую деятельность по получению данных о признаках преступления.

Нормативное определение оснований для возбуждения уголовного дела заслуживает отдельного разговора. Начнем с того, что большинство современных процессуалистов вполне удовлетворены указанным определением. Однако ряд исследователей рассматривают его как проблемное [16, С. 60]. В качестве недостатков нормативного определения основания для возбуждения уголовного дела называется, например, нечеткость определяющих признаков. Так, по мнению Т.А. Соловьевой, в уголовно-процессуальном законе до настоящего времени нет четкого определения оснований к возбуждению уголовного дела, поскольку закон ссылается лишь на наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления, не расшифровывая оценочные понятия «достаточные» и «данные» [20, С. 63].

Отсутствие четкого определения основания порождает сложности его толкования. «С одной стороны, – указывает Л.А. Артемов, – речь об этих данных идет в статье УПК РФ, регламентирующей поводы и основания. Поэтому можно предположить, что основания к возбуждению уголовного дела должны содержаться в указанном законом поводе (заявлении, сообщении и т. д.). С другой стороны, законодатель об этом прямо не говорит, вполне обоснованно оставляя возможность получения данных, достаточных для возбуждения уголовного дела, и из других источников. Но таковые источники законом не определены» [1, С. 89].

В приведенной цитате содержится одна из проблем, имеющих значение и для нашего исследования. Это проблема соотношения понятий повода и основания. Указанная проблема на повестке уголовно-процессуальной науки стоит давно и юридическая наука время от времени возвращается к ней. Значительное оживление в дискуссию по этому вопросу внес Федеральный закон РФ «Об оперативно-розыскной деятельности» [21].

В этом законе говорится о том, что результаты ОРД могут быть использованы в качестве повода и основания для возбуждения уголовного дела (ст. 11 ФЗ РФ «Об оперативно-розыскной деятельности»).

Если толковать положения закона буквально, то получается, что один и тот же массив оперативно-розыскной информации может быть истолкован и как повод, и как основание. Данный факт может быть трактован как предпосылка слияния понятий поводов и основания возбуждения уголовного дела. Подобное толкование устраивает не всех. В связи с этим, данное законодательное положение получило неоднозначную оценку.

Начнем с критических откликов. По мнению Н.А. Громова, Н.А. Громова, А.Н. Гущина, Ю.В. Франциферова, «один и тот же массив информации не может быть одновременно причиной (т. е. поводом) и следствием (т. е. основанием) возникновения определенного явления (в нашем случае – возбуждения дела)» [5, С. 15].

Как видим, указанные авторы связывают указанные понятия как причину и следствие. Это, на наш взгляд, не совсем верно. Нам ближе мнение Н.И. Кондакова, приведенное выше: «Логическое основание не следует смешивать с реальной причиной, с непосредственным предметом или фактом, вызвавшим появление предмета, отобразившегося в нашей мысли».

В связи с этим следует признать обоснованным мнение М.П. Полякова, возразившего Н.И. Громову и его ученикам: «повод и основание, применительно к уголовно-процессуальному контексту, все же соотносятся не как причина и следствие, а как форма и содержание (выделено нами. – Е.К.). Думается, – пишет он, – что подобное заблуждение является следствием восприятия результата ОРД с сугубо информационных позиций: они, конечно же, важны, но не единственны. Такой (моноаспектный) подход пригоден лишь для того, чтобы вскрыть сущность результатов ОРД как оснований к возбуждению уголовного дела. Однако для уяснения их сути (как повода) необходимо вовлечь в сферу исследовательского внимания не только гносеологические, но и онтологические аспекты понятия названных результатов»²⁵.

Позднее в указанной дискуссии принял участие М.Т. Коридзе. По его мнению, «приравнивать причину к поводу не совсем корректно: в науке и философии эти понятия принято обособлять: в первое вкладывается внутренний смысл, во второе – внешнее проявление (здесь повод используется в значении слова «предлог»). Причиной для возбуждения уголовного дела будет само событие преступления. Именно в момент преступления возникает уголовно-правовое отношение между государством и преступником по поводу уголовной ответственности. В связи с этим причина для начала уголовного преследования есть явление объективное. Повод же в некотором смысле субъективен. Это субъективная оценка предполагаемой причины; лицо, сообщаящее о преступлении, предполагает, что таковое было действительно совершено. И это предположение может оказаться ошибочным.

Однако основой для возбуждения уголовного дела, т. е. основанием будет уже другая оценка ситуации – оценка компетентного лица, базирующаяся на необходимых для этого данных (выделено нами – Е.К.). Само собой, что повод как некомпетентная оценка информации о преступлении предшествует оценке компетентной (основанию), однако он не находится с ним в обязательной причинно-следственной связи (во-вторых). В информации, представленной в поводе, вовсе может не оказаться сведений, достаточных для констатации наличия признаков преступления. Более того, может быть много данных, указывающих на отсутствие криминального явления» [11, С. 79-80].

В приведенных выше цитатах содержится два различных взгляда на соотношение понятий повода и основания для возбуждения уголовного дела. Первый вариант

²⁵ Поляков М.П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности: Монография / Под науч. ред. В.Т. Томина. – Н. Новгород, 2001. – С. 99. Эта позиция им подтверждена и в комментарии к ст. 140 УПК РФ. См.: *Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации* / Отв. ред. В.И. Радченко; Науч. ред. В.Т. Тomin, М.П. Поляков. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2006. – С. 371.

предлагает формулу связи «причина и следствие», второй – «форма и содержание».

Критических оценок первого варианта мы привели достаточно. Что касается формулы «форма – содержание», то и она не безупречна.

Так, М.Т. Коридзе, критикуя первый подход, по сути, дал критическую оценку и второй позиции. По его мнению, под основанием следует понимать не столько саму информацию о признаках преступления, сколько оценку этой информации. В конечном итоге юридическое значение имеет лишь та оценка, которую дает компетентный субъект. Не случайно в УУС и ранних УПК РСФСР в контексте поводов к возбуждению уголовного дела встречалось слово «усмотрение». Это слово ничего общего не имело с произволом субъектов правоохранительной деятельности. Оно подчеркивало мыслительный, логический характер формирования основания для возбуждения уголовного дела.

На этом строит свои суждения и А.П. Попов. «Для наличия основания к возбуждению дела, – указывает он, – в уголовном процессе достаточен предварительный, вероятный вывод о соответствующих фактах. Его, однако, нельзя смешивать с тем предположением о преступлении, которое имеется в поводах к возбуждению дела. Это предположение (в некоторых случаях категорическое утверждение), исходящее от лица, которое не уполномочено решать процессуальные вопросы» [16, С. 71].

Но вернемся к закону об ОРД. И попробуем взглянуть на него позитивно. Не является ли соседство в ст. 11 этого закона повода и основания *проявлением все той же закономерности неразлучности повода и основания*, о которой мы говорили выше?

В связи с этим, мы выдвигаем гипотезу о том, что *словесная связка «повод и основание» является обозначением самостоятельной сущности*. Эта гипотеза опирается на ряд суждений, истинность которых не вызывает сомнений. Так, никто не отрицает наличие связи повода и основания. Более того, вопрос о необходимости этой связи даже не обсуждается. Это уголовно-процессуальная аксиома. Не случайно, что и слова «повод» и «основание» чрезвычайно близки по семантике²⁶.

Таким образом, за формулой «повод + основание» скрывается вполне самостоятельная сущность. Можно было бы объединить эти слова известным термином «информация», который легко соединяет в себе форму и содержание. Однако внутреннее убеждение предостерегает нас от этого, а также ряд других поводов. В качестве примера можно опять же привести ведомственные нормативные акты. В этих документах поводы выделяются из общего массива информации. Напомним, что вся информация о преступлении в инструкциях, регламентирующих соответствующую деятельность, делится на поводы для возбуждения уголовного дела и иную информацию о преступлении.

На наш взгляд, здесь уместнее будет другая аналогия – понятие доказательства. Выше мы уже обращались к этому понятию. Сделаем это еще раз. Доказательство, как известно, представляет собой единство содержания и формы: доказательства – это не просто сведения, но сведения облеченные в установленную законом форму. Указанная двойственность – неизбежный спутник информационной трактовки доказательств. Но и теория поводов опирается на информационный подход. Следовательно, повод тоже

²⁶ Эти слова имеют и другие значения. Но для нас важно сходство. См. *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова; РАН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М., 2003. – С. 529, 603, 588, 463.

является единством сведений и их источника.

Попытаемся под этим углом взглянуть на нормативный перечень поводов. Он включает в себя три элемента: 1) заявление о преступлении; 2) явка с повинной; 3) сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из других источников (ст. 140 УПК РФ). Впоследствии этот перечень был дополнен еще двумя: постановлением прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании и материалы, о преступлениях, предусмотренных статьей 172.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, направленные Центральным банком Российской Федерации в соответствии с Федеральным законом от 10 июля 2002 года № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», а также конкурсным управляющим (ликвидатором) финансовой организации для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

Толкование п. 3 этой статьи прямо наводит на мысль, что в п.п. 1 и 2 речь идет именно об источниках информации. Однако п. 3 ст. 140 говорит не только об источнике, он подчеркивает, что поводом является сообщение, полученное из источников. Таким образом, поводом является нечто, включающее в себя и сведения о преступлении, и источник этих сведений.

Ранее нам представлялось, что законодатель несколько нелогично сформулировал систему поводов для возбуждения уголовного дела. Нелогичность виделась, в частности, в разном характере элементов. Два первых толковались как источники информации, последний – как сама эта информация²⁷.

Но в ходе исследования стало ясно, что система поводов вполне логична. Логика станет ясной, если изложить эту систему в более четкой редакции. Для того, чтобы отразить информационно-формальную сущность поводов для возбуждения уголовного дела, эта система должна выглядеть следующим образом:

«Поводами для возбуждения уголовного дела служат сообщения о совершенном или готовящемся преступлении, полученные из: 1) заявления о преступлении; 2) заявления о явке с повинной; 3) других источников».

Мы не предлагаем эту конструкцию в текст закона. Она является всего лишь текстуальным переводом предполагаемого в явное. Однако и этого достаточно, чтобы увидеть признаки понятия повода. Повод – это сообщение о преступлении, полученное из предусмотренного законом источника. Сообщение, содержащее в себе достаточные данные, указывающие на признаки преступления, может служить *основанием* для возбуждения уголовного дела. Внимательно посмотрим на последнюю формулировку. Получается, что *повод как единство формы и содержания (т. е. информация) после соответствующей оценки может превратиться в основание для возбуждения уголовного дела*.

Однако подобные превращения нас вряд ли могут удовлетворить. Закон требует,

²⁷ Подобный подход дает себя знать в ведомственном нормативном материале. См. например: *Приказ* Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Министерства внутренних дел Российской Федерации, Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, Министерства юстиции Российской Федерации, Федеральной службы безопасности Российской Федерации, Министерства экономического развития и торговли Российской Федерации, Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков от 29 декабря 2005 г. № 39/1070/1021/253/780/353/399 «О едином учете преступлений».

чтобы был и повод, и основание. Если же в результате информационных превращений повод трансформируется в основание, то законных предпосылок для начала производства по уголовному делу не возникнет.

Поэтому *речь необходимо вести не о превращении повода в основание, а о появлении у повода свойств основания*. Иначе говоря, когда в юридическом – законном – поводе возникает логическое начало. А возникает оно в ходе проверочно-оценочной деятельности компетентного лица. Именно об этом говорили А.П. Попов и М.Т. Коридзе.

Но логическая деятельность по оценке сообщения о преступлении не отрицает собой онтологические предпосылки, позволяющие трактовать *повод как явление*. В результате мы имеем некое интеллектуально-материальное явление. Его можно обозначить формулой «*повод и основание*», точнее, «*повод + основание*». Дело возбуждается не при наличии разрозненных слагаемых, а при наличии сложения, т. е. появления суммы элементов.

Эта мысль вполне различима в позиции ряда процессуалистов. В качестве иллюстрации приведем фрагмент диссертации И.Р. Дмитриева: «Среди ученых, – пишет он, – можно встретить позицию, что повод может быть поводом и без основания, а вот основание без повода существовать не может. Представляется, однако, что взаимосвязь указанных атрибутов более сложная. В тесном смысле слова они могут существовать только парно (выделено нами. – Е.К.). Если нет основания, то нет и повода и наоборот. В одном случае мы движемся от повода к основанию, в другом от основания к поводу. Последняя ситуация имеет место при оперативно-розыскной инициации уголовного дела» [6, С. 84].

М.Т. Коридзе со своей стороны призывает не усердствовать в поиске различий между поводом и основанием. По его мнению, это «обязательные информационные слагаемые начала уголовного судопроизводства» [11, С. 85]. Весьма характерно, что речь идет именно о *слагаемых*.

Мы не в силах придумать отдельный термин для информационной сущности, создаваемой слагаемыми повода и основания. Это задача для научной работы другого уровня. А прибегать к слишком общим обозначениям, на наш взгляд, нецелесообразно. Обосновать эту нецелесообразность мы можем примером из кандидатской диссертации, посвященной источникам доказательств. Автор этой работы, Е.А. Купряшина, пытаясь дать новое объяснение квинтэссенции доказательств, выносит на защиту следующее положение: «Понятие «доказательство» есть явление, а «сведения» и «процессуальные источники сведений» – это составляющие этого явления. Следовательно, они соотносятся, как содержание, форма и явление» [12, С. 8].

Думаем, что автор этих строк получит в свой адрес достаточно критики, в частности, за то, что вместо парных понятий он вводит не совсем понятный понятийный треугольник. По нашему мнению, явление необходимо соотносить с сущностью; а у содержания и формы свои взаимоотношения. Так, во всяком случае, учит классическая философия и методология права [8, С. 158-176].

Но в приведенном положении есть и вполне здравые идеи. Именно они еще раз убедили нас в том, что «повод плюс основание» представляет собой то явление, которое дает материально-интеллектуальное обоснование началу полноценного уголовного

процесса.

Подобная двойственность субстанции, дающей толчок для начала производства по делу, находит отражение и в понимании повода. Сегодня в науке уголовного процесса складывается школа двойственной трактовки повода. С некоторой долей условности эти трактовки можно обозначить «повод на входе» стадии возбуждения уголовного дела и, соответственно, «повод на выходе» как толчок к началу производства предварительного расследования или судебного разбирательства (по делам частного обвинения).

М.Т. Коридзе выражает эту двойственность через следующую формулу: «Повод – это основание для начала стадии возбуждения уголовного дела. А основание – это повод для начала полномасштабного расследования» [11, С. 82, 165].

В связи с этим, представляют интерес и рассуждения А.П. Рыжакова. Он выделяет такое понятие, как «фактическое основание для возбуждения уголовного дела». «Фактическое основание, – пишет он, – накладывает свою специфику на повод, вернее, на содержание изложенной в нем информации. То, что достаточно для начала уголовного процесса, зачастую не может быть достаточным для принятия решения о возбуждении уголовного дела. По внешним («формальным», а не «содержательным») характеристикам повод для начала уголовного процесса и повод для возбуждения уголовного дела – это одно и то же (выделено нами. – Е.К.). Более того, в ряде случаев на момент начала уголовного процесса в поводе к началу уголовного процесса сразу содержатся основания для возбуждения уголовного дела (а значит, и основания для начала уголовного процесса). Бесспорно, что в такой ситуации повод для возбуждения уголовного дела одновременно является и поводом для начала уголовного процесса. Или наоборот, повод для начала уголовного процесса одновременно служит поводом для возбуждения уголовного дела» [18].

А.П. Рыжаков в подтверждение своих мыслей выдвигает следующий аргумент: «В приложении к УПК РФ № 7 и 8 приведен бланк постановления о возбуждении уголовного дела. Анализ его содержания показывает, что во вводной части данного документа законодатель хочет видеть сведения именно о поводе для начала уголовного процесса, т. е. «от кого и когда» поступило сообщение о преступлении. То обстоятельство, что указанная информация согласно закону должна отражаться в постановлении о возбуждении уголовного дела, само за себя говорит о том, что законодатель не видит принципиальной разницы между этими двумя понятиями» [18].

О близости и даже «взаимном перетекании» понятий поводов и оснований свидетельствуют и исторические факторы. Так, В. Случевский (современник И.Я. Фойницкого), характеризуя перечень поводов в УУС, заметил, что некоторые из законных поводов сами по себе *служили достаточным основанием* для возбуждения уголовного дела [19, С. 444].

Намеки на близость рассматриваемых понятий можно обнаружить и в работах самого И.Я. Фойницкого. Приведем цитату: «Предварительное следствие как судебная деятельность, располагающая значительными мерами принуждения, предполагает или точно сформулированное обвинение, исходящее от компетентного и ответственного обвинителя, или, по крайней мере (как по нашему праву), законный и достаточный повод (выделено нами. – Е.К.), причем понятие повода сводится здесь к определенному

действию и компетентности лица, его предпринимающего и на себе бремя и риск за него несущего (жалоба, предложение прокурора, непосредственный приступ к делу» [23, С. 379].

Как видим, автор цитаты применяет к понятию повода не только эпитет «законный», но и «достаточный». Тем самым, на наш взгляд, повод также сливается с основанием, которому закон и предъявляет требование достаточности.

Все приведенные аспекты понятий повода и основания для возбуждения уголовного дела, сближающие эти понятия друг с другом, содержат в себе предпосылки для того, чтобы вести речь о системности поводов для возбуждения уголовного дела. Эта системность генерируется как формальной (законной) основой понятия повода, так и логической квинтэссенцией понятия основания. Но в большей степени системным образованием, получающимся в результате сложения этих элементов.

Таким образом, с практической точки зрения необходимо осознавать, что повод и основание не являются автономными явлениями. Начало уголовно-процессуальной деятельности обусловлено системным единством повода и основания. Повторимся: только система «повод + основание» способна вызвать к жизни уголовный процесс. Иными словами, у этой системы появляется свойство, не присущее ни поводу, ни основанию, взятыми в отдельности. Кроме того, синтетическими становятся и разрозненные свойства этих слагаемых. Если в поводе первенствуют формальные, а в основании логические аспекты, то в их связке речь идет уже об особых формально-информационных и логических свойствах.

Литература

1. Артемов Л.А. Стадия возбуждения уголовного дела: процессуальные особенности и правовая регламентация действий правоохранительных органов: Дис... канд. юрид. наук. – М., 2004.
2. Бабаев В.К. Презумпции в советском праве. – Горький, 1974.
3. Быков В.М., Березина Л.В. Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела. – Казань: Изд-во «Таглитмат». – ИЭУП, 2006. – 256 с.
4. Гришин С.П. Производство по делам частного обвинения. – Н. Новгород, 2002.
5. Гуцин А.Н., Франциферов Ю.В., Громов Н.А. Использование оперативно-розыскной информации в уголовно-процессуальном доказывании // Российский следователь. – 2000. – № 4. – С. 15.
6. Дмитриев И.Р. «Свободный» повод для возбуждения уголовного дела: Дис... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2005.
7. Ивин А.А. Практическая логика: Учебное пособие. – М., 2002.
8. Керимов Д.А. Методология права. – М., 2000.
9. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. В.И. Радченко; Науч. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2006.
10. Кондаков Н.И. Логика: Пособие для учителей. – М., 1954.

11. Коридзе М.Т. Современные задачи стадии возбуждения уголовного дела и средства их решения: Дис... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2006.
12. Купряшина Е.А. Источники доказательств и критерии их оценки в уголовно-процессе РФ: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Воронеж, 2007.
13. Никифорова Т.В. Уголовно-процессуальный обряд: теоретические и прикладные аспекты внешней стороны процессуальной формы: Дис... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2007.
14. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. М.: Российская академия наук, 2003.
15. Поляков М.П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности: Монография / Под науч. ред. В.Т. Томина. – Н. Новгород, 2001.
16. Попов А.П. Непосредственное обнаружение признаков преступления как повод к возбуждению уголовного дела: Дис... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 1999.
17. Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Министерства внутренних дел Российской Федерации, Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, Министерства юстиции Российской Федерации, Федеральной службы безопасности Российской Федерации, Министерства экономического развития и торговли Российской Федерации, Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков от 29 декабря 2005 г. № 39/1070/1021/253/780/353/399 «О едином учете преступлений».
18. Рыжаков А.П. Поводы и фактические основания для начала уголовного процесса и возбуждения уголовного дела публичного и частно-публичного обвинения: комментарий к статье 140 УПК РФ // Справочно-правовая система «Консультант-Плюс».
19. Случевский В.К. Русский уголовный процесс. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1913. – 670 с.
20. Соловьева Т.А. Оценочные понятия и суждения в уголовно-процессуальном праве // Правоведение. - 1976. - №3. - С. 68-72.
21. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 33. – Ст. 3349.
22. Философский энциклопедический словарь. – М.: ИНФРА-М, 1997.
23. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства: В 2 т. – СПб, 1996. – Т. 1.

Kuz'menko E.S. Povod i osnovanie kak sistema // Nauka. Mysl'. - № 1. – 2016.

© Е.С. Кузьменко, 2016.
© «Наука. Мысль», 2016.

— ● —

Abstract. This article presents the study of the theoretical and practical foundations of the initiation of criminal trial, while special attention is paid to the system the reasons for initiation of criminal proceedings.

Keywords: criminal case, initiation of criminal trial, criminal law.

Сведения об авторе

Елена Сергеевна Кузьменко, кандидат юридических наук, Нижегородская академия МВД России (Нижний Новгород, Россия).

Подписано в печать 15.01.2016.
© Наука. Мысль, 2016.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 34

ГЕНЕЗИС НОРМАТИВНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СИСТЕМЕ ПОВОДОВ²⁸

Е.С. Кузьменко, Нижегородская академия МВД России (Нижний Новгород, Россия)

Аннотация. В данной работе проводится исследование теоретических и практических основ возбуждения уголовного дела, при этом уделяется особое внимание системе поводов для возбуждения уголовного дела

Ключевые слова: уголовное дело, возбуждение уголовного дела, уголовное право.

Понятия повода и основания к возбуждению уголовного дела, как мы выяснили выше, имеют большое значение для осознания предпосылок системной организации поводов. Однако это лишь часть необходимой информации об указанных предпосылках. Существенную роль для решения играет знание о том, как развивались доктринальные представления о перечне поводов, как эти представления отражались в законодательстве (законодательных памятниках, действующем законодательстве и предложениях *de lege ferenda*). Не менее важны и позиции ученых, выходящие за рамки нормативных представлений о поводах. Все это позволит выявить устойчивые элементы системы поводов и разглядеть тенденции ее развития.

Впервые система поводов к возбуждению уголовного дела обрела четкий вид в УУС. Более того, в этом законодательном памятнике можно выделить не одну, а две системы поводов. Приведем соответствующие тексты.

1. Глава вторая УУС «О порядке начатия дел у мировых судей», отделение первое «Поводы к начатию дел», статья 42:

«Мировой судья приступает к разбирательству дел: 1) по жалобам частных лиц, потерпевших вред или убытки; 2) по сообщениям полицейских и других административных властей и 3) по непосредственно усмотренным им преступным действиям, подлежащим преследованию независимо от жалоб частных лиц».

2. Глава третья УУС «О законных поводах к начатию следствия», статья 297:

«Законными поводами к начатию предварительного следствия признаются: 1) объявления и жалобы частных лиц; 2) сообщения полиции, присутственных мест и должностных лиц; 3) явка с повинной; 4) возбуждение дела прокурором и 5) возбуждение

²⁸ Статья представлена магистром социальной работы Т.М. Хусяиновым (Нижний Новгород, Россия). **Научный руководитель:** доктор юридических наук, профессор М.П. Поляков. **Ведущая организация:** Волгоградская академия МВД России. **Оппоненты:** доктор юридических наук, профессор А.Ф. Лубин; кандидат юридических наук, доцент С.П. Гришин. **Отзывы прислали:** профессор кафедры Института повышения квалификации руководящих кадров Генеральной прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент А.В. Агутин; доцент кафедры уголовного процесса СибЮИ МВД России, кандидат юридических наук, доцент П.Л. Сурихин; начальник кафедры уголовного процесса Калининградского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент, подполковник милиции В.Н. Авдеев; Начальник Омской академии МВД России, заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор Б.Б. Булатов; Заведующий кафедрой уголовного права и процесса Омского юридического института, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, доцент Ю.В. Деришев.

дела по непосредственному усмотрению судебного следователя»²⁹.

Прежде чем оценивать собственно элементы, входящие в приведенные перечни, обратим внимание на нюансы, отраженные в названии глав. В одном случае речь идет о начатии судебного разбирательства у мирового судьи, в другом – о начале судебного следствия. Таким образом, повод в контексте УУС понимался как *побудительный мотив для начала полноценного процессуального производства – предварительного следствия или судебного разбирательства*.

Подобный подход сохранился и в УПК 1922, 1923 г.г. Посмотрим, например, на ст. 95 УПК РСФСР 1923 г. «Усмотрев из самого заявления или сообщения отсутствие в деле признаков преступления, органы дознания, прокурор или следователь **отказывают в производстве дознания или предварительного следствия**, о чем объявляют заинтересованным лицам или учреждениям, каковой отказ может быть обжалован в семидневный срок заявителями в надлежащий суд».

Как видим, речь идет не об отказе в возбуждении уголовного дела (как это имеет место в современном законодательстве), а об отказе в осуществлении предварительного расследования. Это, на наш взгляд, может быть истолковано следующим образом. Всякий повод, указанный в законе, является толчком к возбуждению уголовного дела. Но толчком в том смысле, что он возбуждает (инициирует) не полноценные стадии, каковыми являются предварительное расследование или судебное разбирательство, а лишь первоначальную стадию уголовного процесса – стадию возбуждения уголовного дела. Таким образом, в контексте УПК РСФСР 1923 г. складывается ситуация, когда *повод сам по себе (без основания) является толчком для возбуждения уголовного дела*.

И сам термин «возбуждение уголовного дела» означает всего лишь *постановку вопроса о необходимости начала производства по этому делу*. Если в поводе не обнаружится основания – указания на признаки преступления – то отказывается в дальнейшем производстве по этому уголовному делу. Но само дело, выходит, уже существовало, т. е. было возбуждено.

Отказом в возбуждении уголовного дела при подобной трактовке служит всего лишь отказ в принятии заявления или сообщения. Это ситуация возможна, когда орган расследования игнорирует заявление. Допускаем, что в 20-е годы такие ситуации могли существовать, не противореча закону.

В наше же время трудно представить законность такой ситуации. Сегодня действует установка на необходимость стопроцентной регистрации всех сообщений о преступлениях. МВД России и другие правоохранительные ведомства предпринимают максимум усилий для этого.

В качестве примера можно привести приказ Генеральной прокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Министерства юстиции России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29.12.2005 (ред. от 20.02.2014) «О едином учете преступлений»

В приложении № 1 к этому приказу «Типовое положение о едином порядке организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях» имеется п. 14 с

²⁹ Текст Устава уголовного судопроизводства цитируется по кн.: Российское законодательство X–XX веков. – М., 1991. – Т. 8. Судебная реформа. – С. 120-251.

весьма красноречивой формулировкой: «Отказ в принятии сообщения о преступлении должностным лицом, правомочным или уполномоченным на эти действия, а также невыдача им уведомления заявителю о приеме сообщения о преступлении, недопустимы».

В следующем приложении (№ 2, «Положение о едином порядке регистрации уголовных дел и учета преступлений», пункт 2.9) мы видим логическое продолжение: «**Укрытый от учета объект** – объект учета, сведения о котором не отражены в учетных документах либо не включены в государственную статистическую отчетность».

Указанное Положение заинтересовало нас еще одним моментом: в пункте 2.10. читаем: «**Предварительно расследованное преступление** – преступление, по которому вынесено постановление *об отказе в возбуждении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям*, а также преступление, по уголовному делу о котором окончено предварительное расследование и уголовное дело направлено в суд либо прекращено».

Из данной формулировки вытекает, что в стадии возбуждения уголовного дела осуществлялась деятельность по предварительному расследованию преступления. Иными словами, имела место деятельность по уголовному делу, хотя в возбуждении уголовного дела и было затем отказано.

На что указывают подобные оговорки в ведомственном нормотворчестве? На наш взгляд, на то, что законодатель и практика оказались заложниками терминологии, которая появилась в УПК РСФСР 1960 г. Казалось бы, существенных перемен по сравнению с УПК 1923 г. не произошло: и там, и там говорилось о возбуждения уголовного дела. Вместе с тем, при внимательном рассмотрении можно прийти к выводу, что стартовая сущность понятия «возбуждение уголовного дела» по УПК 1960 г. получила некое отсроченное значение. Само понятие возбуждения уголовного дела стало *двойственным*. В нем переплелись и процесс, и констатация факта. Подобная двойственность обусловлена и семантикой глагола «возбудить». В русском языке этот глагол имеет четыре значения: «1) вызвать, породить какое-нибудь состояние в ком-, чем-нибудь; 2) привести в возбужденное состояние; 3) настроить, восстановить кого-нибудь против кого-нибудь; 4) предложить для решения, поставить на обсуждение» [5, С. 91].

Так и повод изначально выглядит как предложение о необходимости решения вопроса о том, есть ли уголовное дело (т. е. преступление). Это предложение, будучи достаточно обоснованным, может породить производство по уголовному делу. Из этого следует, что повод сам по себе рождает предложение, создает ситуацию «предвозбуждения» уголовного дела. Говоря иначе, возбуждает уголовное дело в первом значении слова «возбуждать». Когда повод соединяется с достаточным основанием, в понятие возбуждение уголовного дела вливается четвертое семантическое значение соответствующего глагола.

Исходя из этого, можно предположить, что термин «возбуждение уголовного дела» не совсем удачен. Равно как в известных случаях и термин «повод к возбуждению уголовного дела». Буквальное понимание последнего в ряде случаев может идти вразрез с установленной законом процедурой. На этот момент обращает внимание Р.Х. Якупов. «Данное выражение, – пишет он, – не стоит понимать буквально, по этим же заявлениям и сообщениям может быть отказано в возбуждении уголовного дела или принято другое

решение. Поэтому в ст. 108 (УПК РСФСР. – **Е.К.**) фактически идет речь о поводах к началу производства в стадии возбуждения уголовного дела» [13, С. 209].

Названной позиции придерживается и А.А. Чувилев. Комментируя ст. 108 УПК РСФСР, он указывает: «Поводы к возбуждению уголовного дела следует понимать как поводы к началу уголовно-процессуальной деятельности» [4, С. 209]. А уголовно-процессуальная деятельность, по общепринятому мнению, начинается сегодня не с момента возбуждения уголовного дела, а с момента поступления повода.

На эту особенность обращают внимание Н.В. Жогин и Ф.Н. Фаткуллин: «Если в отношении некоторых поводов (заявления и сообщения) имеется какая-то возможность говорить как о сведениях о преступлении или об их источниках, то при этом они берутся с доказательственной стороны, которая выявляется главным образом тогда, когда вопрос о возбуждении уголовного дела уже решен. Побудительная сторона повода, показывающая предпосылку возникновения деятельности по возбуждению уголовного дела, затемняется. В результате этого, вопрос о том, почему эта деятельность началась, чем она обусловлена, остается нерешенным» [2, С. 92].

Для критики существующей терминологии, в центре которой словосочетание «возбуждение уголовного дела», есть основания. Однако мы не станем формулировать предложения по изменению словесного обозначения первого этапа уголовно-процессуальной деятельности, и тем более настаивать на этом изменении. И наука, и практика уже привыкли к термину «возбуждение уголовного дела» (хотя в быту нередко говорят: «завести дело»)³⁰. Именно поэтому мы не будем вдаваться в споры о словах, а снова обратимся к сути. Для этого вернемся к законодательным перечням поводов к возбуждению уголовного дела.

Следующим законодательным актом по хронологии будет УПК 1922 г. (выше мы привели только поводы из УУС). Согласно ст. 96 этого кодекса поводами к возбуждению уголовного дела являются: 1) заявление граждан и различных объединений и организаций; 2) сообщение правительственных учреждений и должностных лиц; 3) явка с повинной; 4) предложение прокурора; 5) непосредственное усмотрение органов дознания, следователя или суда.

Статья 91 УПК РСФСР 1923 г. воспроизвела эту систему с точностью до буквы. Поэтому мы можем объединить два перечня, имеющих в указанных кодексах, в один блок и сопоставить его с системой поводов из УУС (мы выбрали в уставе поводы для начала предварительного следствия).

Не нужно особых усилий для того, чтобы увидеть сходство сравниваемых объектов. Если абстрагироваться от терминологических нюансов, обусловленных спецификой исторического момента, то можно констатировать, что костяк системы поводов для возбуждения уголовного дела остался неизменным.

Все это говорит о том, что системе поводов к возбуждению уголовного дела свойственна преемственность. Посмотрим, сохранилась эта преемственность в ходе последующих реформ уголовно-процессуального законодательства.

³⁰ Ученые в свое время пытались привить населению правильную терминологию. Немало в этом отношении сделал С.П. Гришин. См.: *Гришин С.П.* Возбуждается уголовное дело... (Для тех, кто оказался вовлеченным в сферу уголовного судопроизводства). – Н. Новгород, 1992. – 110 с.

В советское время крупная реформа случилась в 60-е годы прошлого века. Принятый 27 октября 1960 года и введенный в действие с 1 января 1961 года УПК РСФСР в статье 108 «Поводы и основания к возбуждению уголовного дела» определил, что «поводами к возбуждению уголовного дела являются: 1) заявления и письма граждан; 2) сообщения профсоюзных и комсомольских организаций, народных дружин по охране общественного порядка, товарищеских судов и других общественных организаций; 3) сообщения предприятий, учреждений, организаций и должностных лиц; 4) статьи, заметки и письма, опубликованные в печати; 5) явка с повинной; 6) непосредственное обнаружение органом дознания, следователем, прокурором или судом признаков преступления».

Сравнивая эту систему с двумя предыдущими, мы можем говорить и о преемственности, и о развитии. Причем развитие выражается не только в появлении новых поводов, через которые отразилось новое социальное устройство советского государства, но и в формулировках отдельных поводов. Примечательно, что в ст. 108 УПК РСФСР прослеживается стремление законодателя расширить данную систему путем включения в нее таких ранее не применявшихся поводов, как сообщения профсоюзных и комсомольских организаций, народных дружин по охране общественного порядка, товарищеских судов и других общественных организаций; статьи, заметки и письма, опубликованные в печати.

Однако смело можно говорить и о том, что в целом система поводов к возбуждению уголовного дела значительных изменений не претерпела. Точнее, принципиальных изменений. В нее были включены те информационные источники, которые вызывали доверие законодателя. Хотя, наверное, правильнее было бы вести речь не о доверии, а о другом качестве. Это другое качество связано с правом инициации возбуждения уголовного дела, которое в свою очередь производно от права на обвинение.

Нам представляется, что «общественные» поводы, появившиеся в системе поводов по УПК РСФСР, есть некоторый прообраз народного обвинения. Государство даровало это право новым общественным субъектам, но не в форме прямого допуска к обвинению, а через закрепление их (субъектов) сообщений в качестве поводов.

Полагаем, что и такой повод, как «статьи, заметки и письма, опубликованные в печати», тоже есть разновидность народного обвинения. Во всяком случае, таковыми они видятся в контексте СССР. Печать была средством выражения народного мнения. И статьи, опубликованные в печати, носили не только информационный, но имели и формальный характер. Под формальным характером мы понимаем качество подготовки к выходу в свет.

Сообщения в современных средствах массовой информации не равны этому поводу. По разным причинам, о которых мы будем говорить ниже.

По логике своих рассуждений вслед за системой поводов из УПК РСФСР 1960 г. мы должны были бы привести систему поводов, содержащуюся в УПК РФ. Однако сделаем это несколько позже. Дело в том, что до появления УПК РФ долгое время юридической науке был доступен проект УПК РФ, принятый в первом чтении. На поводы к возбуждению уголовного дела он предлагал собственный взгляд, в основе которого была идея преемственности.

Согласно ст. 150 проекта УПК РФ, «поводами к возбуждению уголовного дела служат:

1) заявление гражданина; 2) заявление о повинной; 3) сообщение должностного лица организаций или объединений; 4) сообщение в средствах массовой информации; 5) непосредственное обнаружение дознавателем, органом дознания, следователем или прокурором сведений, указывающих на признаки преступления».

Сопоставление указанного перечня с соответствующим перечнем из УПК РСФСР привело процессуалистов к выводу, что «поводы образуют устойчивую систему». В частности, об этом, по мнению А.П. Попова, «свидетельствует наличие в приводимых перечнях устойчивых элементов. К таким элементам относятся: во-первых, заявления (объявления, письма, жалобы, сообщения) граждан, в том числе и такая их разновидность, как явка с повинной; во-вторых, сообщения должностных лиц, органов и организаций, которым по своему статусу не положено спокойно взирать на преступления, и, наконец, непосредственное усмотрение и обнаружение признаков преступления органами, обязанными бороться с преступностью» [6, С. 53].

Мы отмечаем позицию А.П. Попова особо, поскольку он представляет дополнительный аргумент в пользу того, что поводы к возбуждению уголовного дела образуют систему.

Если говорить собственно о поводах, отраженных в проекте УПК РФ, то считаем необходимым подчеркнуть: во-первых, преемственность в части принципа формирования системы поводов (здесь применен принцип детализации); во-вторых, отражение в системе поводов новых информационных процессов и возможностей, в частности, включение в перечень источников информации сообщений в СМИ.

Теперь обратимся к системе поводов, действующей сегодня. Заметим, что в 1991 году Верховный Совет РСФСР принял Концепцию судебной реформы в РФ, которая предусматривала не столько совершенствование уголовного судопроизводства, сколько его кардинальную перестройку. По словам В.Н. Яшина и А.В. Победкина, эта перестройка означала «ломку и организацию по англо-американскому образцу, для которого характерны состязательность крайней формы, понимание уголовного процесса как процедуры, направленной не на установление объективной реальности и принятие справедливых решений, а на банальное урегулирование спора между стороной обвинения и защиты» [14, С. 5].

На базе данной концепции в 2001 году был принят новый (местами принципиально новый) УПК РФ. Система поводов к возбуждению уголовного дела в этом законе стала гораздо компактнее. В статье 140, именуемой «Поводы и основание для возбуждения уголовного дела», законодатель изначально закрепил всего три повода: 1) заявление о преступлении; 2) явка с повинной; 3) сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников.

Кроме того, в законе появилось прямое указание не только на поводы к возбуждению уголовного дела, но и на основание для возбуждения уголовного дела, которым является «наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления»³¹.

Таким образом, мы имеем четыре нормативных системы поводов к возбуждению

³¹ Новым, правда, является только сам термин «основание». В УПК РСФСР (ст. 108 ч. 2) тоже говорилось о достаточных данных, указывающих на признаки преступления, как о необходимой предпосылке возбуждения уголовного дела.

уголовного дела, сформировавшиеся в течение достаточно большого периода времени. Очевидно, что *последняя система не может похвастаться преемственностью*. Законодатель при ее формулировании отдал предпочтение принципу *унификации*, хотя в системе поводов были сохранены и два конкретных элемента.

Пропускная способность системы поводов не изменилась, а вот *формальная определенность в значительной мере снизилась*. А последнее обстоятельство означает снижение доказательственной устойчивости информации, полученной до возбуждения уголовного дела.

Закономерен вопрос: что подвигло российского законодателя на применение нового подхода к формированию системы поводов? И является ли этот подход действительно новым? Не меньше значим вопрос о том, насколько эффективен этот подход в практическом его измерении.

Как известно, все познается в сравнении. Для оценки системы поводов, предложенной УПК РФ, мы прибегнем к методу сравнительного правоведения. Объектом для сравнения будут выступать УПК стран СНГ.

Этот объект чрезвычайно интересен и полезен с методологической точки зрения. Несмотря на то, что УПК стран СНГ нельзя рассматривать в качестве прямого потомка УПК РСФСР³², эти кодексы весьма показательны. Все они некогда имели общую платформу – основы советского уголовно-процессуального законодательства.

Итак, обратимся к сравнению. Попутно этому будем давать и другие необходимые сведения. Наша задача – рассмотреть подходы к формированию системы поводов в соответствующих уголовно-процессуальных кодексах.

Все законодательные подходы имеют много общего. Уголовно-процессуальное законодательство большинства республик устанавливает, что уголовное дело может быть возбуждено лишь при совокупности поводов к возбуждению уголовного дела и оснований к этому. Причем перечень поводов и наличие оснований также обладают значительным сходством.

Рассмотрим системы поводов более подробно на примере конкретных УПК стран СНГ. Начнем с законодательства Республики Беларусь [9]. Согласно ст. 166 УПК Республики Беларусь «Поводами к возбуждению уголовного дела являются: «1) заявления граждан; 2) явка с повинной; 3) сообщение должностных лиц государственных органов, иных организаций; 4) сообщение о преступлении в средствах массовой информации; 5) непосредственное обнаружение органом уголовного преследования сведений, указывающих на признаки преступления».

Особенностью белорусского кодекса является то обстоятельство, что основания для возбуждения уголовного дела вынесены в отдельную статью (ст. 167). Под ними понимается не только «наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления, при отсутствии обстоятельств, исключающих производство по уголовному делу» (ч. 1 ст. 167), но и «исчезновение лица, если в течение десяти суток с момента подачи заявления оперативно-розыскными мероприятиями, проведенными в этот срок, установить местонахождение лица не представляется возможным» (ч. 2 ст. 167). Последняя новелла является уникальной в своем роде, поскольку ни для одного другого

³² В каждой советской республике действовал свой УПК.

УПК республик она не характерна.

Согласно ст. 168 УПК Республики Беларусь все заявления заносятся в протокол, а заявитель предупреждается об уголовной ответственности за заведомо ложный донос, о чем делается соответствующая отметка. Кроме того, в белорусском УПК есть четкое указание о том, что «анонимные заявления не могут служить поводом к возбуждению уголовного дела» (ч. 5 ст. 168).

Явка с повинной, сообщение должностных лиц государственных органов, иных организаций, и сообщение о преступлении, распространенное в средствах массовой информации, также получили законодательное закрепление в статьях 169–171 соответственно.

Однако такой повод, как непосредственное обнаружение органом уголовного преследования сведений, указывающих на признаки преступления, в УПК Беларуси *не раскрыт*, а лишь упомянут. Это говорит о том, что законодатель не счел необходимым дополнительно разъяснять смысл данной нормы, поскольку подразумевается, что непосредственное обнаружение признаков преступления согласно ведомственной регламентации оформляется рапортом того сотрудника, который и обнаружил признаки преступления.

Срок рассмотрения заявлений и сообщений о преступлении составляет не более 3 суток с последующим продлением до 10 суток в случае необходимости проверки достаточности наличия или отсутствия оснований к возбуждению уголовного дела.

В случае невозможности принятия решения в указанные сроки, этот срок может быть продлен начальником следственного подразделения, а по материалам, находящимся в органе дознания или у прокурора, – прокурором до одного месяца. В необходимых случаях начальником следственного подразделения, вышестоящим прокурором срок проверки по заявлению или сообщению о преступлении может быть продлен до трех месяцев (ст. 173 УПК Республики Беларусь).

Что же касается проведения каких-либо действий до возбуждения уголовного дела, то данная статья указывает, что до возбуждения уголовного дела могут быть получены объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребованы дополнительные документы, назначена проверка финансово-хозяйственной деятельности, произведены осмотр места происшествия, трупа, местности, предметов, документов, освидетельствование, экспертизы, задержание и личный обыск при задержании, а также может быть проведено извлечение трупа из места захоронения (эксгумация).

Законодательство Республики Молдова несколько отличается от уголовно-процессуальных кодексов других республик и по содержанию, и по используемой терминологии. Так, привычная и принятая в уголовно-процессуальном законодательстве большинства республик формула «возбуждение уголовного дела» не применяется. Молдавский уголовно-процессуальный кодекс [11] предпочитает другую терминологию – «уголовное преследование».

В соответствии со ст. 262 УПК Молдовы система поводов к началу уголовного преследования состоит из: 1) жалобы; 2) доноса; 3) явки с повинной; 4) выявления непосредственно органом уголовного преследования или прокурором обоснованного подозрения в совершении преступления.

Считаем целесообразным привести нормативные определения понятий жалобы и доноса. Жалобой является осведомление, осуществленное физическим или юридическим лицом, которому причинен ущерб преступлением (ч. 1 ст. 263 УПК). Доносом является осведомление, осуществленное физическим или юридическим лицом о совершенном преступлении (ч. 2 ст. 263 УПК).

Из текста статьи 263 явно видно, что и жалоба, и донос, по сути, являются заявлениями о преступлении. В данном случае законодатель решил произвести градацию по источнику получения информации о преступлении. В первом случае сведения поступают от лица, пострадавшего от преступления и имеющего свой законный интерес в уголовном преследовании, во втором – от лица, прямо не заинтересованного в возмещении ущерба, причиненного преступлением, но которому в силу каких-либо обстоятельств стало известно о совершенном или готовящемся преступлении. Это может быть как лицо, непосредственно наблюдавшее процесс совершения преступления, так и узнавшее о совершении или подготовке к совершению преступления из каких-либо источников.

Данное нормативное закрепление поводов к возбуждению уголовного дела (или началу уголовного преследования, если воспользоваться терминологией, принятой в УПК Республики Молдова) также является характерной только для уголовно-процессуального законодательства Республики Молдова. Ни одному другому УПК понятие «донос» не присуще.

Что касается анонимных доносов и жалоб, то в статье прямо указано, что они не могут служить основанием для начала уголовного преследования, однако после проведенного на их основе контроля орган уголовного преследования может по своей инициативе начать уголовное преследование (ч. 8 ст. 263 УПК РМ).

В УПК Республики Молдова так же, как и в УПК других республик, предусмотрена уголовная ответственность за заведомо ложный донос о преступлении, о чем делается отметка в протоколе или доносе или жалобе с подтверждением ее подписью лица, заявившего донос или жалобу (ч. 7 ст. 263 УПК).

Обнаружение преступления непосредственно сотрудниками органа уголовного преследования и явка с повинной имеют нормативное закрепление в ч. 3 ст. 262 и ст. 264 соответственно, и не имеют значительных расхождений с законодательством других республик.

Срок уголовного преследования в УПК Республики Молдова определен также весьма специфично. В ст. 259 УПК прямо указано, что уголовное преследование по конкретному делу осуществляется в разумный срок, который устанавливается прокурором резолюцией в зависимости от сложности дела, поведения участников процесса, поведения органа уголовного преследования и судебной инстанции, значимости процесса для заинтересованного лица, недостижения пострадавшим 18 лет.

Данный срок уголовного преследования является обязательным для офицера по уголовному преследованию и может быть продлен по его мотивированному ходатайству до истечения установленного прокурором срока. Надо заметить, что эта норма закона свойственна только УПК Республики Молдова.

Рассматривая проверочные действия, которые разрешено проводить до начала

уголовного преследования, приходим к выводу, что их всего два – осмотр на месте происшествия местности, помещений, предметов, документов, животных, человеческих трупов или трупов животных в порядке ст. 118 УПК и обыск (в том числе и личный) или выемка в помещениях в порядке ст. 130 УПК. Данное положение нашло нормативное закрепление в ст. 279 УПК Республики Молдова.

Таким образом, уголовно-процессуальное законодательство Республики Молдова обладает весьма значительной спецификой регламентирования хода уголовного судопроизводства, в частности, это касается уголовно-процессуальных отношений в части начального этапа уголовного преследования.

Уголовно-процессуальный закон Республики Казахстан [10] в статье 180 перечисляет следующие поводы к началу досудебного расследования: 1) заявление физического лица либо сообщение должностного лица государственного органа или лица, выполняющего управленческие функции в организации, об уголовном правонарушении либо безвестном исчезновении лица; 2) явка с повинной; 3) сообщения в средствах массовой информации; 4) рапорт должностного лица органа уголовного преследования о подготавливаемом, совершаемом или совершенном уголовном правонарушении. При этом законодатель весьма специфично определяет понятие повода: «Поводами к началу досудебного расследования служат достаточные данные, указывающие на признаки уголовного правонарушения, при отсутствии обстоятельств, исключающих производство по делу». Порядок приема и регистрации заявлений и сообщений об уголовных правонарушениях, а также порядок ведения Единого реестра досудебных расследований определяются Генеральным Прокурором Республики Казахстан. Началом досудебного расследования является регистрация заявления, сообщения об уголовном правонарушении в Едином реестре досудебных расследований либо первое неотложное следственное действие. О начале досудебного расследования в течение суток уведомляется прокурор.

Если же рассмотреть **уголовно-процессуальное законодательство Республики Узбекистан [12]**, то система поводов к возбуждению уголовного дела практически идентична ранее рассмотренным. Как и в указанных УПК, ст. 322 УПК Республики Узбекистан устанавливает, что «поводами к возбуждению уголовного дела служат: 1) заявления лиц; 2) сообщения предприятий, учреждений, организаций, общественных объединений и должностных лиц; 3) сообщения средств массовой информации; 4) заявление о повинной.

Основаниями для возбуждения уголовного дела являются данные, указывающие на наличие признаков преступления». В прежней редакции законодатель указывал в числе поводов еще и обнаружение сведений и следов, указывающих на преступление, непосредственно органом дознания, дознавателем, следователем, прокурором или судом, однако с сентября 2012 года норма утратила законную силу.

Отдельная статья 323 прямо указывает на недопустимость возбуждения уголовного дела по анонимному сообщению: «неподписанное или подписанное подложной подписью либо написанное от имени вымышленного лица письмо, заявление или иное анонимное сообщение о преступлении не может служить поводом к возбуждению уголовного дела». Данное нормативное закрепление характерно лишь для уголовно-процессуального законодательства рассматриваемой Республики.

Однако справедливости ради надо отметить, что в практически каждом уголовно-процессуальном кодексе рассматриваемых республик присутствует норма закона о недопущении возбуждения уголовного дела по анонимному заявлению или сообщению. Формулировка, выражающая этот запрет, звучит так: «Анонимные заявления не могут служить поводом к возбуждению уголовного дела» (УПК РФ, Беларуси, Модельного УПК государств-участников СНГ).

Как правило, это указано в статье, где приведен перечень всех поводов к возбуждению уголовного дела, либо в которой получили законодательное закрепление заявления и сообщения граждан (ч. 5 ст. 168 УПК Республики Беларусь, ч. 8 ст. 268 УПК Республики Молдова, ч. 6 ст. 181 УПК Республики Казахстан, ч. 7 ст. 141 УПК России, ч. 8 ст. 221 Модельного УПК государств – участников СНГ).

Лишь в УПК республик Украина и Киргизии отсутствует упоминание об анонимных заявлениях и сообщениях.

Регламентация порядка рассмотрения заявлений и сообщений о преступлениях существенно не различается в УПК большинства республик.

В статье закреплено предупреждение об уголовной ответственности за заведомо ложное сообщение о преступлении, о чем заявитель дает подписку в протоколе. Если же в качестве повода к возбуждению уголовного дела фигурирует заявление о повинной, то лицо, явившееся с повинной, не предупреждается об уголовной ответственности за заведомо ложное сообщение.

Также хотелось бы отметить, что, в отличие от УПК других республик, в УПК Узбекистана каждый повод нашел свое нормативное закрепление в отдельных статьях.

Что же касается сроков рассмотрения заявлений, сообщений и иных сведений о преступлениях, то они составляют трое суток, а при необходимости проверить законность повода и достаточность оснований к возбуждению уголовного дела непосредственно либо с помощью органов дознания – не позднее десяти суток (ст. 329 УПК РУ). Однако в законе отсутствует хоть указание относительно того, какое должностное лицо принимает решение о продлении сроков проверки заявлений о преступлениях.

До принятия решения о возбуждении уголовного дела или об отказе возбудить дело или о передаче заявления или сообщения по подследственности могут быть произведены такие процессуальные действия, как истребование дополнительных документов, объяснений, также могут быть произведены следственные действия (осмотр места происшествия и экспертиза) и применена такая мера процессуального принуждения, как задержание лица. В статье прямо указано, что производство других следственных действий до возбуждения дела запрещается.

Принятие заявлений абсолютно одинаково в законодательных актах всех республик и может быть представлено в устной или письменной форме. Заявитель также предупреждается об уголовной ответственности за заведомо ложный донос, о чем в протоколе делается отметка, которая удостоверяется подписью заявителя. Отличие наблюдается относительно предупреждения об уголовной ответственности за заведомо ложный донос лица, явившегося с повинной. В этом случае норма действует только в отношении лица, явившегося с повинной, в заявлении которого указываются соучастники преступления.

Сообщение о преступлении должностного лица государственного органа или лица, выполняющего управленческие функции в организации, может служить поводом к возбуждению уголовного дела только при соблюдении письменной формы с приложением документов и иных материалов, подтверждающих сделанное сообщение. Сообщение в средствах массовой информации может быть поводом к возбуждению уголовного дела только в случае опубликования его в газете или журнале либо распространения по радио или телевидению. Причем на лиц, выполняющих управленческие функции в средствах массовой информации, которое опубликовало или распространило сообщение о преступлении, по требованию лица, правомочного возбудить уголовное дело, возложена обязанность передачи находящихся в их распоряжении документов и иных материалов, подтверждающих сделанное сообщение, а также назвать лицо, представившее эти сведения, за исключением случаев, когда это лицо представило их с условием сохранения в тайне источника информации.

Обратившись к **законодательству Кыргызской Республики [8]**, мы увидим, что имеющаяся система поводов также не имеет кардинальных отличий от систем поводов, содержащихся в уголовно-процессуальных кодексах рассмотренных выше республик.

Так, согласно статье 150 УПК поводами к возбуждению уголовного дела являются: а) заявления граждан; б) заявление о повинной; в) сообщение должностного лица организации; г) сообщение в средствах массовой информации; д) непосредственное обнаружение органом дознания, следователем, прокурором признаков преступления.

Как и в УПК других республик, в УПК Кыргызской Республики заявитель предупреждается об уголовной ответственности за заведомо ложное сообщение, о чем в протоколе делается отметка, которая удостоверяется подписью заявителя. Форма подачи заявления о преступлении также не имеет четкого ограничения – оно может быть как устным, так и письменным. Что же касается заявления о повинной, то им считается добровольное сообщение лица о приготовлении к преступлению, покушении на преступление или совершенном им преступлении, когда об этом еще не было известно органу дознания, следователю, прокурору. Причем в статье 152, регламентирующей заявление о повинной, факт предупреждения об уголовной ответственности за заведомо ложный донос отдельно не оговаривается.

Сообщение должностного лица организации о преступлении может считаться поводом к возбуждению уголовного дела, если оно сделано в письменной форме. Обстоятельства совершения преступления могут подтверждаться документами и иными материалами.

Сообщение в средствах массовой информации может служить поводом к возбуждению уголовного дела, когда оно опубликовано в газете или журнале либо распространено на радио или телевидении.

Так же, как и в законодательстве Республики Казахстан, статья, регламентирующая сообщение в средствах массовой информации как повод к возбуждению уголовного дела, устанавливает обязанность должностного лица средства массовой информации, опубликовавшего или распространившего сообщение о преступлении, передать находящиеся в его распоряжении документы и иные материалы, подтверждающие сделанное сообщение, а также назвать лицо, предоставившее эти сведения. Данная

обязанность возникает лишь по требованию лица, правомочного возбудить уголовное дело, исключение составляет случай, когда это лицо представило сведения с условием сохранения в тайне источника информации.

Сроки рассмотрения заявлений и сообщений о преступлении и принятия решений о возбуждении уголовного дела или об отказе в его возбуждении составляют все те же 3 суток, а в исключительных случаях – не более 10 дней. В рассматриваемой статье отсутствует прямое указание, кто принимает решение о возбуждении уголовного дела или отказе в таковом, однако очевидно, что такими полномочиями в равной степени наделен и следователь, и прокурор. Во всяком случае, в данной статье нет и намека на согласование указанных действий следователя с прокурором.

Что касается проверочных действий, разрешенных до принятия решения о возбуждении уголовного дела или отказе в возбуждении уголовного дела, то в УПК опять-таки отсутствует четкая регламентации этого. Лишь в статье 156 перечислены назначение экспертизы, служебного расследования, документальной ревизии или иной проверки, требующей продолжительного времени для их проведения; истребование объяснения у лиц, находящихся в отдаленных местностях или уклоняющихся от явки по вызовам; установления новых обстоятельств, без дополнительной проверки которых невозможно принятие решения. И в статье 157 установлен определенный перечень действий органа дознания по факту совершенного преступления. В частности, по факту совершенного преступления орган дознания принимает необходимые меры по охране места происшествия, сохранению следов преступления, а также проводит оперативно-розыскные и неотложные действия в целях обнаружения лица, совершившего преступление, отыскания похищенного имущества, выявления фактических данных, которые могут быть использованы в качестве доказательств.

Проведение каких-либо других следственных или иных процессуальных действий закон не регламентирует.

И, пожалуй, самым необычным является **Конституционный Закон Туркменистана «О порядке возбуждения уголовных дел»**, подписанный Президентом Туркменистана С. Ниязовым 12 мая 2000 г. [3]. Согласно этому закону, в Туркменистане сотрудникам прокуратуры, судов и других правоохранительных органов запрещается возбуждать уголовные дела с нарушением права человека на свободу и свободную жизнь. Возбуждение уголовного дела допускается в строгом соответствии с законом и лишь с разрешения велятской, городской, этрапской комиссии, состоящей из представителей государственных и общественных организаций. Состав и полномочия указанных комиссий определяются Президентом Туркменистана.

Также 12 мая 2000 г. был принят Конституционный Закон Туркменистана «О запрещении обыска в домах людей, проживающих в Туркменистане». В нем, в частности, закреплен запрет на производство обыска в жилых помещениях граждан, являющихся символом священности домашнего очага, собственности, авторитета семьи, чести, достоинства и гордости человека.

В исключительных случаях производство обыска допускается в строгом соответствии с законом в случаях хранения в жилых помещениях оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, а также наркотических средств в особо крупных размерах (5 кг). При этом обыск

может быть произведен также только с разрешения велятской, городской, этрапской комиссии, состоящей из представителей государственных органов, общественных организаций, правоохранительных органов, состав и полномочия которых определяются Президентом Туркменистана.

Как видим, круг полномочий сотрудников прокуратуры, судов и других правоохранительных органов значительно меньше полномочий правоохранительных органов других республик. В данном случае создание и функционирование велятской, городской, этрапской комиссии служит своего рода дополнительным гарантом соблюдения прав человека в Туркменистане, о чем имеется прямое указание в законе.

Последний закон нам не дал дополнительной информации в части системы поводов к возбуждению уголовного дела. Но это не умаляет его значения. Сам факт появления в природе указанного нормативного акта свидетельствует о большой значимости стадии возбуждения уголовного дела.

Теперь подведем **итоги**.

Первый вывод, который можно сделать, опираясь на анализ нормативных систем поводов, представленных выше, заключается в констатации того факта, что процессуальные тенденции УПК РФ и УПК стран СНГ имеют существенные различия. УПК РФ взял радикальный курс на унификацию. УПК стран СНГ оказались более осторожными в этом отношении. Причем тенденции, присущие УПК РФ, нигде более не проявились. Этот факт, по нашему мнению, говорит о том, что отсутствовала глубокая теоретическая проработка методологических основ системы поводов для возбуждения уголовного дела.

Вывод второй уточняет предыдущий. УПК стран СНГ присуща детализация поводов к возбуждению уголовного дела. Исторически сложившиеся поводы этими системами по большей части сохранены. Как правило, эти системы сохраняют преемственность с системами поводов к возбуждению уголовного дела, имевшимися в советских УПК.

Вывод третий касается конкретных поводов. В части уголовно-процессуальной формы поводов сохраняется преемственность. Это касается и регламентации каждого повода в отдельной статье, и сроков рассмотрения и принятия решения о возбуждении уголовного дела или отказе в возбуждении уголовного дела, и предупреждения об уголовной ответственности за заведомо ложный донос, и проведения процессуальных действий на стадии возбуждения уголовного дела до принятия окончательного решения.

Приведенные выводы обязывают нас обратиться к проблеме адекватности методологических подходов, примененных при разработке системы поводов, имеющей место в современном УПК РФ.

Литература

1. Гришин С.П. Возбуждается уголовное дело... (Для тех, кто оказался вовлеченным в сферу уголовного судопроизводства). – Н. Новгород, 1992. – 110 с.
2. Жогин Н.В., Фаткуллин Ф.Н. Возбуждение уголовного дела. – М.: Госюриздат, 1961. – 206 с.
3. Закон Туркменистана "О порядке возбуждения уголовных дел". URL: http://law.vl.ru/comments/show_article.php?art_id=520&s

4. Научно-практический комментарий к УПК РСФСР / Под ред. проф. В.П. Божьева. М.: "Юрайт-Издат", 2007.
5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. М.: Российская академия наук, 2003.
6. Попов А.П. Непосредственное обнаружение признаков преступления как повод к возбуждению уголовного дела: Дис... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 1999.
7. Текст Устава уголовного судопроизводства цитируется по кн.: Российское законодательство X–XX веков.– М., 1991. – Т. 8. Судебная реформа. – С. 120-251.
8. Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 30 июня 1999 года № 62 (с изм. и доп. в ред. Закона Кыргызской Республики от 07.08.2015 г. № 222) // «Эркинтоо» от 21 июля 1999 года № 59-62; «Ведомости Жогорку Кенеша Кыргызской Республики» 1999 г., № 10, ст. 442.
9. Уголовно-Процессуальный Кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-З. Принят Палатой представителей 24 июня 1999 года. Одобрен Советом Республики 30 июня 1999 года(с изм. и доп. в ред. Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-З.) . URL <http://mvd.gov.by/ru/mai№.aspx?guid=15021>
10. Уголовно-Процессуальный Кодекс Республики Казахстан (с изм. и доп. по состоянию на 13.11.2015 г.) // «Казахстанская правда» от 10 июля 2014 г. № 133 (27754); Ведомости Парламента Республики Казахстан, 2014 год, август, № 15-II (2664-II), ст. 88.
11. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14 марта 2003 года № 122-XV (с изм. и доп. в ред. Закона Республики Молдова от 29.05.2014 г. № 39) // «Официальный монитор Республики Молдова» от 07.06.2003 № 104-110/447.
12. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан (утвержден Законом Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 года № 2013-XII) (с изм. и доп. по состоянию на 20.08.2015 г.) // «Ведомости Верховного Совета Республики Узбекистан», 1995 г., № 2, «Собрание законодательства Республики Узбекистан», 2015 г., № 33, ст. 439.
13. Якупов Р.Х. Уголовный процесс: Учебник для вузов. – М., 1998.
14. Яшин В.Н., Победкин А.В. Возбуждение уголовного дела. Теория, практика, перспективы: Учебное пособие для вузов. – М., 2002.

Kuz'menko E.S. Genesis normativnyh predstavlenij o sisteme povodov // Nauka. Mysl'. - № 1. – 2016.

© Е.С. Кузьменко, 2016.
© «Наука. Мысль», 2016.

— ● —

Abstract. This article presents the study of the theoretical and practical foundations of the initiation of criminal trial, while special attention is paid to the system the reasons for initiation of criminal proceedings.

Keywords: criminal case, initiation of criminal trial, criminal law.

— ● —

Сведения об авторе

Елена Сергеевна Кузьменко, кандидат юридических наук, Нижегородская академия МВД России (Нижний Новгород, Россия).

— ● —

Подписано в печать 15.01.2016.

© Наука. Мысль, 2016.

Юридические науки

УДК 34

ПРОБЛЕМА УНИФИКАЦИИ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ПОВОДОВ³³

Е.С. Кузьменко, Нижегородская академия МВД России (Нижний Новгород, Россия)

Аннотация. В данной работе проводится исследование теоретических и практических основ возбуждения уголовного дела, при этом уделяется особое внимание системе поводов для возбуждения уголовного дела

Ключевые слова: уголовное дело, возбуждение уголовного дела, уголовное право.

В настоящей статье мы рассматриваем результаты решения двух задач исследования: 1) определение факторов, оказывающих воздействие на формирование и развитие системы поводов и 2) оценка теоретической и практической значимости унифицированного и дифференцированного подходов к формированию системы поводов.

Вопрос о том, что целесообразнее – унификация или дифференциация системы поводов, представляется крайне актуальным и в то же время весьма проблемным. Над этой проблемой размышляли многие процессуалисты. Но размышляли, как правило, косвенно. О приверженности исследователей той или иной позиции можно судить преимущественно по общему контексту их размышлений.

К примеру, если мы возьмем авторскую систему поводов В.Т. Томина, то придем к выводу, что профессор является сторонником дифференцированного подхода. Об этом свидетельствует сама авторская конструкция, включающая 10 поводов: «1) заявление граждан; 2) сообщение должностных лиц; 3) сообщение общественных организаций; 4) заявление должностных лиц (для возбуждения уголовных дел общественно-публичного обвинения); 5) заявление церковных образований и иностранных фирм; 6) явка с повинной; 7) публикации в печати; 8) задержание подозреваемого; 9) результаты оперативно-розыскной деятельности; 10) непосредственное обнаружение признаков преступления органов, компетентных возбудить уголовное дело» [27, С. 116].

Почитателями дифференциации поводов предстают В.М. Быков и Л.В. Березина. Их представление о системе поводов таково: «заявления граждан; сообщения общественных организаций; сообщения предприятий, учреждений, организаций и должностных лиц; статьи, заметки и письма, опубликованные в печати и других средствах массовой информации; явка с повинной; непосредственное обнаружение органом дознания,

³³ Статья представлена магистром социальной работы Т.М. Хусяиновым (Нижний Новгород, Россия). **Научный руководитель:** доктор юридических наук, профессор М.П. Поляков. **Ведущая организация:** Волгоградская академия МВД России. **Оппоненты:** доктор юридических наук, профессор А.Ф. Лубин; кандидат юридических наук, доцент С.П. Гришин. **Отзывы прислали:** профессор кафедры Института повышения квалификации руководящих кадров Генеральной прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент А.В. Агутин; доцент кафедры уголовного процесса СибЮИ МВД России, кандидат юридических наук, доцент П.Л. Сурихин; начальник кафедры уголовного процесса Калининградского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент, подполковник милиции В.Н. Авдеев; Начальник Омской академии МВД России, заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор Б.Б. Булатов; Заведующий кафедрой уголовного права и процесса Омского юридического института, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, доцент Ю.В. Деришев.

дознавателем, следователем и прокурором признаков преступления» [3, С. 56-57] (позиция указанных авторов нам интересна и тем, что они говорят именно о системе поводов.).

Цитируемая работа примечательна и тем, что ее авторы прямо говорят о системе поводов. В.М. Быков и Л.В. Березина не одиноки в этом. Выше мы рассматривали позицию А.П. Попова. Тем самым мы все более утверждаемся в правомерности постановки вопроса о системности поводов.

Однако буквальное признание системности поводов нельзя признать всеобщим. Большинство исследователей воздерживаются от употребления слова «система». Во всяком случае, в учебной литературе авторы предпочитают говорить о перечне поводов. В качестве примера приведем фрагмент из лекции В.Н. Григорьева. «В законе дан **исчерпывающий перечень** (выделено нами. – **Е.К.**) поводов для возбуждения уголовного дела. Вместе с тем, этот перечень, основанный на неограниченном виде источников сведений о преступлении, носит открытый характер. Когда обнаружены признаки преступления, всегда есть повод для возбуждения уголовного дела – если не в виде заявления о преступлении или явки с повинной, то в виде сообщения о преступлении, полученного из иных источников. Исключение составляют сообщения, полученные из анонимных источников. Анонимное заявление в соответствии с ч. 7 ст. 141 не может служить поводом для возбуждения уголовного дела» [6, С. 8].

В приведенной цитате, на наш взгляд, содержатся некоторые противоречия. Представляется, что перечень не может быть одновременно и исчерпывающим, и открытым. Характеристика «исчерпывающий» к данному перечню не подходит. Не подходит потому, что в этот перечень входит формально неопределенный повод – п. 3 ч. 1 ст. 140 УПК РФ.

Если этот перечень перевести в формулировки «источниковой» трактовки поводов, то мы получим следующий его вид: 1) Источник № 1 – заявление о преступлении; 2) Источник № 2 – явка с повинной; 3) **Иные** источники, в которых содержится сообщение о преступлении.

Называть такой перечень исчерпывающим нелогично. Последний пункт не закрывает этот перечень, а напротив, делает его максимально восприимчивым к информации о преступлении. Законодатель намеренно вставил в перечень такой широкий пункт, чтобы сделать систему поводов открытой.

Возвращаясь к цитате из лекции В.Н. Григорьева, мы хотим заметить, что в ней содержится достаточно доводов, обосновывающих системную организацию поводов. Если мы имеем дело с многообразием источников информации о преступлении, то для улавливания и процессуального восприятия этой информации нужен не просто перечень поводов. Нужна система этих поводов.

Однако необходимо иметь в виду, что речь идет не просто о системе поводов, а о системе законных поводов. В связи с этим закономерно возникает вопрос: что считать законным поводом и чем законный повод отличается от просто повода?

Казалось бы, ответ на этот вопрос лежит на поверхности: сам факт называния повода в УПК РФ придает ему статус законности. Считаем, что это очень упрощенный подход. На наш взгляд, законным (в полном смысле этого слова) повод становится тогда, когда он является формально определенным. Формальная определенность и придает поводу

процессуальное свойство законности и связанные с ним качества допустимости и достоверности.

Повод, указанный в п. 3 ч. 1 ст. 140 УПК РФ, едва ли отвечает требованию формальной определенности. Форма его реализации – рапорт. Таким образом, получается, что поводом является сообщение о преступлении, содержащееся в рапорте сотрудника правоохранительных органов. Очевидно, что законодатель предполагал более широкую трактовку. Однако реализовать ее посредством процессуальной формы в полной мере не удалось.

Вопрос о формальной определенности поводов имеет прямое отношение к проблеме дифференциации/унификации поводов. В основе первого подхода лежит курс на формальную определенность; в основе второго – освобождение от формальной определенности. Посмотрим, какие варианты решения этой проблемы предлагаются в юридической литературе.

Предметную постановку вопроса в ключе «унификация или дифференциация системы поводов» мы встретили в диссертации

И.Р. Дмитриева. Обосновывая актуальность своего исследования, он указывает: «Историко-правовое исследование системы поводов показало, что указанная система развивалась по пути детализации и конкретизации входящих в нее элементов. Новый УПК РФ попытался опереться на противоположную установку – универсальность, что привело к компактности системы поводов. Преимущества или недостатки универсального подхода к формированию современной системы поводов для возбуждения уголовного дела требуют соответствующей научной оценки» [8, С. 4].

Свое отношение к этой проблеме И.Р. Дмитриев частично высказал в положениях, выносимых на защиту. Здесь автор сформулировал три тезиса, представляющих значительный интерес с методологической точки зрения. Процитируем эти положения.

«1. В основе множественности поводов для возбуждения уголовного дела лежит исторически сложившаяся закономерность дифференциации начала досудебного производства по жалобе определенного лица (*inquisitio cum promovente*) и без жалобы (*inquisitio ex officio*). Данная закономерность выражается в том, что во всякой системе поводов должно быть как минимум два элемента – частный (негосударственный) повод и публичный (государственный) повод.

2. Система поводов и система доказательств являются информационными системами и, следовательно, должны быть максимально открыты для сведений о криминальных явлениях. К этому их обязывает методологическая платформа процесса, опирающаяся на принцип публичности и принцип свободной оценки доказательств.

3. Система поводов для возбуждения уголовного дела генетически устремлена к универсальности. Эта устремленность может быть эффективно реализована посредством закрепления в системе поводов для возбуждения уголовного дела – «свободного» повода» [8, С. 8].

Рассмотрим указанные положения. На первый взгляд, они взаимосвязаны и представляют единую концепцию. Но так ли это? Для того, чтобы выяснить это, рассмотрим методологические основания этих положений.

В основе первого вывода (о том, что поводов не может быть менее двух) лежат, по

мнению автора, исторические предпосылки. Сам И.Р. Дмитриев ссылается на факты, приведенные известным теоретиком и историком уголовного процесса профессором М.А. Чельцовым-Бебутовым.

Исследуя публичные начала уголовного судопроизводства европейских стран, М.А. Чельцов-Бебутов установил, что первые указания на производство *ex officio* можно встретить еще в XII веке. Так, 22 сентября 1198 г. папа Иннокентий III отреагировал на обвинение молвой в корыстном должностном преступлении архиепископа Миланского. Папа поручил производство расследования своим легатам. Архиепископ возразил, что он не может быть осужден в таком порядке, потому что нет лица, которое явилось бы обвинять его. Но Иннокентий III в своем письме архиепископу выдвинул новую доктрину – о своей обязанности расследовать *ex officio* истину для исправления виновных. В дальнейшем развитии института повода для возбуждения уголовного дела стали различать расследование по жалобе определенного лица – *inquisitio cum promovente* и расследование без жалобы – *inquisitio ex officio* [32, С. 109-110].

Оценивая данный факт, можно говорить о том, что речь здесь идет не столько о строго исторических предпосылках, сколько о методологических установках. Исторический аспект здесь проявляется лишь в том смысле, что факт разграничения поводов возник когда-то (в далекой истории). Однако к необходимости введения повода *inquisitio ex officio* уголовный процесс пришел не только эволюционным путем. Точнее, не совсем эволюционным³⁴. Это, по нашему мнению, это был адекватный ответ вызовам современности. И уголовный процесс отреагировал на эти вызовы изменением системы поводов. Эти изменения, по нашей оценке, можно смело назвать усовершенствованием системы.

Другое дело, что для реализации этого новшества был подобран не совсем адекватный орган. Во всяком случае, так может показаться на первый взгляд. Но эта оценка с точки зрения сегодняшнего дня. С позиции тех лет интерпретация событий могла быть иной. Хотя история уголовного процесса показывает, что внедрение новых уголовно-процессуальных идей несколько опережает появление соответствующих этим идеям процессуальных средств.

Так, на наш взгляд, обстояло дело и с реализацией идеи публичности. Возложение всех процессуальных функций на суд было обусловлено именно этим обстоятельством. Подтверждение сказанному мы находим у классиков уголовно-процессуальной теории. «Когда публичное начало уголовного процесса, – пишет И.Я. Фойницкий, – стало выясняться, а государственные органы еще не образовались, то совершенно естественно было возложить задачу обвинения на готовые органы суда, поручив им сперва контроль за деятельностью сторон, а затем мало-помалу и саму эту деятельность» [29, С. 62].

Из приведенной цитаты следует, что публичное начало дало толчок развитию органов уголовного преследования. Оно же стало источником развития системы поводов. Следует разделить точку зрения

А.С. Александрова, полагающего, что понятие повода к возбуждению уголовного дела

³⁴ К слову, путь чистой эволюции для уголовного процесса мало приемлем. Уголовный процесс нередко возвращается к тем принципам и институтам, которые были отринуты и, казалось бы, безвозвратно. Современный уголовный процесс (в понимании разработчиков УПК) это очень наглядно подтверждает.

является крайним проявлением публичности (официальности), несомненно, имеющим следственный характер. Наиболее рельефно указанный принцип проявляет себя в розыском типе уголовного процесса. Собственно в этом типе процесса публичность и оформилась в качестве основного начала [1, С. 165].

Опираясь на сказанное, можно заключить, что развитие системы поводов напрямую связано с укреплением в уголовном процессе розыскных начал. Полагаем, что уместным будет в связи с этим заявить, что *качество системы поводов для возбуждения уголовного дела – один из главных индикаторов состояния эффективности средств реализации принципа публичности.*

Смешанный (следственно-состязательный) тип современного уголовного процесса не является препятствием для подобного вывода. Возникнув в недрах процесса розыского типа, принцип публичности распространил свое влияние и на состязательный тип процесса. И произошло это достаточно давно. Во всяком случае, современники УУС это отлично понимали. «Допуская сочетание розыскных и состязательных начал, – писал Н.Н. Розин, – современный процесс твердо установил один общий принцип, в силу которого уголовное преследование всегда сохраняет публично-правовой, официальный характер. Это преследование ведется против обвиняемого государством... Даже в тех случаях, когда положительное право допускает частное преследование, это преследование представляет выполнение публично-правовой функции, происходит во имя публично-правовых интересов и создает публично-правовые отношения» [22, цит. по: 31, С. 61-62].

Прежде чем перейти ко второму тезису И.Р. Дмитриева, предвосхитим возможные возражения исследователей типологии уголовного процесса, касающиеся нашего вывода о генетической связи принципа публичности и розыского типа процесса. Поводом для подобных опасений служит фрагмент монографии А.В. Смирнова. Автор в систему принципов розыского (следственного) процесса включает следующие идеи: «1) принцип единства (слияние функций в функцию расследования, инстанционность), 2) судебно-следственная тайна, 3) письменность производства, 4) ревизионное начало; 5) обязанность любого лица содействовать уголовному процессу, 6) объективизм; 7) формальная оценка доказательств»³⁵.

Как видим, о принципе публичности здесь не говорится. Но, по нашему мнению, это вовсе не означает, что идея публичности в системе розыских принципов отсутствует. Дело в том, что названные выше принципы являются отраслевыми. Тип процесса, как полагает А.В. Смирнов, характеризуется принципами двух уровней – общеправовыми и отраслевыми. Однако мы исходим из того, что идея публичности является принципом более высокого порядка. Это в какой-то мере общеправовой принцип.

Заметим, правда, что в монографии А.В. Смирнова принципа публичности нет и в числе общеправовых принципов. По его мнению, единственный общеправовой принцип, который признается розыским производством, точнее лишь его инквизиционным и следственным видами, – это законность. «Розыск, – указывает А.В. Смирнов, – обычно насаждается в обществе именно под лозунгом энергичного наведения законности и

³⁵ По мнению А.В. Смирнова, говоря о принципах розыского типа процесса, следует прибегать в основном к следственной его разновидности, не отказываясь там, где это уместно, и от примеров инквизиционного и иных видов розыского производства. См.: *Смирнов А.В. Модели уголовного процесса. – СПб..., 2000. – С. 124.*

порядка» [25, С. 123-128].

Представляется, что принцип законности с его установками на порядок включает в себя и идею публичности (официальности). В современном понимании принцип публичности означает требование, обязывающее компетентные государственные органы и должностных лиц начинать уголовное судопроизводство и вести его к достижению цели независимо от волеизъявления заинтересованных лиц. К этому их обязывает должностное положение и государственный интерес³⁶.

Идея публичности находит отражение в ч. 2 ст. 21 УПК РФ, согласно которой в каждом случае обнаружения признаков преступления прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель принимают предусмотренные УПК РФ меры по установлению события преступления, изобличению лица и лиц, виновных в совершении преступления.

Из этого положения следует, что в соответствии с требованиями ч. 1 ст. 144 УПК РФ дознаватель, орган дознания, следователь и прокурор обязаны принять, проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении и в пределах компетенции, установленной УПК, принять по нему решение о возбуждении уголовного дела либо об отказе в возбуждении уголовного дела.

Обобщая сказанное, заключаем, что в основе дифференциации поводов и, как следствие, в основе их системного построения лежит розыскной принцип (тип) процесса, проявляющийся посредством публичных начал уголовного судопроизводства.

Исторические основания данного тезиса обнаруживаются во многих законодательных актах. В том числе и в УУС. Во втором параграфе первой главы мы уже приводили характеристику системы поводов в изложении И.Я. Фойницкого. Приведем эту цитату еще раз, но по другому поводу.

«Начало предварительного следствия обусловливается наличием одного из тех пяти законных поводов, которые указаны в статье 297 УУС; как скоро появился такой повод, судебный следователь постановляет о начатии дела. Некоторые из этих поводов безусловно обязательны для следователя в том смысле, что при наличии их он не может не начать следствия; другие же не обязывают его к начатию дела, а лишь дают ему на это право. К первым относятся жалобы потерпевших, предложение прокурора и возбуждение дела начальством обвиняемого; ко вторым – сообщения полиции, явка с повинной и заявления лиц, не потерпевших от преступного деяния» [30, С. 397].

В. Случевский тоже обращал внимание на то, что некоторые из законных поводов сами по себе служили достаточным основанием для уголовного преследования [24, С. 444].

Н.Н. Розин также считает, что законные поводы по своему назначению распадаются на две группы. Одни поводы, безусловно, обязательны для следователя, и при их наличии он должен приступить к производству предварительного следствия. Другие поводы не являются обязательными, и для начала предварительного следствия при наличии этих поводов он должен установить достаточность оснований [21, С. 421-422].

³⁶ Исследованию природы принципа публичности (официальности) в уголовном процессе, в частности, в стадии возбуждения уголовного дела, посвящены диссертационные исследования: *Федулов А.В.* Реализация принципа публичности (официальности) в современном уголовном судопроизводстве России: Дис... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2002; *Бандурин С.Г.* Публичность как принцип уголовного судопроизводства и его действие в стадии возбуждения уголовного дела: Дис... канд. юрид. наук. – Саратов, 2004.

К историческим основаниям дифференциации поводов активно обращались разработчики современной модели УПК РФ. Для иллюстрации их позиции приведем развернутую цитату из статьи С. Вицина (на момент подготовки статьи – заместителя председателя Совета при Президенте РФ по вопросам совершенствования правосудия).

«Возбуждение уголовного дела, – пишет С. Вичин, – акт не формальный, а весьма значимый и важный. Институт возбуждения дела известен всем видам судопроизводства, и, естественно, реализация названного института, как правило, возложена на суд, который обычно и возбуждает дело (или производство по делу). Именно такой порядок предусматривался ранее действовавшими и предусматривается вновь принятыми ГПК РФ и АПК РФ, а по определенной категории дел – делам частного обвинения – и УПК РФ (ст. 4 ГПК РФ, ст. 127 АПК РФ, ст. 318 УПК РФ). Такой совершенно ясный и легко объяснимый подход давно сформировался в истории судопроизводства. В дореволюционном уголовном судопроизводстве его начало обозначалось термином более точным и имеющим более широкое содержание – начатие дела у мирового судьи или начатие предварительного следствия, в том числе с участием полиции (ст.ст. 42–53, 250–261, 297–314 Устава уголовного судопроизводства Российской империи).

Так называемое «возбуждение уголовного дела» было лишь частным случаем начатия судопроизводства, когда оно осуществлялось прокурором или судебным следователем (п.п. 4, 5 ст. 297 Устава уголовного судопроизводства Российской империи). При этом существенно, что уголовное судопроизводство фактически начиналось (инициировалось) прежде всего не властью, а частными лицами. В ст. 303 Устава уголовного судопроизводства Российской империи указывалось буквально следующее: «Жалобы почитаются достаточным поводом к начатию следствия. Ни судебный следователь, ни прокурор (и, добавлю, конечно же, и не полиция – С.В.) не могут отказать в том лицу, потерпевшему от преступления или проступка» [4].

С. Вичин обращает внимание на то, что «эта норма, как справедливо отмечалось в Концепции судебной реформы в Российской Федерации 1991 года, заставляла государство, официальные власти служить интересам гражданина, который выступал не как бесправный и часто униженный проситель, припадающий к стопам могущественной власти, а как полноправный гражданин государства, приводящий в движение машину государственной уголовной юстиции. Иными словами, реализовался демократический принцип – не человек для власти, а власть для человека (см.: Концепция судебной реформы в Российской Федерации. М., 1991. С. 89) [4].

Отталкиваясь от сказанного, С. Вичин формулирует предложение: «Для придания институту возбуждения уголовного дела современного облика, необходимо, в первую очередь, полностью и безоговорочно отказаться от так называемой доследственной проверки заявлений, сообщений о преступлениях и по их получении немедленно возбуждать уголовное дело и начинать расследование, т. е. производство по делу, как это имеет место во всех видах судопроизводства, включая в известных случаях и уголовное» [4].

В высказанной позиции есть рациональное зерно. И выше мы обращали внимание на целый ряд моментов, в том числе и на условность термина «возбуждение уголовного дела». Вместе с тем, практика показывает, что реализация подобного подхода сопряжена

со значительными трудностями. Сложности проявились во время одной из кампаний по совершенствованию учетно-регистрационной дисциплины.

В последние годы сложилась практика приравнивания решения об отказе в возбуждении уголовного дела к факту укрывательства преступления. М.Т. Коридзе по этому поводу пишет: «Практика последних лет показывает, что органы прокуратуры нередко приравнивают подобное решение к факту укрывательства преступлений, а лиц, его вынесших, к «оборотням в погонах». Решение об отказе в возбуждении уголовного дела становится поводом для возбуждения уголовного дела в отношении лица, принявшего это решение. В связи с этим, уголовные дела возбуждаются по всякому поводу, в том числе и тогда, когда повод не содержит в себе оснований. Впоследствии эти дела, как правило, прекращаются» [15, С. 140].

Оценка доследственной проверки также неоднозначна. По мнению Д. Кречетова (во время написания цитируемой статьи – первого заместителя прокурора Нижегородской области), не все жалобы граждан, в которых содержится требование о возбуждении уголовного дела, должны проверяться в порядке, предусмотренном УПК РФ.

Он, в частности, указывает следующее: «В последнее время все чаще различные судебные инстанции стали признавать незаконным рассмотрение заявлений граждан без вынесения решения в порядке ст. ст. 144–145 УПК и обязывать органы прокуратуры проводить такие проверки, если в заявлении есть просьба возбудить уголовное дело. При этом судами не берется во внимание, что в таких заявлениях не указывается на признаки преступлений, хотя именно это имеет существенное значение. Как правило, в обоснование своих доводов об обязательности вынесения решения в порядке ст. 145 УПК суд называет следующие обстоятельства: а) в заявлении содержится просьба возбудить уголовное дело; б) имеется информация о совершенном (готовящемся) преступлении; в) отсутствует официальный отказ прокурора в приеме заявления, вынесенный в порядке п. 5 ст. 144 УПК» [16].

Д. Кречетов критически оценивает эту практику: «Достаточно в обращении указать на желание гражданина возбудить уголовное дело либо привлечь кого-либо к уголовной ответственности, – указывает он, – и суд автоматически рассматривает его как поданное в порядке, предусмотренном УПК РФ. При этом забывается азбучная истина: кроме поводов должны быть и основания, т. е. достаточное указание на признаки совершенного преступления. Но это уже ко второму доводу».

«Что касается просьбы, то порой уловить «желание клиента» весьма затруднительно. Так, изучение одного из обращений, по которому судом было принято решение о незаконности действий прокурора без принятия решения в порядке УПК РФ, никак не свидетельствовало о каких-либо однозначных требованиях заявителя. Не указывая на признаки преступления, заявитель в очередной раз обжаловал отказ в регистрации общественного объединения (который ранее прокуратурой признан обоснованным) и действия чиновника Минюста. В заключение своего обращения он просил «возбудить уголовное дело с разрешением вопроса в рамках гражданского иска...». Понять просьбу не просто» [16].

Все это приводит Д. Кречетова к выводу о том, что «информация в заявлении о совершенном или готовящемся преступлении должна давать основания хотя бы рассуждать о деянии как о возможном или предполагаемом преступлении. Если же в заявлении речь

идет о преступлении, однако указывается не на деяние, а на некие мероприятия, акты или цепь каких-либо связанных (а зачастую не связанных) между собой событий, без намека не только на их преступность, но даже противоправность, как можно сразу подводить под эту проверку уголовно-процессуальную форму? И речь здесь идет не о том, что прокуроры бояться быть «заваленными» заявлениями или есть некая боязнь жестких сроков. Речь о правах и конституционных свободах тех лиц, действия которых мы будем рассматривать» [16].

Действительно, всякое заявление о преступлении касается не только заявителя, но и других лиц, на которых падает подозрение. Заботясь о правах граждан, необходимо помнить, что гражданами являются и те люди, которых пытаются привлечь к ответственности. Закон должен защищать и их от незаконного вовлечения в орбиту уголовного процесса.

По мнению Д. Кречетова, «если жалоба содержит просьбу возбудить дело, а указаны признаки административного правонарушения, у прокурора нет оснований для уголовно-правовой оценки чьих-либо действий, т. е. проведения проверки в порядке ст. 144–145 УПК РФ. Вполне достаточно возбудить административное производство либо отказать в его возбуждении» [16].

В связи с этим мы должны сказать, что не все исторические предпосылки нужно буквально воплощать в современном уголовном процессе. Несмотря на то, что отечественный уголовный процесс отводит место и частному началу [7; 23; 33, С. 16], определяющей идеей все же выступает публичность.

Считаем, что развитие современной системы поводов к возбуждению уголовного дела в первую очередь подпитывают своей энергией публично-розыскные начала. На фоне этой мысли следует воспринимать второе положение, защищаемое И.Р. Дмитриевым. Напомним, он утверждает, что «система поводов и система доказательств являются информационными системами и, следовательно, должны быть максимально открыты для сведений о криминальных явлениях. К этому их обязывает методологическая платформа процесса, опирающаяся на принцип публичности и принцип свободной оценки доказательств».

Данный тезис нуждается в тщательном анализе. И.Р. Дмитриев для характеристики системы поводов использует как минимум два понятия: 1) информационная система и 2) открытая система. Необходимо проверка: правомерно ли И.Р. Дмитриев использует в данном случае терминологию? Понимает ли он, что такое система, что такое информационная система и т. п.

Подобные вопросы неизбежно влекут за собой обращение к соответствующим понятиям и их соответствующую разработку. Однако попытка определиться с понятиями системы и информации – эта задача непосильная и для отдельного исследования. Несмотря на широкое оперирование понятиями «система» и «системное исследование», их четкой дефиниции, как в методологии науки, так и в отраслевых науках, до сих пор не существует.

При такой ситуации, как отмечает Д.А. Керимов, любое всеобщее определение системы может претендовать в лучшем случае на «метатеоретическое», «идеально-моделированное» или «абстрактно-формализованное значение», отвлеченное от качественной характеристики реальных системных образований. А отсюда следует, что сами всеобщие определения системы должны классифицироваться в зависимости от целей их формулирования [11, С. 243]. Похожей позиции придерживается И. Клир, который подчеркивает, что понятие системы в различных научных дисциплинах используется различным

образом и применяется для решения различных проблем. Эти различия обусловлены главным образом традицией и специфическими методами и задачами отдельных наук [12, С. 288, цит. по 11, С. 243].

Однако и не определяя указанных понятий, мы полагаем возможным сделать некоторые замечания по поводу позиции И.Р. Дмитриева. На наш взгляд, понятие «информационная система», подразумевает систему элементов, содержащих готовую (актуальную) информацию. Информационными системами могут быть названы разного рода банки данных.

Система поводов подразумевает, в первую очередь, источники потенциальной информации, обращая больше внимания на форму информации, нежели на ее содержание. Подчеркнем, что мы характеризуем систему поводов с точки зрения формального выражения в праве³⁷. Для нас здесь важно значение, которое система поводов имеет для уголовного процесса в целом. Только на этом уровне абстракции и можно говорить о системности поводов. Именно в этом ключе перечень поводов превращается в систему (нечто большее, чем сумма частей), нацеленную на то, чтобы захватить максимальное число данных, указывающих на признаки преступления. Этот захват и удержание осуществляются посредством формы повода.

Формальное начало системы поводов обусловлено опять же розыскной подоплекой (действием розыскного начала), лежащей в основе феномена повода и системы поводов для возбуждения уголовного дела. Очень красочную характеристику процессу розыскного типа дал В.Д. Спасович: «Весь этот процесс направлен к тому, чтобы дойти до полнейшего раскрытия истины материальной. Весь он основан на отвлеченной теории вероятностей, на вере в безошибочность объективных правил, выведенных разумом из долговременного опыта и основанных на глубоком знании свойств человеческого ума и сердца, на вере в возможность разрешить посредством их всевозможные случаи жизни практической» [26, С. 29].

Ранний розыскной процесс опирался на теорию формальной оценки доказательств. Эта теория ничего общего не имеет с формализмом. Она лишь является подтверждением того, что в области уголовного процесса ведутся поиски средств объективизации информации. И формализм повода – одно из этих средств. Частью формы является и необходимость доследственной проверки, против которой возражает С. Вицин (и не только он). Потребность в объективных основаниях для начала уголовного судопроизводства (а именно к этому призывает логический закон достаточного основания) требует отказаться от практики возбуждения уголовного дела на основании только требования субъекта. Причем неважно, каким должностным статусом обладает этот субъект.

Перечисленные особенности требуют совершенствования процессуальной формы первой стадии уголовного судопроизводства. Для решения этой задачи нужно учитывать разные предложения, в том числе и те, в которых ставится вопрос о расширении практики отказа в принятии сообщения о преступлении.

По мнению прокурора М. Махмутова, необходимость в этом достаточно часто возникает на практике. Ему представляется возможным и не противоречащим закону вынесение постановления об отказе в принятии сообщения о преступлении в случае, если заявление

³⁷ Само собой, что в реальной практической деятельности содержательное наполнение повода крайне важно.

содержит сведения о событии, не имеющем признаков преступления, либо если по аналогичному сообщению о преступлении уже принято решение, предусмотренное ст. 145 УПК. При этом, конечно, повторное сообщение не должно содержать новых данных об указанном событии. По аналогии с ч. 4 ст. 148 УПК постановление об отказе в приеме сообщения о преступлении должно немедленно направляться заявителю. При этом ему надлежало бы разъяснить предусмотренное ч. 5 ст. 144 УПК право на обжалование принятого решения прокурору и в суд в соответствии со ст.ст. 124 и 125 УПК [17].

Сам М. Махмутов оговаривает, что приведенные предложения, конечно, не могут быть призывом немедленно выносить постановления об отказе в приеме сообщений о преступлении. Они предполагают лишь разрешение вопросов, которые требуют нормативного урегулирования если не на законодательном, то на ведомственном уровне [17].

Но вернемся к положению И.Р. Дмитриева о том, что система поводов – открытая информационная система. Мы критически оценили эту терминологию с опорой на формальный базис повода. Однако в поводе, как было показано нами выше, переплетаются разные феномены. И формальный аспект не является единственным. Поэтому критика позиции И.Р. Дмитриева только по этому аспекту вряд ли будет обоснованной. Кроме того, у нас нет претензий к И.Р. Дмитриеву в части методологического понимания системы поводов. Мы скорее против текстуального выражения его позиции.

Полагаем, что более удачной для характеристики системы поводов к возбуждению уголовного дела является формулировка «*система улавливания информации*», а не «информационная система». Эта формулировка более точна в методологическом смысле. И не только. Посредством ее в систему поводов вовлекается и идеологическая составляющая.

Она заключается в установке на активную борьбу с преступностью. В современный период торжествует принцип личной свободы. Именно этой свободе и была подчинена современная судебная реформа. Однако полтора десятка лет практической реализации этого принципа показали, что чрезмерная свобода способна привести к катастрофическим последствиям. Если говорить о борьбе с преступностью, то с каждым днем становится все яснее, что эффективная борьба возможна только в случае усиления публичных розыскных начал судопроизводства.

В связи с этим лозунги, призывающие к войне с преступностью, уже не выглядят простым популизмом. Наш научный руководитель полагает, что «главной стратегией войны с преступностью следует рассматривать курс на информационное превосходство органов, ведущих антикриминальный процесс перед субъектами криминальной деятельности» [20, С. 15].

Однако идея информационного превосходства должна выражаться не только в улавливании информации, но и в переработке этой информации в соответствующий информационный продукт³⁸. И законная форма повода (способ формирования) есть надежный гарант и средство решения этой задачи.

Заговорив о законной форме повода, мы вновь обращаемся к проблеме дифференциации/унификации поводов к возбуждению уголовного дела. Если форма повода зависит от первичной информации, в том числе и от ее первоисточника, то можно предположить,

³⁸ Об информационном продукте также активно рассуждал наш научный руководитель.

что таких форм будет несколько. Разнообразие информации о преступлении ведет к разнообразию формального закрепления этой информации. И это обстоятельство свидетельствует в пользу дифференциации поводов.

Однако различие поводов не отрицает той общей задачи, которую они призваны выполнить. Следовательно, дифференциация поводов не препятствует их системности. Напротив, способствует ей.

Таким образом, мы выявили как минимум две предпосылки для дифференциации поводов для возбуждения уголовного дела: 1) деление поводов на частные и публичные; 2) необходимость формализации поводов, как первая предпосылка их законности.

Означает ли это, что мы готовы отдать предпочтение дифференцированному подходу? Прежде чем ответить на этот вопрос, еще раз обратимся к третьему положению, которое выдвинул в своей работе И.Р. Дмитриев.

«Система поводов для возбуждения уголовного дела генетически устремлена к универсальности. Эта устремленность может быть эффективно реализована посредством закрепления в системе поводов для возбуждения уголовного дела – «свободного» повода».

В цитате есть два интересных момента: идея универсальности системы поводов и средство реализации этой универсальности – свободный повод.

Разберем эти моменты подробнее. Итак, что означает универсальность системы поводов? А означает она то, что система поводов может (по крайней мере, должна) реагировать на любую информацию о криминальном событии. В этом смысле система поводов 2001 г. должна быть готова к улавливанию информации, которая появится в 2010 г., и т. д.

По мнению И.Р. Дмитриева, свойство универсальности достигается за счет включения в систему поводов так называемого свободного повода. В принципе мы с этим согласны. Однако свободный повод – это не единственный способ придания системе поводов универсальных свойств. Главным способом, по нашему мнению, является сама системная организация поводов.

То, что поводы являются системой, а не простой совокупностью информационных источников, можно показать на примере анонимных заявлений. Часть 7 ст. 141 УПК РФ указывает, что «анонимное заявление о преступлении не может служить поводом для возбуждения уголовного дела». Подобной формулировки в УПК 1960 г. не было. Однако правило о том, что анонимное заявление не повод, существовало всегда.

Но правило это следует понимать с оглядкой на формальное понимание повода. Да, анонимное заявление не является поводом к возбуждению уголовного дела. Но не является лишь в том смысле, что оно не образует заявления как разновидности уголовно-процессуальной формы. По форме этот повод отрицается, но по содержанию он отвергнут быть не может.

Комментируя ст. 141 УПК РФ, В.Т. Томин и М.П. Поляков пишут: «Анонимное заявление о преступлении не может служить поводом для возбуждения уголовного дела. Вместе с тем, орган дознания не должен игнорировать анонимную информацию, указывающую на криминальный характер события. Анонимные письма, содержащие данные о преступлении, не уничтожаются, а передаются в оперативные службы для использования в пресечении и раскрытии преступления» [14, 373].

Последняя установка содержится во всех ведомственных приказах, регламентирую-

щих прием заявлений и сообщений о преступлении³⁹. Передача анонимного заявления в оперативный орган означает не что иное, как переформатирование первичной информации в форму законного повода. В результате уголовный процесс в случае подтверждения криминального происхождения события, описываемого в анонимном заявлении, будет запущен по другому поводу. В старом УПК такую возможность давал п. 6 ст. 108: непосредственное обнаружение признаков преступления органом дознания, следователем, прокурором и судом. Сегодня – п. 3 ч. 1 ст. 140 УПК РФ: сообщение о преступлении, полученное из иных источников.

Обратившись к анонимным заявлениям, мы не можем не обратить внимание на тенденцию, берущую начало в стратегии информационного превосходства органов, ведущих борьбу с преступностью, перед теми, с кем эти органы и борются.

В 2003 г. в журнале «Законодательство» вышла статья В.В. Голубева «Анонимные заявления: позитивный взгляд на негативное явление» [5]. В указанной работе автор призывает непредвзято относиться к этому источнику информации. «Нельзя, – пишет он, – оценить анонимные послания как явление однозначно отрицательное. Возникнув, видимо, одновременно с появлением письменности, они продолжают существовать, и это не случайно. Втянутыми в этот процесс людьми – и теми, кто пишет анонимки, и теми, кто читает безымянные сообщения, – движут самые разные побудительные мотивы, порой прямо противоположные; тем не менее, анонимные письма были, есть и, судя по всему, будут».

Сам В.В. Голубев не призывает придать анонимным заявлениям статус повода. Он лишь подчеркивает необходимость решать эту проблему не на ведомственном, а на законодательном уровне.

«Безусловно, требуется законодательно разрешить данную проблему, предусмотрев, например, возможность подать заявление о преступлении в доверительной форме. Именно так предлагает вывести «из тени» определенную часть источников информации о преступлении В. Юрин. По его мнению, в этом случае «заявитель вправе рассчитывать на дополнительные меры защиты с момента подачи заявления. После обещанной конфиденциальности сведения о заявителе могут не фиксироваться в следственном деле» [5].

Теперь поговорим о феномене свободного повода для возбуждения уголовного дела. Этот элемент, напомним, И.Р. Дмитриев называет главным инструментом придания системе поводов свойства универсальности.

Начнем с авторского определения свободного повода. Свободный повод для возбуждения уголовного дела – это такой элемент системы поводов, который позволяет этой системе улавливать максимальное число сведений о признаках преступления. Он представляет собой неформализованную⁴⁰ информацию, зафиксированную способом, позволяющим проводить ее расшифровку и проверку [8, С. 9-10].

Идея свободного повода была оценена в юридической литературе как любопытная.

³⁹ Перечень этих приказов мы приводим в первом разделе списка использованной литературы. Интересен тот факт, что с заявлением о признании недействительным соответствующих пунктов в Верховный Суд РФ обращалось правозащитное движение «За права человека». Высшая судебная инстанция отказала в удовлетворении данного заявления, указав, что положения оспариваемого нормативного акта не противоречат действующему законодательству, приняты ФСБ России в пределах полномочий федерального органа исполнительной власти и не нарушают права и свободы граждан. Информация об этом факте почерпнута нами из источника, указанного в следующей ниже сноске.

⁴⁰ Указанный термин здесь означает отсутствие необходимости в уголовно-процессуальной форме.

Однако указывалось, что позиция И.Р. Дмитриева вызывает трудности в понимании [3, 58]. Попытаемся дать собственную интерпретацию свободного повода.

Для этого нам понадобится не только дефиниция, но и предпосылки ее формирования. Из диссертации И.Р. Дмитриева мы выяснили, что инициатором введения понятия свободного повода в уголовный процесс выступил М.П. Поляков. Анализируя новую систему поводов, он отметил, что «с одной стороны, это вполне логичный шаг законодателя. Жизнь – многообразна, и уложить обилие ситуаций в жесткую систему поводов практически невозможно. Поэтому наличие в системе информационных сигналов о преступлении «свободного» повода необходимо приветствовать. Однако у подобной конструкции есть и обратная сторона. Законодатель, видимо, не напрасно избегает приведения системы поводов к одному элементу. Дело в том, что дифференциация поводов к возбуждению уголовного дела связана, кроме прочего, со спецификой процессуального режима извлечения из них информации» [19, С. 99].

К месту будет задать вопрос: отчего должен быть свободен указанный повод? М.П. Поляков не дает ответа на этот вопрос. И.Р. Дмитриев, если мы правильно поняли его позицию, говорит о свободе от уголовно-процессуальной формы. Такой вывод мы делаем, опираясь на следующую цитату: «Термин «свобода» здесь подразумевает не только широкий информационный охват, но и возможность использования альтернативных методов формирования повода (форма «свободного» повода для возбуждения уголовного дела не должна пониматься как именно уголовно-процессуальная форма)» [8, С. 10].

Из сказанного можно заключить, что повод не может быть свободен от формы вообще. В любом случае информация должна быть формально определена. Но уголовный процесс должен принять и оперативно-розыскную форму повода, и административно-процессуальную. Полагаем, что в свободную зону следует включать всякую логически упорядоченную информацию и не только. Выше мы уже говорили о ведомственных актах. Полагаем, что там идея реализации свободного повода находит четкое практическое воплощение. Правда, там свободный повод определяется как «иная информация о правонарушении».

Для правильной оценки свободного повода необходимо иметь в виду и некоторые доктринальные параллели. Созвучное методологическое решение в уголовно-процессуальной науке в свое время предлагалось для системы доказательств. В.А. Камышин предложил рассматривать источник доказательств «иные документы» в качестве «свободного» доказательства, которое определялось следующим образом: «Свободное доказательство в уголовном процессе – это всякая значимая для дела и процессуально неформализованная социальная информация, зафиксированная на материальном носителе любым лицом и любым способом, допускающим его расшифровку, доброкачественность которой определяется по свободному усмотрению органа уголовного судопроизводства» [10, С. 6].

Таким образом, к свободному поводу следует относить все те источники первичной информации, в отношении которых закон не выработал четкой уголовно-процессуальной формы. Свободный повод – это своего рода «карантин» для проблемных поводов. Они принадлежат к нему до тех пор, пока не выяснится образ их процессуальной формы. Понятно, что известные источники информации не могут вечно находиться в этой

свободной зоне. Уголовно-процессуальная наука должна стремиться перевести их в зону формальной определенности.

В связи с этим законодательная техника, примененная при формировании современной системы поводов, не может быть признана позитивной. Сам факт появления свободного повода – это благо. Оговоримся, что под свободным поводом понимается повод, сформулированный в п. 3 ч. 1 ст. 140 УПК РФ. Но избыточное содержание этого повода следует оценить негативно. Законодатель, на наш взгляд, применил метод «чрезмерного округления» и поместил в этот повод массу конкретных источников информации. Сюда попали, в частности, и публикации в средствах массовой информации, и непосредственное обнаружение признаков преступления органами расследования и прокурором.

Вместе с тем, критикуя законодателя, мы уперлись в существенную методологическую проблему. Из предыдущих рассуждений можно сделать вывод о том, что в зону свободного повода попадают формально неопределенные источники. Это основная посылка. Но если исходить из УПК РСФСР (1960 г.), то формально определенными были только такие поводы, как заявления и сообщения о преступлении и явка с повинной. Публикации в печати и непосредственное обнаружение не имели формальной определенности. Они лишь назывались. Здесь законодатель поступил вполне логично.

Следовательно, формальная определенность не является единственным критерием, на основании которого выделяется свободный повод. Наряду с формальной определенностью следует выделять просто определенность повода.

Полагаем, что формальной определенности предшествует конкретизация повода, когда он четко выделяется из совокупности информационных сигналов, в первую очередь, по своей сугубо информационной форме. Этот момент можно назвать конкретизацией повода или детализацией элементов системы поводов. Помещение такого повода в систему поводов, его персонификация означает констатацию важности этого информационного сигнала для уголовного процесса. И даже если уголовно-процессуальная форма реализации этого повода не ясна или носит квазипроцессуальный характер, в систему поводов вводится элемент с конкретным именем.

Именно так поступает законодатель стран СНГ. В исследованных нами кодексах четко прослеживается курс на дифференциацию и детализацию поводов. Этого же курса следует придерживаться и российскому законодателю.

Однако дифференциация поводов не означает, что идея унификации поводов должна сойти на нет. По нашему мнению, идея унификации поводов не работает на уровне всей системы поводов. Нецелесообразно сводить всю систему поводов к одному элементу. Этому противится сама сложная природа поводов. Но нельзя вводить в систему поводов и очень крупные (по сути, унифицированные элементы). Таковым сегодня является повод, обозначенный в п. 3 ч. 1 ст. 140 УПК РФ.

Вместе с тем, идея унификации поводов находит реальное и полезное практическое применение в рамках конкретного повода. Поиск адекватной процессуальной формы, пригодной для множества конкретных проявлений поводов (например, заявлений граждан), должен опираться на идею унификации.

Правда, и здесь мы можем уже сегодня разглядеть проблемную ситуацию. Наши рассуждения удовлетворительны с теоретической точки зрения. Что касается практики, то здесь в рамках конкретных поводов идет процесс практической дифференциации. Это хорошо заметно на примере экономических преступлений [9; 13; 18].

В завершение дадим ответы на вопросы, поставленные в начале нашей статьи:

1) в числе факторов, оказывающих воздействие на формирование и развитие системы поводов, можно выделить следующие:

- наличие в уголовном процессе частных и публичных начал;
- приоритетное положение принципа публичности и производной от него розыскной методологии отечественного уголовного процесса;
- потенциальное умножение источников информации о преступлениях;
- потребность формализации наиболее типичных поводов;
- неизбежное наличие в числе источников информации о преступлении формально неопределенных (свободных) источников.

2) для формирования системы поводов существенное значение имеют оба подхода. Однако для пользы дела их необходимо упорядочить иерархически. В основу формирования системы поводов для возбуждения уголовного дела должен быть положен дифференцированный подход. Конкретизация и детализация элементов системы поводов – важнейшая методологическая предпосылка работоспособности этой системы.

Унифицированный подход целесообразен для разработки отдельных элементов системы поводов. Напомним, что повод – это тоже своеобразная информационная система. Унифицированный подход позволяет сформировать и образ свободного повода для возбуждения уголовного дела.

Литература

1. Александров А.С. Диспозитивность в уголовном процессе. – Н. Новгород, 1997.
2. Бандурин С.Г. Публичность как принцип уголовного судопроизводства и его действие в стадии возбуждения уголовного дела: Дис... канд. юрид. наук. – Саратов, 2004.
3. Быков В.М., Березина Л.В. Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела. – Казань: Изд-во «Таглитмат». – ИЭУП, 2006. – 256 с.
4. Вицин С. Институт возбуждения дела в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. – 2003. – № 6.
5. Голубев В.В. Анонимные заявления: позитивный взгляд на негативное явление // Законодательство. – 2003. – № 3.
6. Григорьев В.Н. Возбуждение уголовного дела / Лекция-консультация. – М., 2002.
7. Григорьев В.Н., Голубов И.И., Селютин А.В. Возбуждение уголовных дел частного обвинения: проблемы и перспективы // Мировой судья. – 2006. – № 2. - С. 16-18.
8. Дмитриев И.Р. «Свободный» повод для возбуждения уголовного дела: Дис... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2005.
9. Зюзик В.И. Основания возбуждения уголовного дела по налоговым преступлениям // Современное право. – 2004. – № 12. // Справочно-правовая система «Консультант-Плюс».

10. Камышин В.А. Иные документы как «свободное» доказательство в уголовном процессе: Автореф. дис... канд. юрид. наук. – Ижевск, 1998.
11. Керимов Д.А. Методология права. – М., 2000.
12. Клир И. Абстрактное понятие системы как методологическое средство // Исследование по общей теории систем. М.: Прогресс, 1969. С. 287-319.
13. Коляда А.В. Возбуждение уголовных дел о преступлениях, предусмотренных статьями 174 и 174.1 УК РФ // Адвокат. – 2005. – № 3. - С.54-56
14. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. В.И. Радченко; Науч. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2006.
15. Коридзе М.Т. Современные задачи стадии возбуждения уголовного дела и средства их решения: Дис... канд. юрид. наук. – Н. Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2006. – 189 с.
16. Кречетов Д. Не все жалобы должны проверяться в порядке, предусмотренном УПК РФ // Законность. – 2005. – № 4.
17. Махмутов М. Отказ в приеме сообщения о преступлении // Законность. – 2006. – № 5. – С. 37-38.
18. Павлов И. Основания возбуждения уголовных дел по налоговым преступлениям // Российская юстиция. – 1999. – № 12.
19. Поляков М.П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности. – Н. Новгород, 2001.
20. Поляков М.П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности: Дис... д-ра юрид. наук. – Н. Новгород, 2002.
21. Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство. – Петроград, 1914.
22. Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство. – Петроград, 1916.
23. Седаш Е.А. Частное начало в российском уголовном судопроизводстве: Автореф. дис... канд. юрид. наук. – Саратов, 2000.
24. Случевский В. Русский уголовный процесс. – СПб., 1913.
25. Смирнов А.В. Модели уголовного процесса. – СПб..., 2000.
26. Спасович В.Д. Избранные труды и речи / Сост. И.В. Потапчук. – Тула, 2000.
27. Томин В.Т. Острые углы уголовного судопроизводства. – М., 1991.
28. Федулов А.В. Реализация принципа публичности (официальности) в современном уголовном судопроизводстве России: Дис... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2002.
29. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. В 2 т.– СПб., 1996. – Т. 1.
30. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. В 2 т.– СПб., 1996. – Т. 2.
31. Хрестоматия по уголовному процессу России: Учебное пособие / Авт.–сост. проф. Э.Ф. Куцова. – М., 1999.
32. Чельцов-Бebutov М.А. Положение личности в уголовном процессе. – М.: Юридическое издательство Министерства юстиции СССР, 1948.
33. Шевченко И.А. Повод к возбуждению производства по уголовному делу // Российский следователь. – 2002. – № 11. – С. 16-17.

© Е.С. Кузьменко, 2016.
© «Наука. Мысль», 2016.

— ● —

Abstract. This article presents the study of the theoretical and practical foundations of the initiation of criminal trial, while special attention is paid to the system the reasons for initiation of criminal proceedings.

Keywords: criminal case, initiation of criminal trial, criminal law.

— ● —

Сведения об авторе

Елена Сергеевна **Кузьменко**, кандидат юридических наук, Нижегородская академия МВД России (Нижний Новгород, Россия).

— ● —

Подписано в печать 15.01.2016.
© Наука. Мысль, 2016.

;

Юридические науки

УДК 34

ОЦЕНКА СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ ПОВОДОВ⁴¹

Е.С. Кузьменко, Нижегородская академия МВД России (Нижний Новгород, Россия)

Аннотация. В данной работе проводится исследование теоретических и практических основ возбуждения уголовного дела, при этом уделяется особое внимание системе поводов для возбуждения уголовного дела

Ключевые слова: уголовное дело, возбуждение уголовного дела, уголовное право.

Достижение цели исследования относительно природы поводов к возбуждению уголовного дела невозможно без выяснения вопроса о том, как воспринимается современная система поводов со стороны науки и практики. В данной статье мы приведем оценки, которые дают этой системе поводов в юридической литературе, а также мнения практических работников, выясненные нами в ходе социологического исследования.

Вместе с тем мы не намерены ограничиваться лишь констатацией чужих оценок. Исследовательская задача не может решаться простым подсчетом голосов «за» и «против». Настоящая научная оценка предмета возможна лишь путем сравнения его с идеальной моделью. Берем на себя смелость заявить, что предпосылки такой модели были предложены в предыдущих статьях.

Конкретизируем положения, касающиеся оптимальной (идеальной) системы поводов в целом. По сравнению с ними и будет оцениваться современная система поводов к возбуждению уголовного дела.

Итак, положение первое. *Эффективная реализация уголовно-процессуального принципа публичности может быть обеспечена только при помощи качественной системы поводов к возбуждению уголовного дела, оптимально сочетающей в себе начала конкретности и универсальности. Наличие такой системы поводов к возбуждению уголовного дела – важное условие эффективности всего уголовного судопроизводства.*

Закономерен вопрос: является ли таковой система поводов, сформулированная в УПК РФ? Иными словами, сочетает ли она оптимально *начала конкретности и универсальности?*

Положительный ответ на этот вопрос дать не так просто, как может показаться на

⁴¹ Статья представлена магистром социальной работы Т.М. Хусяиновым (Нижний Новгород, Россия). **Научный руководитель:** доктор юридических наук, профессор М.П. Поляков. **Ведущая организация:** Волгоградская академия МВД России. **Оппоненты:** доктор юридических наук, профессор А.Ф. Лубин; кандидат юридических наук, доцент С.П. Гришин. **Отзывы прислали:** профессор кафедры Института повышения квалификации руководящих кадров Генеральной прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент А.В. Агутин; доцент кафедры уголовного процесса СибЮИ МВД России, кандидат юридических наук, доцент П.Л. Сурихин; начальник кафедры уголовного процесса Калининградского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент, подполковник милиции В.Н. Авдеев; Начальник Омской академии МВД России, заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор Б.Б. Булатов; Заведующий кафедрой уголовного права и процесса Омского юридического института, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, доцент Ю.В. Деришев.

первый взгляд. При явно выраженной информационной свободе, которую несет в себе эта система (что является благом), в ней легко различить и недостатки, причем весьма существенные.

Основной недостаток, по нашему мнению, заключается в том, что современной нормативной системе поводов присуща *диспропорция элементов*. Поясним, что мы вкладываем в слово «диспропорция».

По нашим оценкам, в системе поводов к возбуждению уголовного дела содержится, образно говоря, «безразмерный» повод. Он сформулирован в п. 3. ст. 140 УПК РФ. Выше мы уже не раз обращали на него внимание. В науке этот повод получил название свободного повода. В частности, так его называет нижегородская школа процессуалистов⁴².

Этот повод, как может показаться, делает систему поводов к возбуждению уголовного дела максимально универсальной, поскольку из текста закона буквально вытекает, что любой сигнал о преступлении может быть принят уголовным процессом посредством этого источника. Однако практика показала, что реализовать это намерение не так-то просто.

И.Р. Дмитриев, целенаправленно исследовавший проблему свободного повода, указывает, что «определитель «свободный» может быть применен к поводу (в контексте УПК РФ) весьма условно (именно поэтому данный термин заключен нами в кавычки), поскольку свобода повода, заложенная в его первичной формулировке (п. 3 ч. 1 ст. 140 УПК РФ), в значительной степени ограничивается последующей нормативной расшифровкой его процессуальной формы (ст. 143 УПК РФ). Таким образом, актуализируется противоречие между информационной потребностью (свободным поводом) и уголовно-процессуальной формой ее реализации» [3, С. 4].

На противоречивость указанной формулировки обращает внимание С.И. Гирько: «Формулировка повода – «сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников» – выглядит многообещающей и позволяет включить в него всю информацию об уголовно наказуемых деяниях, которая не вошла в предыдущие два повода, изложенные в п. 1 и 2 ч. 1 ст. 140 УПК РФ. Ранее такого не допускалось» [2, С. 81].

Последняя фраза – «ранее такого не допускалось» – может быть истолкована двояко. С одной стороны, ее можно понимать как преодоление некоторых запретов, имевших место в советском УПК РСФСР. С другой стороны, эта фраза может быть расценена как отступление от хорошей формальной традиции. Анализ монографии С.И. Гирько приводит нас к выводу о том, что он склоняется ко второй, т. е. к критической оценке.

Этот вывод подтверждается последующими размышлениями автора. Он, в частности, указывает: «П. 43 ст. 5 УПК, разъясняя понятие «сообщение о преступлении», называет только первые два повода, а вместо сообщения о совершенном или готовящемся преступлении, полученном из иных источников, указывает «рапорт об обнаружении преступления». Несогласованности между ст. 5 и 140 УПК усугубляются ст. 143 УПК, названной, вопреки двум предыдущим, «Рапорт об обнаружении признаков

⁴² В дополнение к приведенным выше работам можем указать и такой источник: *Терехин В.В.* Несколько предложений по совершенствованию УПК РФ, вытекающих из анализа следственно-судебной практики последних лет // Уголовное судопроизводство. – 2006. – № 4. – С. 40

преступления»... Логику законодателя трудно понять. Одно ясно – налицо явные, не столько редакционные, сколько существенные несогласованности между нормами, посвященными одному и тому же предмету регулирования. Очевидно, что подобные неопределенности не украшают УПК и потому не должны в нем оставаться» [2, С. 80].

В последней цитате С.И. Гирько предельно четко критикует систему поводов, изложенную в ст. 140 УПК РФ. Негативные оценки подтверждаются не только внутренними нестыковками УПК РФ, но и несогласованностью УПК РФ с другими законами и ведомственными нормативными актами. Он, в частности, пишет: «К сожалению, Закон о милиции (п. 3 ст. 10) по-прежнему обязывает ее принимать заявления, сообщения и иную поступающую информацию о преступлениях. Из этого положения следует, что обобщающим является понятие не «сообщение о преступлении», а понятие «поступающая в милицию информация о преступлении», включающая как сообщение о преступлении, так и заявления и иную информацию о преступлениях» [2, С. 81].

С.И. Гирько приводит примеры и из ведомственных инструкций. Однако эти примеры сегодня уже утратили актуальность. Большинство новых нормативных актов правоохранительных органов соответствуют терминологии УПК РФ [5-7].

Но вернемся к вопросу о том, оптимально ли в современной системе поводов к возбуждению уголовного дела сочетаются *начала конкретности и универсальности*.

Прежде чем предложить собственное мнение на сей счет, приведем позиции других авторов. В.М. Быков и Л.В. Березина, оценивая систему поводов, приходят к выводу о том, что она «идет по пути наименьшей конкретизации и большей открытости» [1, С. 56]. Правда, указанные авторы делают при этом оговорку, для нас не совсем понятную. Они заявляют, что, уменьшая конкретизацию системы поводов, законодатель тем самым «поддерживает процессуальную традицию предшествующих нормативных актов» [1, С. 56].

Мы с этим не согласны. Анализ предшествующих нормативных систем поводов, имевшихся в российском уголовно-процессуальном законодательстве, показывает, что налицо как раз обратная тенденция. Все предыдущие нормативные акты делали упор на конкретизацию системы поводов. Таков был УУС; таковы были все советские УПК; таковыми в большинстве своем являются УПК стран СНГ.

В связи с этим мы больше склоняемся к позиции И.Р. Дмитриева, говорящего: «историко-правовое исследование системы поводов показало, что указанная система развивалась по пути детализации и конкретизации входящих в нее элементов. Новый УПК РФ попытался опереться на противоположную установку – универсальность, что привело к компактности системы поводов» [3, С. 4].

Но обладает ли нынешняя нормативная система поводов качеством универсальности, которое пытались ей придать разработчики УПК РФ. Полагаем, едва ли.

И здесь мы снова солидарны с И.Р. Дмитриевым. Он пишет: «Система поводов для возбуждения уголовного дела, закрепленная в УПК РФ, содержит в себе «свободный» повод – «сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников» (п. 3 ч. 1 ст. 140). Однако «свободный» повод здесь существует лишь номинально. Полная реализация потенциала, заложенного в его первичной формулировке, невозможна ввиду несовершенства статьи 143, которая посредством сведения формы указанного повода к рапорту сделала затруднительной юридическую актуализацию целого

ряда информационных сигналов» [3, С. 9].

Исходя из сказанного, мы можем сделать заключение, что *начала конкретности и универсальности в действующей системе поводов сочетаются далеко не оптимально. Система не является конкретной, но она не стала и универсальной.*

Для подтверждения нашего вывода приведем еще два доктринальных аргумента. Напомним, что о тех же нестыковках «свободного» повода говорил С.И. Гирько (см. выше). Аналогичная мысль содержится и в работе В.М. Быкова и Л.В. Березиной. По их мнению, «новый УПК РФ 2001 г., не приводя четкой системы поводов и не давая исчерпывающего перечня возможных источников информации о преступлении, фактически, позволяет рассматривать в качестве таковых любое сообщение о преступлении, полученное из любого источника неограниченного перечня. Особенно нельзя признать удачными определение законодателем перечня поводов возбуждения уголовного дела» [1, С. 56].

Какой же указанным процессуалистам видится совершенная система поводов? Судим об этом по следующей цитате. «В ч. 1 ст. 140 УПК РФ целесообразно указать систему поводов возбуждения уголовного дела, включив следующие: заявления граждан; сообщения общественных организаций; сообщения предприятий, учреждений, организаций и должностных лиц; статьи, заметки и письма, опубликованные в печати и других средствах массовой информации; явку с повинной; непосредственное обнаружение органом дознания, дознавателем, следователем и прокурором признаков преступления» [1, С. 56-57].

Как видим, авторы выступают за последовательное развитие начала конкретизации. Вероятно, они исходят из того, что чем больше в системе поводов имеется конкретных (формально определенных) элементов, тем ярче выражены ее универсальные свойства. В этом есть рациональное зерно. Однако настоящую универсальность этой системе может придать лишь формально неопределенный элемент.

На этой базе мы формулируем второе положение, характеризующее идеальный образ системы поводов. *Качество конкретности системе поводов к возбуждению уголовного дела может быть придано путем формальной определенности исторически и эмпирически проверенных элементов этой системы. Качество универсальности достигается за счет наличия в системе поводов формально свободного элемента – так называемого свободного повода.*

Таким образом, об оптимальной сочетаемости начал конкретности и универсальности в системе поводов для возбуждения уголовного дела можно говорить только тогда, когда все известные поводы детализированы, а свободный повод действительно является свободным. *Свободный повод не должен аккумулировать (растворять) в себе источники, конкретизация которых уже состоялась в ходе исторической эволюции уголовного процесса.* Это крайне важное положение.

Вместе с тем, нарушение этого методологического правила присуще системе поводов, сформулированной в ст. 140 УПК РФ. «Безразмерность» п. 3 ст. 140 УПК РФ привела не только к внутренней диспропорции элементов системы поводов, и к снижению доказательственного потенциала указанной системы.

Подобный вывод основывается на другом нашем заключении, вытекающем из ранее полученных результатов. *Свободный повод не может заменить собой конкретных*

(формально определенных) поводов. Его следует рассматривать лишь как временную базу для накопления эмпирически не сложившихся поводов. Предназначение этого повода – делать систему открытой. Информация, поступающая через свободный повод, по своей юридической природе относится не к обязывающей, а всего лишь к управомочивающей.

Говоря иначе, конкретность повода является составной частью его уголовно-процессуальной формы. Конкретность позволяет превращать информацию о признаках преступления в юридический факт. Юридический факт, в свою очередь, вызывает законную реакцию со стороны компетентных органов. Свободный повод является лишь поводом для формирования повода. Он дает компетентным органам право на формирование конкретного повода. Ведь что такое в конечном итоге рапорт об обнаружении признаков преступления? Это, по сути, заявление сотрудника правоохранительного органа о преступлении.

Свободный повод позволяет законным образом обходить издержки требования допустимости. В его рамках можно восстанавливать недостающие свойства, придающие информации форму повода к возбуждению уголовного дела.

Мы должны констатировать недостаток современной нормативной системы поводов. Имеющаяся система должна быть усовершенствована в сторону оптимальной сочетаемости начал конкретности и универсальности.

Оптимальное сочетание свойств конкретности и универсальности в системе поводов к возбуждению уголовного дела обусловлено в первую очередь формально-информационным назначением этой системы. С одной стороны, эта система должна улавливать максимальное количество информации, а с другой стороны, она должна обеспечивать условия для «консервации» этой информации и придания ей доказательственных свойств.

Развернутая оценка современной нормативной системы поводов не может быть ограничена только теоретическими выкладками. В связи с этим предпринимаем попытку социологического исследования, целью которого было выяснение практического отношения работников органов предварительного расследования к соответствующему разделу УПК РФ.

Источником субъективных эмпирических оценок выступили следователи и дознаватели, работающие в г. Нижнем Новгороде и Нижегородской области. Нами были опрошены сотрудники, обучающиеся на факультете дополнительного профессионального образования по дополнительным профессиональным программам (повышения квалификации и профессиональной переподготовки) Нижегородской академии МВД России, а также следователи, работающие в территориальных органах внутренних дел.

К опросу было привлечено 65 сотрудников, имеющих различный стаж работы в правоохранительных органах. Качественный состав респондентов таков: 14 человек работают в должности следователя менее 1 года (21,54%); 13 имеют стаж от 1 года до трех лет (20%); 38 – более трех лет (58,46%).

Полагаем, что подобный подбор респондентов позволит вполне объективно оценить отдельные тенденции, складывающиеся вокруг системы поводов для возбуждения уголовного дела. Мы старались не задавать вопросы в лоб: «Хороша или плоха система

поводов для возбуждения уголовного дела?». Такая формулировка вопроса не дала бы объективного знания. Через варианты «хорошо» и «плохо» сотрудники могли выразить свои оценки не столько к поводам, сколько к УПК в целом. И даже не кодексу, а к собственной должности следователя. Поэтому мы старались подойти к практическим оценкам «окольными» путями.

Ниже мы приводим таблицу, по которой можно судить и о качестве анкеты (правильности постановки вопросов), и о качестве ответов. В анкете применялись как закрытые вопросы, предполагающие ответы типа «да–нет», так и открытые. Активность отвечающих и содержательная сторона ответов тоже может быть хорошей характеристикой. Только характеристикой не системы поводов, а корпуса следователей.

Таблица 1.

ВОПРОС		
ДА	НЕТ	ЗАТРУДНЯЮСЬ
1. Достаточно ли поводов для возбуждения уголовного дела в УПК РФ (ст. 140) для того, чтобы эффективно бороться с преступностью?		
72,3%	18,46%	9,23%
2. Целесообразно ли более детально сформулировать поводы для возбуждения уголовного дела в законе?		
46,15%	49,23%	4,61%
3. Нужно ли отдельно выделять такой повод как «непосредственное обнаружение преступления органом дознания и следователем»?		
46,15%	49,23%	4,61%
4. Нужно ли отдельно выделять такой повод, как «результаты оперативно-розыскной деятельности»?		
35,38%	58,46%	6,15%
5. Можно ли обойтись вообще одним поводом, например таким: «Сообщение о преступлении»?		
12,31%	84,61%	3,08%
6. Как Вы полагаете, будет ли изменена нормативная система поводов в ближайшем будущем?		
7,69%	55,38%	36,92%
7. Повод и основание – это одно и то же?		
6,15%	90,77%	3,08%
8. Попытайтесь дать свое определение повода.		
9. Придумайте новые поводы для возбуждения уголовного дела.		
10. Надо ли (оправданно ли) использовать как повод к возбуждению уголовного дела следующие источники информации:		
результаты ОРД		64,61%
сообщения СМИ		24,61%
непосредственное обнаружение признаков преступления...		61,54%

иное (указать)	1,54%
нет, ничего использовать более не надо	18,46%
11. Нуждается ли существующая система поводов к возбуждению уголовного дела в усовершенствовании?	
58,46%	41,54%
12. В чем это может выразиться?	
увеличение количества поводов	50,77%
уменьшение количества поводов	15,38%
иное (предложить свою точку зрения)	6,15%
13. Может быть, оставить один повод к возбуждению уголовного дела – «сообщение о преступлении»?	
12,30%	87,69%
14. Имеет ли смысл в законе раскрывать основания для возбуждения уголовного дела?	
нет (почему)	43,08%
да (почему)	49,23%
критерий оснований	7,69%
15. В какой должности Вы работаете?	
следователь	93,85%
дознататель	6,15%
16. Стаж работы в занимаемой должности?	
менее года	21,54%
до трех лет	20,00%
более трех лет	58,46%

Итак, попытаемся сделать выводы из полученных ответов.

Ответы на вопрос, достаточно ли поводов для возбуждения уголовного дела в УПК РФ (ст. 140) для того, чтобы эффективно бороться с преступностью, распределились следующим образом: ответ «да» набрал 72,30%; ответ «нет» – 18,46%; затруднились с ответом – 9,23%.

Означает ли это, что три четверти опрошенных считают систему поводов эффективной? Полагаем, что опрашиваемые оценивали не столько эффективность системы поводов в целом (в том числе ее способность «консервировать» доказательственную информацию), сколько стартовую продуктивность поводов. Не секрет, что следователи и дознаватели органов внутренних дел без работы не сидят. Из дежурных частей ОВД им ежедневно поступают материалы, подлежащие разрешению на предмет возбуждения уголовного дела. Поэтому система поводов позволяет правоохранительной машине работать. И работать много. Но обилие работы не всегда является признаком эффективности.

Вопрос, который более предметно затрагивает сферу качественных оценок системы поводов к возбуждению уголовного дела, принес уже другую пропорцию ответов. Мы спросили: «Целесообразно ли более детально сформулировать поводы для возбуждения уголовного дела в законе?». Нам ответили: да – 46,15%; нет – 49,23%; затруднились –

4,61%.

Как видим, почти половина опрошенных не удовлетворена степенью конкретизации современной системы поводов к возбуждению уголовного дела. Вопросы 3 и 4 позволили нам установить, в каком направлении (посредством каких элементов) следует развивать начало конкретизации.

Пятый вопрос – «Можно ли обойтись вообще одним поводом, например, «Сообщение о преступлении»? – нашел лишь 12,31% сторонников; 84,61% высказались категорично против. Не определились 3,08%. Полагаем, что примерно такими же будут оценки свободного повода в его сегодняшней нормативной трактовке. Причем заметим, что этот же вопрос (№ 13) в чуть измененной формулировке мы задали и в развитие мнений о вариантах совершенствования системы поводов. Пропорция ответов почти не изменилась: за максимальную унификацию системы поводов высказалось 12,30%; против – 87,69%. Двое ранее сомневающихся (3,08%) присоединились к противникам.

Весьма любопытные данные дает и «футурологический» прогноз опрашиваемых сотрудников. Мы спросили: «Как Вы полагаете, будет ли изменена нормативная система поводов в ближайшем будущем?». Большинство сомневается в переменах. Однако это большинство не подавляющее – всего 55,38%. Число не определившихся (затруднились с ответом 36,92%) указывает: более трети следователей надеются на то, что УПК будет меняться. И только 7,69% респондентов уверены, что современный кодекс, в том числе и раздел о поводах, – на века.

Пытаясь получить конкретную информацию о степени совершенства системы поводов, закрепленной в УПК РФ, мы задали вопрос: «Нуждается ли существующая система поводов к возбуждению уголовного дела в усовершенствовании?». Более половины опрошенных считают, что усовершенствование современной системе необходимо (58,46%); соответственно, удовлетворены системой 41,54%. Следует заметить, что сомневающихся по поводу этой оценки не оказалось.

Отвечающим было предложено оценить возможные варианты усовершенствования системы поводов (вопрос № 12). За увеличение количества поводов выступают 50,77%; соответственно, за уменьшение – 15,38%⁴³; 4 респондента (6,15%) имеют на сей счет свою точку зрения. Правда, конкретно сформулировал мысль только один: «Конкретизация повода в п. 3 ч. 1 ст. 140 УПК. Возможно добавление как поводов п. 3, 4 данной анкеты». По сути, и этот участник опроса выступает за увеличение количества поводов.

Часть вопросов анкеты мы нацелили на проверку теоретико-правовой подготовки следователей и дознавателей.

Начнем с того, что откликнулись на предложение подумать над открытыми вопросами только 18 человек. Это чуть больше четверти опрошенных (27,69%). Подобные результаты можно объяснить по-разному. Например, выдвинув гипотезу о том, что у следователей голова заполнена проблемами расследования уголовных дел, следственными версиями и т. п. Однако если учесть, что большинство опрашиваемых привлекались к опросу в ходе прохождения ими учебных занятий (т. е. не во время осуществления служебных обязанностей), то можно сделать и другой вывод. В частности, о том, что теоретико-

⁴³ Вероятно, это и есть приверженцы унификации. Цифры близки по значению к числу сторонников сведения системы поводов к одному элементу – свободному поводу.

правовая подготовка следователей и дознавателей невысока, а интеллектуальный потенциал весьма скромнен.

Мы приведем преимущественно ответы на два вопроса. Начнем с вариантов ответа на вопрос-предложение: «Попытайтесь дать свое определение повода»⁴⁴:

- повод – это основание привлечения к уголовной ответственности;
- повод – это непроверенная информация о совершенном преступлении;
- повод – *то, почему необходимо рассмотреть*;
- повод – необходимость и достаточная убежденность в преступлении;
- повод – побудительная причина для начала работы сотрудников МВД, направленной на принятие решения о возбуждения уголовного дела или отказе в возбуждения уголовного дела;
- повод – это действие, влекущее за собой возникновение уголовно-правовых отношений;
- повод – это источник информации, выступающий в качестве причины уголовного судопроизводства;
- повод – это выраженное в устной или письменной форме сообщение о совершенном или готовящемся преступлении;
- повод – это полученное в предусмотренной законом форме сообщение о преступлении;
- повод – это наличие сообщения о совершенном или готовящемся преступлении, поступившее в правоохранительные органы;
- повод – это правовое основание для того, чтобы начать уголовное судопроизводство и осуществление процессуальных действий в полном объеме;
- повод – это наличие всех данных, указывающих на признаки преступления;
- повод – это сообщение о деянии (действии или бездействии), содержащее в себе признаки преступления;
- повод – *это совершение преступления*;
- повод – это разного рода информация о совершенном преступлении;
- повод – это источник осведомленности правоохранительных органов;
- повод – это информация у правоохранительных органов о преступлении;
- повод – это момент, с которого должна начаться проверка оснований к возбуждению уголовного дела.

Мы не станем давать оценку этим определениям⁴⁵. Для нас важно другое. *Плюрализм точек зрения на повод к возбуждению уголовного дела, присущий юридической науке, вполне свойственен и правоприменительной практике.*

Еще один вопрос, на который мы намекали выше, заключался в следующем: «Имеет ли смысл в законе раскрывать основания для возбуждения уголовного дела?». Пятерых следователей этот вопрос не оставил равнодушными. Ответы таковы:

- основания для возбуждения уголовного дела раскрывать не надо, т. к. каждый конкретный случай может быть индивидуален. Вопрос о достаточности данных решается

⁴⁴ Ответы приводятся без изменений.

⁴⁵ Курсивом мы отметили лишь особо «яркие» определения.

должностным лицом на основе внутреннего убеждения;

- основания для возбуждения уголовного дела раскрывать не надо, т. к. наличие достаточных данных – критерий субъективный;
- да, формулировка расплывчата;
- да, не каждое противоправное деяние содержит в себе признаки состав уголовно-наказуемого, т. е. преступления;
- да, иначе будут возбуждать дела без оснований.

Опрашиваемым было предложено оценить целесообразность обособления таких поводов, как «непосредственное обнаружение преступления органом дознания и следователем» и «результаты оперативно-розыскной деятельности». В поддержку первого повода выступило 46,15% респондентов. Второй элемент набрал меньше голосов – 35,38%. Однако и этот процент достаточно высок, если учесть что в качестве опрашиваемых выступают следователи⁴⁶.

Нам также важен и сам факт, что опрашиваемые выступают за развитие начала конкретизации. Этой тенденции мы нашли дополнительное подтверждение. Был задан проверочный вопрос (в дополнение к вопросам № 3 и 4): «Надо ли (оправданно ли) использовать как повод к возбуждению уголовного дела следующие источники информации...?». Посмотрите, каковы варианты ответов: Результаты ОРД – 64,61%; непосредственное обнаружение признаков преступления... – 61,54%; сообщения в СМИ – 24,61%. Один человек (1,54%) предложил еще «свой» повод – «рапорт об обнаружении признаков преступления». Думается, что это мнение можно смело приплюсовать к «непосредственному обнаружению». В итоге за этот повод будет цифра – 63,08%. Таким образом, голоса за «результаты ОРД» и «непосредственное обнаружение ...» оказались почти равными⁴⁷.

Полагаем, что *подобная эмпирическая оценка оказанных поводов позволяет поставить их первыми в список перспективных элементов оптимальной системы поводов к возбуждению уголовного дела.*

Эти данные подтверждают, что современную систему поводов следует развивать по пути детализации. Более того, у нас есть доказательства, что подавляющее большинство практиков выступают против крена системы поводов в сторону универсализации, не сбалансированной началом конкретизации.

⁴⁶ К слову, полученные нами цифры (35,38 %) близки к тем, что были получены нашим научным руководителем. В 2001 г. он задал следователям вопрос о том, как часто им приходится использовать результаты ОРД при принятии решения о возбуждении уголовного дела. Варианты ответов и ответы расположились следующим образом: следователи: часто (14,9 %), иногда (35,1 %); оперативные работники часто (19,4 %), иногда (48,4 %). См.: *Поляков М.П.* Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности: Дис... д-ра юрид. наук. – Н. Новгород, 2002. – С. 426. Как видим, 35% следователей время от времени сталкиваются с оперативно-розыскной информацией как источником сведений о преступлении. Тот, кто хотя бы однажды столкнулся с такой ситуацией, вероятно, готов поддержать начало конкретизации системы поводов путем включения в нее такого элемента, как результаты ОРД.

⁴⁷ Ответы на эти вопросы не ограничивались одним лишь вариантом ответа.

Литература

1. Быков В.М. Березина Л.В. Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела. – Казань: Изд-во «Таглитмат». – ИЭУП, 2006. – 256 с.
2. Гирько С.И. Роль и функции милиции в уголовном процессе Российской Федерации: Монография. – М.: Щит-М, 2005. – 232 с.
3. Дмитриев И.Р. «Свободный» повод для возбуждения уголовного дела. – Дис... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2005.
4. Терехин В.В. Несколько предложений по совершенствованию УПК РФ, вытекающих из анализа следственно-судебной практики последних лет // Уголовное судопроизводство. – 2006. – № 4. – С. 40-41.
5. Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 16 марта 2006 г. № 12 «О совершенствовании системы приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях в органах прокуратуры Российской Федерации».
6. Приказ МВД Российской Федерации от 1 декабря 2005 г. № 985 «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в органах внутренних дел Российской Федерации заявлений, сообщений и иной информации о происшествиях».
7. Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 11 июля 2006 г. № 250 «Об утверждении инструкции о приеме, регистрации и проверке в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы сообщений о преступлениях и происшествиях».

© Е.С. Кузьменко, 2016.
© «Наука. Мысль», 2016.

Abstract. This article presents the study of the theoretical and practical foundations of the initiation of criminal trial, while special attention is paid to the system the reasons for initiation of criminal proceedings.

Keywords: criminal case, initiation of criminal trial, criminal law.

Сведения об авторе

Елена Сергеевна **Кузьменко**, кандидат юридических наук, Нижегородская академия МВД России (Нижний Новгород, Россия).

Подписано в печать 15.01.2016.
© Наука. Мысль, 2016.

Юридические науки

УДК 34

ПРОБЛЕМЫ ДЕЙСТВУЮЩИХ И ПЕРСПЕКТИВНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ ПОВОДОВ⁴⁸

Е.С. Кузьменко, Нижегородская академия МВД России (Нижний Новгород, Россия)

Аннотация. В данной работе проводится исследование теоретических и практических основ возбуждения уголовного дела, при этом уделяется особое внимание системе поводов для возбуждения уголовного дела

Ключевые слова: уголовное дело, возбуждение уголовного дела, уголовное право.

Ранее мы изложили результаты исследования, касающиеся современной системы поводов в целом. Но не менее значимой является информация, характеризующая проблемные стороны отдельных элементов системы, поскольку недочеты отдельных поводов сказываются на эффективности всей системы.

Первым поводом в статье 140 УПК РФ выступает повод, именуемый законодателем **«заявление о преступлении»**. Этот повод можно определить следующим образом – *адресованное компетентным органам и должностным лицам официальное, с соблюдением всех правил и формальностей обращение, содержащее информацию о совершенном или готовящемся преступлении*.

Приведенное определение отражает в себе сущность, имеющуюся и в других дефинициях заявления как повода для возбуждения уголовного дела. Она сводится к тому, что данный повод является разновидностью сообщения о преступлении.

Так, С.А. Колосович определяет заявление как «устное или письменное сообщение физического или юридического лица в правоохранительный орган информации о совершенном или готовящемся преступлении» [33, С. 230].

А.Р. Михайленко полагает, что заявления и письма граждан как повод к возбуждению уголовного дела представляют собой деятельность отдельных физических лиц по осведомлению прокурорско-следственных органов о готовящемся или совершенном преступлении [20, С. 27].

Эта же идея отражена в ведомственных нормативных актах. В межведомственном приказе «О едином учете преступлений» читаем: «сообщение о преступлении – заявление

⁴⁸ Статья представлена магистром социальной работы Т.М. Хусяиновым (Нижний Новгород, Россия). **Научный руководитель:** доктор юридических наук, профессор М.П. Поляков. **Ведущая организация:** Волгоградская академия МВД России. **Оппоненты:** доктор юридических наук, профессор А.Ф. Лубин; кандидат юридических наук, доцент С.П. Гришин. **Отзывы прислали:** профессор кафедры Института повышения квалификации руководящих кадров Генеральной прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент А.В. Агутин; доцент кафедры уголовного процесса СибЮИ МВД России, кандидат юридических наук, доцент П.Л. Сурихин; начальник кафедры уголовного процесса Калининградского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент, подполковник милиции В.Н. Авдеев; Начальник Омской академии МВД России, заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор Б.Б. Булатов; Заведующий кафедрой уголовного права и процесса Омского юридического института, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, доцент Ю.В. Деришев.

о преступлении, явка с повинной, рапорт об обнаружении преступления⁴⁹. К ним относятся процессуальные и иные документы, предусмотренные частью 2 ст. 20 и ст.ст. 141–143 УПК РФ: заявление потерпевшего или его законного представителя по уголовному делу частного обвинения; письменное заявление о преступлении, подписанное заявителем; протокол принятия устного заявления о преступлении; протокол следственного действия, в который внесено устное сообщение о другом преступлении; протокол судебного заседания, в который внесено устное сообщение о другом преступлении; заявление о явке с повинной; протокол явки с повинной; рапорт об обнаружении признаков преступления» [25].

Форма подачи заявления о преступлении значения не имеет. Содержащаяся в заявлении информация может быть доведена до сведения компетентных органов либо в письменной форме, либо в устной. В первом случае заявление, сделанное в письменном виде, должно быть подписано заявителем и содержать данные о фамилии заявителя, месте его жительства, документах, удостоверяющих его личность. В случае подачи заявления о преступлении от имени юридического лица, оно обязательно должно быть выполнено на бланке организации, имеющем угловой штамп, с указанием юридического адреса и исходящего номера и подписано начальником организации или лицом, на законных основаниях его замещающим. Если заявитель осуществляет представительские функции, это соответствующим образом подтверждается прилагаемыми документами. Таким образом, законодатель разграничил заявления, исходящие от физических и от юридических лиц.

Устное заявление о совершаемом или подготавливаемом преступлении может быть сделано различными участниками уголовного судопроизводства независимо от их процессуального статуса. Ими могут быть как лица, специально для этого обратившиеся в соответствующую инстанцию, так и участники следственного действия либо судебного разбирательства.

При личной явке заявителя лицо, принимающее устное заявление, составляет протокол, который должен включать в себя сведения о месте и дате составления протокола; должности, классном чине или звании, фамилии и инициалах лица, принявшего заявление; фамилии, имени и отчестве, дате и месте рождения, гражданстве, месте жительства, работы или учебы заявителя; данные о паспорте или ином документе, удостоверяющем личность заявителя (кем и когда выдан, номер, серия); отметке о разъяснении заявителю ответственности за заведомо ложный донос по статье 306 УК РФ. Затем следует изложение содержания заявления о преступлении, подписанное заявителем; отметка о том, что протокол прочитан лично заявителем или лицом, принявшим заявление; запись от имени заявителя о том, что заявление записано правильно (неправильно), а также содержание замечаний либо указание на их отсутствие, удостоверенные подписью заявителя. Протокол подписывается заявителем и лицом, принявшим заявление.

Если устное сообщение о преступлении сделано при производстве следственного действия или в ходе судебного разбирательства, то оно заносится соответственно в протокол следственного действия или протокол судебного заседания (ч. 4 ст. 141 УПК РФ).

В случае, когда заявитель не может лично присутствовать при составлении

⁴⁹ Эта формулировка – буквальное воспроизведение п. 43 ст. 5 УПК РФ.

протокола, его заявление оформляется в порядке, установленном статьей 143 УПК.

Обращение с устным заявлением в соответствующую инстанцию может быть сделано как при личной явке, так и иным путем, например, по телефону.

Однако не все процессуалисты придерживаются точки зрения, согласно которой разновидностью устного заявления является заявление гражданина, сделанное по телефону, факсу, телеграфу или радио, мотивируя тем, что данное мнение не согласуется с законом и ведомственными нормативными актами [22, С. 7].

В частности, Г.П. Химичева определяет заявление о преступлении как сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении, отвечающее требованиям, предусмотренным статьей 141 УПК России. Соблюдение этих требований направлено на обеспечение достоверности обстоятельств и фактов, которые указывают на признаки преступления [34, С. 109]. Тем не менее, если сообщение было передано в компетентный орган одним из вышеуказанных способов, оно должно быть принято и надлежаще оформлено письменно. Лишь в этом случае данные разновидности устных заявлений могут стать поводом к возбуждению уголовного дела.

Некоторые ученые считают, что, помимо общих требований к сущности заявления о преступлении, оно должно содержать просьбу о привлечении виновного лица к уголовной ответственности, а официальное уведомление следователя, дознавателя, прокурора, не содержащее такой просьбы, относится к иным источникам, предусмотренным в п. 3 части 1 статьи 140 УПК РФ⁵⁰.

Однако закон не устанавливает наличие такого требования в качестве обязательного реквизита заявления о преступлении, относящемся к категории дел публичного обвинения. Исключение составляют преступления, уголовное преследование по которым осуществляется в порядке частного и частно-публичного обвинения, заявления о которых должны исходить непосредственно от потерпевшего и содержать требование о привлечении лица, совершившего преступление, к уголовной ответственности [34, С. 109].

Таким образом, заявления (сообщения) о преступлениях служат поводом к возбуждению уголовного дела независимо от того, содержит или не содержит соответствующее деяние признаки преступления, причинен ли преступлением вред непосредственно заявителю или не причинен, является ли заявитель по его утверждению пострадавшим от преступления, случайным очевидцем или о преступлении ему известно от третьих лиц. Исключение составляют дела частно-публичного обвинения, где поводом к возбуждению уголовного дела служит заявление лица, непосредственно потерпевшего от преступления или его законного представителя, в некоторых источниках именуемое жалобой.

Согласно закрепленному в статье 20 УПК РФ положению преступления, подпадающие под категорию уголовных дел частного и частно-публичного обвинения, возбуждаются только по жалобе потерпевшего или его представителя. Таким образом, положения статьи 20 УПК, а также п. 5 статьи 24 УПК свидетельствуют о том, что в отдельных случаях закон связывает разрешение вопроса о возбуждении уголовного дела с волеизъявлением лиц,

⁵⁰ В частности, этой позиции придерживаются: Григорьев В.Н. Возбуждение уголовного дела по новому УПК: Учебное пособие для вузов МВД России. – М., 2002. – С. 9–10; Безлепкин Б.Т. Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). – М., 2003. – С. 177.

которым преступлением причинен вред. Необходимо отметить, что данная жалоба должна содержать требование о привлечении лица, совершившего преступление, к уголовной ответственности. Отсутствие такого требования или неправильное оформление жалобы, допускающее двойственное толкование воли потерпевшего, влечет за собой безусловный отказ в возбуждении уголовного дела или его прекращение.

Следует отметить, что данное утверждение не является принципиально новым для российского уголовного процесса. В частности, С.А. Альперт много лет назад указывал, что «в советском праве жалоба потерпевшего по делам частного обвинения имеет только процессуальный характер... и вызывает, прежде всего, уголовно-процессуальные последствия, а именно – возбуждение уголовного дела и обуславливает возможность привлечения виновного к ответственности» [2, С. 25].

Подобной точки зрения придерживался и А.Н. Трайнин. Он, в частности, указывал, что «жалоба потерпевшего в делах частного и частно-публичного обвинения является специальным условием возбуждения уголовного преследования» [30, С. 356].

Аналогичной позиции отдавал предпочтение и М.Л. Якуб, подтверждающий процессуальное значение жалобы потерпевшего: «преступление само по себе не возбуждает еще процессуальной деятельности... потому что, несмотря на наличие преступления, могут отсутствовать процессуальные условия для возбуждения дела (например, отсутствие жалобы потерпевшего по делам, возбуждаемым не иначе, как по жалобе)» [36, С. 157].

Таким образом, процессуальное значение жалобы потерпевшего по делам частного и частно-публичного обвинения состоит в том, что она является единственным законным поводом для возбуждения уголовного дела данных категорий. Отсутствие такой жалобы автоматически влечет невозможность возбуждения уголовного дела или прекращения этого дела, если оно уже возбуждено.

Данное обстоятельство побуждает к тому, чтобы *обособить жалобу в системе поводов к возбуждению уголовного дела.*

Однако необходимо учитывать, что ч. 4 ст. 20, ч. 3 ст. 21 и ч. 3 ст. 318 УПК предусматривают некоторое исключение из данного правила, предоставляя прокурору, а также следователю и дознавателю с согласия прокурора право возбуждать уголовные дела о преступлениях частного и частно-публичного обвинения и при отсутствии жалобы потерпевшего, если данное преступление совершено в отношении лица, которое в силу беспомощного состояния или иным причинам (нахождение в зависимом состоянии от обвиняемого) не может защищать свои права и законные интересы.

В этом случае поводом к возбуждению уголовного дела будет рапорт соответствующего должностного лица об обнаружении признаков преступления. В отдельных случаях поводом к возбуждению уголовных дел этой категории могут быть заявления граждан и сообщения учреждений и организаций, являющихся опекунами или попечителями потерпевшего.

Разновидностью заявления о преступлении (не в формальном, а в информационном смысле) является **анонимное сообщение о преступлении** (выделено нами. – **Е.К.**). Согласно ч. 7 ст. 141 анонимное заявление о преступлении не может служить поводом для возбуждения уголовного дела. Употребляемый в данном случае термин «анонимное

заявление» в УПК не расшифровывается. Тем не менее, таковыми признаются обращения, не содержащие сведений о фамилии и месте жительства заявителя либо содержащие ложные данные о заявителе. Обычно такие заявления остаются без рассмотрения, но при наличии в них сообщений о готовящихся или совершенных преступлениях такие обращения направляются в соответствующие правоохранительные органы.

В существующих ведомственных нормативных актах четко регламентированы действия соответствующих ведомств при получении анонимных заявлений о преступлении. Так, приказ МВД РФ от 29 августа 2014 г. № 736 «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах МВД РФ заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях» устанавливает, что «по решению руководителя (начальника) территориального органа МВД России признанные в соответствии с пунктом 45 настоящей Инструкции анонимными заявления и сообщения о преступлении и материалы их проверки направляются в соответствующие подразделения территориального органа МВД России для использования в установленном порядке в оперативно-розыскной деятельности, а заявления и сообщения об административном правонарушении, о происшествии и материалы их проверки приобщаются к номенклатурному делу, прилагаемому к КУСП».

Приказ МВД России от 12 сентября 2013 г. № 707 «Об утверждении Инструкции об организации рассмотрения обращений граждан в системе МВД РФ» определяет, что «если в ходе проверки по жалобе установлено, что в качестве гражданина указано лицо, не обращавшееся в орган внутренних дел, либо в обращении названы вымышленные адрес и (или) фамилия, имя, отчество, жалоба признается анонимной. В этом случае ответ на обращение не дается. ... Анонимные обращения, содержащие сведения о подготавливаемом, совершаемом или совершенном противоправном деянии, а также о лице, его подготавливающем, совершающем или совершившем, регистрируются в порядке, установленном Инструкцией, и подлежат направлению в подразделение системы МВД России или другой государственный орган в соответствии с их компетенцией. В учетных формах в графе об исполнении проставляется отметка «анонимное». Анонимные заявления, содержащие информацию о совершенном или готовящемся террористическом акте, докладываются уполномоченным сотрудником подразделения делопроизводства руководителю территориального органа и в соответствии с его резолюцией передаются в дежурную часть для незамедлительной регистрации в КУСП. ... Решение о целесообразности проведения проверки по анонимному обращению, не содержащему сведений о совершенном или готовящемся террористическом акте, принимает руководитель органа внутренних дел».

Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 30 января 2013 г. № 45 «Об утверждении и введении в действие Инструкции о порядке рассмотрения обращений и приема граждан в органах прокуратуры РФ» в пункте 2.8 указанной Инструкции устанавливает, что «письменное обращение гражданина, должностного и иного лица должно в обязательном порядке содержать либо наименование органа, в который направляется обращение, либо фамилию, имя, отчество соответствующего должностного лица, либо его должность, а также фамилию, имя, отчество (последнее - при наличии) гражданина, направившего обращение, почтовый адрес, по которому должен быть направлен ответ или уведомление о переадре-

совании обращения, изложение существа вопроса, личную подпись указанного гражданина и дату. ... В случае, если в письменном обращении не указаны фамилия гражданина, направившего обращение, или адрес, по которому должен быть направлен ответ, ответ на обращение не дается. Если в указанном обращении содержатся сведения о подготавливаемом, совершаемом или совершенном противоправном деянии, а также о лице, его подготавливающем, совершающем или совершившем, обращение подлежит направлению в государственный орган в рамках его компетенции».

Приказ ФСБ РФ от 30 августа 2013 г. № 463 «Об утверждении Инструкции об организации рассмотрения обращений граждан РФ в органах ФСБ» определяет, что «на письменное обращение, не содержащее фамилии гражданина, направившего обращение, или почтовый адрес (адрес электронной почты), по которому должен быть направлен ответ, ответ не дается. Такое обращение на основании письменного решения руководителя, начальника органа безопасности либо другого уполномоченного им должностного лица может быть признано анонимным. Анонимные обращения, в которых содержатся сведения о подготавливаемом, совершаемом или совершенном преступлении, подлежат учету, регистрации и проверке в соответствии с пунктом 3 настоящей Инструкции»

Также организация работы с анонимными сообщениями регламентируется в приказе ФСБ РФ от 16 мая 2006 г. № 205 «Об утверждении инструкции по организации в органах федеральной службы безопасности приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях и иной информации о преступлениях и событиях, угрожающих личной и общественной безопасности».

Как видим, во всех ведомственных приказах отражен единый принцип. *Безымянная информация, имеющая значение для дела, не игнорируется, а передается в оперативно-розыскной орган для проверки.*

Заметим, что УПК РФ – не первый кодекс, который обращается к понятию анонимного заявления. Первые советские кодексы тоже так делали, причем были предельно конкретны. Об этом можно судить по ст. 93 УПК 1923 г.: «Письменные заявления должны быть подписаны лицом, от которого они исходят. Анонимные заявления **могут служить поводом** (выделено нами. – **Е.К.**) к возбуждению уголовного преследования только после предварительной негласной поверки их органами дознания».

Проблемы явки с повинной. Самостоятельным поводом к возбуждению уголовного дела является явка с повинной. Это явление также не ново для современного уголовного процесса. Так, данный повод упоминался в Соборном Уложении 1649 года, в статье 11 главы 2 которого говорилось, что «лицо, совершившее изменческие действия и возвратившееся в Московское государство после бегства за границу, освобождается от наказания в виде смертной казни» [1, С. 344].

Свод законов 1832 года в статье 128 и Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года в статьях 319–324 указывали на значительное снижение наказания явившимся с повинной, раскаявшимся преступникам, когда в результате такого поведения создавалась возможность предупредить негативные последствия [16, С. 250–256]. Аналогичное положение содержалось и в Уставе уголовного судопроизводства 1864 года. Впоследствии явка с повинной как повод к возбуждению уголовного дела перешла в

уголовно-процессуальные кодексы РСФСР 1922, 1923, 1960 годов, УПК союзных республик, и как логичное продолжение развития уголовно-процессуальной науки, нашла свое отражение в УПК РФ 2001 г.

Согласно ч. 1 ст. 142 УПК РФ заявление о явке с повинной – *добровольное сообщение лица о совершенном им преступлении*. Формулировка короткая и понятная. Но мы считаем необходимым более подробно остановиться на характеристике составных элементов данного повода, так как отсутствие хотя бы одного из них делает невозможным признание явки с повинной как таковой.

Во-первых, указанное заявление в контексте именно уголовно-процессуальных отношений должно содержать в себе сведения о преступлении, предусмотренном УК РФ. Если после проверки содержащихся в заявлении о явке с повинной сведений оснований к уголовному преследованию не окажется, то отпадает основание считать имевшее место заявление явкой с повинной [35, С. 14].

Во-вторых, заявление лица должно осуществляться непосредственно путем личной явки. По этому элементу в уголовно-процессуальной науке возникли некоторые разногласия. Так, если обратиться к смыслу слова «явка», то в Толковом словаре русского языка дано следующее определение: «явка – прибыть, прийти куда-нибудь» [21, С. 916].

В данном случае это необходимость прийти в правоохранительные органы, уполномоченные осуществлять уголовное преследование. В связи с этим возникает вопрос, можно ли считать явкой с повинной заявление о преступлении, сделанное лицом не лично, а с использованием телефона, через третьих лиц либо в письменном виде с последующим отправлением письма по почте. Некоторые ученые придерживаются этой точки зрения. В частности, В.В. Степанов указывает, что «явка с повинной будет иметь место и при поступлении заявления в компетентные органы по телефону или через другие средства связи» [27, С. 34]. Его поддерживают В.М. Галкин, В.А. Елеонский, А.Р. Михайленко [5, С. 92; 12, С. 76; 20].

Указанная позиция имеет право на существование при соблюдении одного важного условия – какой бы ни была форма подачи явки с повинной, письменной или устной, непосредственно явка в правоохранительные органы или передача информации другими способами, данное лицо должно впоследствии лично явиться для установления личности и составления протокола явки с повинной. Это обусловлено требованиями ст. 142 УПК РФ, в ч. 2 которой говорится, что заявление о явке с повинной может быть сделано как в письменном, так и в устном виде. Устное заявление принимается и заносится в протокол в порядке, установленном ч. 3 ст. 141 УПК РФ.

В-третьих, и это напрямую связано с предыдущим элементом, явка с повинной будет считаться таковой, если она сделана (адресована) органам и должностным лицам, наделенным полномочиями осуществлять уголовное судопроизводство. Как известно, к ним относятся органы дознания, следствия, прокуратуры и суда. Только должностные лица вышеперечисленных органов власти уполномочены принимать процессуальное решение по факту явки с повинной. Указанная позиция нашла подтверждение в публикациях многих видных ученых-процессуалистов [6, С. 9; 10, С. 37].

В-четвертых, необходимым условием явки с повинной выступает добровольность сделанного заявления. Здесь необходимо учитывать два аспекта – собственную

инициативу и отсутствие принуждения. Если рассматривать такой момент, как собственная инициатива, то здесь речь идет прежде всего о том, что лицо действует по своей воле, осознает свою вину, отдает себе отчет о последствиях такого поступка (основным является вероятность возникновения в последующем уголовного преследования), прекращает преступные действия и изъявляет готовность оказывать помощь правоохранным органам в расследовании преступлений. Что касается отсутствия принуждения, то оно (принуждение) должно исходить в большей степени от самих правоохранных органов. Конечно, родственники и знакомые также могут оказывать влияние на лицо, совершившее преступление, уговаривая его «пойти в милицию и все рассказать», но это не будет являться принуждением в рассматриваемом смысле этого слова. В этом случае явка с повинной будет налицо (конечно, при условии, что, пока шли уговоры, данное лицо не было доставлено в правоохранные органы для дачи показаний).

Некоторые процессуалисты полагают, что «при определении добровольности явки с повинной следует руководствоваться интеллектуально-волевым состоянием лица, т. е. когда лицо: предвидит возможность наступления для него негативных последствий в виде привлечения к уголовной ответственности и наказания в случае передачи себя правоохранным органам; осознает наличие у него возможности скрыться от задержания и избежать наказания; желает и передает себя правоохранным органам и правосудию» [26].

Таким образом, явка с повинной – добровольное сообщение лица о совершенном им преступлении, сделанное органу или должностному лицу, осуществляющему уголовное преследование, когда в отношении этого лица еще не выдвинуто подозрение или не предъявлено обвинение в совершении данного преступления [4, С. 59; 6, С. 8; 34, С. 112].

Некоторые авторы полагают, что данный повод обретает специфику в конкретных жизненных ситуациях. Так, А.Б. Сергеев рассматривает проблематику явки с повинной в чрезвычайных ситуациях: «В чрезвычайных ситуациях, – пишет он, – как явку с повинной следует считать и случаи, когда заявление о признании лица в совершенном преступлении передается через его близких или знакомых, а также, когда сообщение поступило по телефону, телеграфу или электронным средствам связи. Необходимость такого понимания вызвана тем, что в условиях социальных катаклизмов и межнациональных конфликтов, особенно на этапе вооруженного противостояния, когда местные правоохранные органы функционируют слабо, а личное появление виновного сопряжено с опасностью для его жизни или здоровья, обратиться в аналогичные органы другого субъекта федерации кроме как выше названными способами часто невозможно» [26].

Третий повод, входящий в действующую систему поводов для возбуждения уголовного дела, именуется «сообщение о готовящемся или совершенном преступлении, полученное из иных источников». Однако формально этот источник предстает как **рапорт об обнаружении признаков преступления** (выделено нами. – **Е.К.**).

Указанный повод для возбуждения уголовного дела охватывает все остальные случаи получения сведений о преступлении, кроме указанных выше заявлений о преступлении и явки с повинной, и получил правовое закрепление в ст. 143 УПК РФ. В ней прямо указано, что «сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников, чем указанные в ст.ст. 141 и 142 настоящего Кодекса,

принимается лицом, получившим данное сообщение, о чем составляется рапорт об обнаружении признаков преступления» [31].

Законом не ограничены источники получения сведений о преступлении. Это могут быть как сообщения, полученные от должностных лиц учреждений, организаций; сообщения, распространенные в средствах массовой информации; так и непосредственное обнаружение признаков преступления должностными лицами, уполномоченными осуществлять уголовное преследование.

Рассмотрим каждую разновидность этих источников подробнее. Начнем с *сообщений, полученных от должностных лиц учреждений, организаций*. Постановлениями Правительства РФ, приказами, инструкциями ряда министерств и ведомств определена обязанность руководителей государственных органов, органов местного самоуправления, государственных муниципальных учреждений, учреждений, предприятий и организаций направлять органам дознания и предварительного следствия сообщения о совершенных или готовящихся преступлениях.

Данные сообщения должны быть поданы письменно (лично либо по почте) в виде заявлений или в виде материалов (документов) ведомственных проверок (расследований), приобщенных к сопроводительному письму, подписанному одним из руководителей соответствующего учреждения, организации, предприятия.

Под юрисдикцию п. 3 ст. 140 УПК РФ, судя по всему, попадают *сообщения о преступлении, распространенные в средствах массовой информации*.

Этот источник представляет собой доведенное до всех (или многих) государственных органов и должностных лиц, наделенных правом возбуждения уголовного дела, устное или письменное сообщение, исходящее от любого автора, содержащее сведения о совершенном или готовящемся преступлении, распространенное в любых средствах массовой информации. Для данного повода характерно то, что об этих фактах широко осведомляется общественность, которая ожидает должного реагирования со стороны компетентных государственных органов.

Сообщение может быть распространено в любом средстве массовой информации. В ст. 2 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» (в ред. от 13 июля 2015 г.) «...под средством массовой информации понимается периодическое печатное издание, сетевое издание, телеканал, радиоканал, телепрограмма, радиопрограмма, видеопрограмма, кинохроникальная программа, иная форма периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием (названием); ...» [13].

Следует отметить, что в соответствии со ст. 47 указанного закона журналист имеет право «...искать, запрашивать, получать и распространять информацию; посещать государственные органы и организации, предприятия и учреждения, органы общественных объединений либо их пресс-службы; быть принятым должностными лицами в связи с запросом информации; распространять подготовленные им сообщения и материалы за своей подписью, под псевдонимом или без подписи...».

Согласно данному закону, редакция имеет право запрашивать информацию о деятельности государственных органов и организаций, общественных объединений, их должностных лиц. Запрос информации возможен как в устной, так и в письменной форме.

Государственные органы и организации, общественные объединения, их должностные лица предоставляют сведения о своей деятельности средствами массовой информации по запросам редакций. Отказ в предоставлении запрашиваемой информации возможен, только если она содержит сведения, составляющие государственную, коммерческую или иную специально охраняемую законом тайну (статьи 39–40).

Таким образом, по смыслу закона, сообщения в печати, содержащие достаточные данные о конкретном преступлении, влекут возбуждение уголовного дела независимо от желания автора публикации или редакции печатного органа и их оценки сообщаемых фактов. Закрепление подобных сообщений в качестве самостоятельного повода было обусловлено желанием законодателя обязать органы дознания, прокуратуры и следствия постоянно следить за публикациями в печати, в которых сообщается о совершении преступлений, и немедленно реагировать на каждое такое сообщение. Однако УПК не возлагает обязанности по обработке сведений, появляющихся в средствах массовой информации, на должностных лиц правоохранительных органов, ведущих уголовный процесс.

Есть мнение, что данная обязанность лежит на сотрудниках правоохранительных органов, ответственных за связи с общественностью (подразделения информации и общественных связей в структуре территориальных органов внутренних дел РФ). Данное предложение весьма дискуссионно. Дело в том, что указанные органы не входят в перечень субъектов, на которых распространяет свое влияние принцип публичности.

На наш взгляд, исследуемый источник информации представляется весьма проблемным.

Если вспомнить историю, то получится, что обязанности следить за прессой и другими средствами массовой информации органам расследования вменил УПК РСФСР 1960 г.

Н.В. Жогин и Ф.Н. Фаткуллин пишут, что этот повод «налагает на органы... обязанность систематически следить за периодической печатью, обращать самое пристальное внимание на опубликованные в ней статьи, письма и заметки и немедленно реагировать на любое из этих сообщений, если только в нем приведены какие-либо сведения о готовящемся или совершенном преступлении» [13, С. 108-109].

В УПК РФ этот повод в ст. 140 отдельно не выделен. Вместе с тем действующий закон останавливается на этой разновидности информации особо: ч. 2 ст. 144 УПК РФ устанавливает, что «по сообщению о преступлении, распространенному в средствах массовой информации, проверку проводит по поручению прокурора орган дознания, а также по поручению руководителя следственного органа следователь. Редакция, главный редактор соответствующего средства массовой информации обязаны передать по требованию прокурора, следователя или органа дознания имеющиеся в распоряжении соответствующего средства массовой информации документы и материалы, подтверждающие сообщение о преступлении, а также данные о лице, предоставившем указанную информацию, за исключением случаев, когда это лицо поставило условие о сохранении в тайне источника информации».

Из данных нормативных предписаний можно сделать вывод о том, что инициация уголовного процесса на основании этого источника информации зависит от усмотрения

прокурора. Причем усмотрение прокурора ничем формально не ограничено. Информации о преступлениях в средствах массовой информации сегодня хоть отбавляй⁵¹, а вот реакции прокуроров на нее появляются значительно реже.

Однако мы не намерены обрушиваться с критикой на прокуратуру. Тому, что УПК РФ не стал обособлять этот повод, есть свое объяснение. Система поводов не изолирована от внешнего мира. Полагаем, что на систему поводов к возбуждению уголовного дела оказывает влияние развитие информационных технологий. Появление обилия средств массовой информации и широкое внедрение принципа свободы слова привело к снижению доверия к публикуемым материалам, и, соответственно, к переменам в статусе отдельных поводов. *Такой повод, как сообщения, опубликованные в средствах массовой информации, из разряда обязывающих переквалифицировался в разряд управомочивающих*, и, как следствие, выпал из числа конкретных поводов.

Слово «управомочивающий» подразумевает, что эта информация порождает у правоохранительных органов право на проведение проверки этой информации в рамках других юридических технологий: административная, оперативно-розыскная и прочая законная деятельность.

Сказанное не означает, что указанный повод не может быть конкретизирован. Заметим, что такие попытки предпринимались в проекте УПК РФ. В ч. 1 ст. 150 Проекта п. 4 имел соответствующую формулировку: «сообщение в средствах массовой информации». В ст. 154, раскрывающей этот повод, было записано: «сообщение средства массовой информации может служить поводом к возбуждению уголовного дела, когда оно опубликовано в газете или журнале либо распространено на радио или телевидении. Должностные лица средства массовой информации, которое опубликовало или распространило сообщение о преступлении, по требованию лица, правомочного возбудить уголовное дело, обязаны передать находящиеся в их распоряжении документы и иные материалы, подтверждающие сделанное сообщение, а также назвать лицо, предоставившее эти сведения, за исключением случаев, когда это лицо представило их с условием сохранения в тайне источника информации».

Сравнивая приведенный текст с ч. 2. ст. 144 УПК РФ, мы видим, что законодатель, помимо конкретного подхода к указанному поводу, предполагал закрепить еще более широкий круг лиц, которые были уполномочены непосредственно реагировать на эту информацию. В действующем УПК РФ это полномочие замкнулось на прокуратуре. Предполагаем, что это новое право прокуратура получила в одном пакете с правом согласования решений о возбуждении уголовного дела.

Думается, что критическая оценка, даваемая в науке последнему полномочию, может быть обоснованно распространена и на прокурорскую монополию по оценке сообщений о преступлениях, опубликованных в средствах массовой информации.

Интересной и проблемной разновидностью информации, которая также скрывается в свободном поводе, является информация, полученная в ходе *непосредственного*

⁵¹ Нередко журналисты через телевидение обращаются непосредственно к прокурорам. Их репортажи предваряются призывом к прокуратуре обратить внимание на то, что будет показано в телевизионном сюжете. Так, в одной из передач «Человек и закон» скрытая камера зафиксировала факт получения взятки сотрудником ГИБДД на посту ДПС. Репортер обратился к зрителям примерно с такими словами: «Прошу считать этот сюжет официальным заявлением в прокуратуру».

обнаружения признаков преступления.

В УПК РФ 2001 г. отсутствует прямое указание на данный повод, хотя в проекте УПК РФ, принятом в первом чтении, о нем упоминалось (п. 5 ч. 1 ст. 150). Многие авторы сегодня высказывают сожаление о том, что данный повод не нашел прямого отражения в системе поводов. Так, В.М. Корнуков, В.А. Лазарев и В.Д. Холоденко пишут: «Вряд ли можно считать достоинством нового УПК то, что в нем не предусматривается в качестве самостоятельного повода к возбуждению уголовного дела непосредственное обнаружение признаков преступления органами уголовного преследования» [19, с. 45].

Следует согласиться с этим мнением. Конкретизация данного повода была исторически присуща отечественному уголовно-процессуальному законодательству. В УПК РСФСР 1923 г. в ст. 91 указывалось, что «поводами к возбуждению уголовного дела являются...5) непосредственное усмотрение органов дознания, следователя или суда» [32]. Аналогичное положение содержалось в УПК РСФСР 1960 г., в котором данный повод к возбуждению уголовного дела именовался «непосредственное обнаружение органом дознания, следователем, прокурором или судом признаков преступления».

Заметим, что УПК стран СНГ сохранили эту традицию. Более того, они попытались выйти за рамки одной любопытной закономерности. Дело в том, что анализируемый повод в советских кодексах только назывался. Его содержание не раскрывалось. Оставался за рамками УПК и процессуальный порядок введения этой информации в уголовный процесс. Эта закономерность наблюдается и сегодня. Только два УПК стран СНГ, попавшие в поле нашего зрения, включают в себя соответствующие статьи. Это УПК Казахстана и Узбекистана. Их содержание сходно. Приведем текст статьи 328 УПК Узбекистана «Непосредственное обнаружение сведений о преступлении органом или должностным лицом, правомочным возбудить уголовное дело»: «Непосредственное обнаружение сведений о преступлении может служить поводом к возбуждению уголовного дела в случаях, когда: 1) дознаватель получает сведения о преступлении при осуществлении административных функций или при производстве дознания по делу о другом преступлении; 2) следователь получает сведения о преступлении при производстве предварительного следствия по делу о другом преступлении; 3) прокурор получает сведения о преступлении при осуществлении надзора за исполнением законов или при производстве предварительного следствия по делу о другом преступлении».

Как видим, законодатель Узбекистана ограничивает этот повод лишь обнаружением признаков преступлений, полученных в ходе официальной деятельности указанных лиц. Подобный подход, на наш взгляд, отражает общее мнение юридической науки. Однако имеется и другое мнение.

Основное отличие непосредственного обнаружения признаков преступления от остальных поводов состоит в том, что первичные данные о признаках преступления становятся известными должностным лицам, уполномоченным на возбуждение уголовного дела, не из посторонних источников, а в ходе осуществления ими своих служебных полномочий [28, С. 11].

Например, следователю, расследующему уголовное дело, порой становится известно о совершении другими лицами преступных деяний, не связанных с данным делом либо прокурор обнаруживает признаки преступления при осуществлении своих надзорных

функций или в ходе участия в рассмотрении уголовных дел. Уголовное дело может быть также возбуждено прокурором в случаях, когда при расследовании уголовного дела, проводимом им лично, или при судебном разбирательстве с его участием выясняется, что совершено другое преступное деяние, не имеющее отношения к расследуемому или рассматриваемому делу, и это деяние совершено не привлеченным к уголовной ответственности лицом. По новым обнаруженным признакам преступления дело возбуждается по инициативе прокурора. Вряд ли можно говорить о том, что в такой ситуации закон обязывает прокурора составлять рапорт об обнаружении признаков преступления на имя начальника органа предварительного следствия или начальника органа дознания.

По мнению В.Н. Григорьева, «непосредственное обнаружение признаков преступления может выглядеть по-разному. В одних случаях работники милиции являются очевидцами преступления, в других – признаки преступления обнаруживаются в результате получения объяснений в связи с каким-либо происшествием, осмотром места происшествия, в ходе профилактической деятельности органов милиции и т.д. Было бы неточным отождествлять внешнее выражение непосредственного обнаружения признаков преступления как повод к возбуждению уголовного дела с внешним выражением какого-либо одного из этих случаев» [8, С. 98].

В.Н. Григорьевым была предпринята попытка классифицировать всю деятельность правоохранительных органов по непосредственному обнаружению признаков преступления и подразделить ее на три этапа:

- 1) получение информации, побуждающей должностных лиц заинтересоваться каким-либо событием как противоправным;
- 2) проверка этой информации;
- 3) принятие решения по результатам этой проверки [9, С. 11-12].

А.П. Попов в свое время предлагал в российский УПК статью «Непосредственное обнаружение признаков преступления должностными лицами и органами, компетентными возбудить уголовное дело» следующего содержания: «Непосредственное обнаружение признаков преступления явится поводом к возбуждению уголовного дела в случаях, когда: 1) сотрудник органа дознания, следователь, прокурор, судья в ходе исполнения своих должностных обязанностей становятся очевидцами преступления либо обнаруживают следы или последствия преступления непосредственно после его совершения; 2) орган дознания и дознаватель получают сведения о преступлении при осуществлении своих функций, в ходе производства оперативно-розыскных мероприятий или при производстве дознания по делу о другом преступлении; 3) следователь получает сведения о преступлении при расследовании по уголовному делу о другом преступлении; 4) прокурор получает сведения о преступлении при осуществлении надзора за исполнением законов; 5) суд получает сведения о преступлении при производстве по делу, не связанному с этим преступлением».

В этом предложении нашел отражение законодательный опыт стран СНГ.

Процессуальная форма указанного повода сформировалась достаточно давно. Непосредственное обнаружение признаков преступления сотрудниками органа дознания (например, в процессе осуществления административной или оперативно-розыскной

деятельности) оформляется рапортом. Рапорт пишут все сотрудники органа дознания на имя его начальника (руководителя).

Однако рапорт не может быть признан универсальным способом формализации сведений, полученных в ходе непосредственного обнаружения признаков преступления. К примеру, если взять руководителя органа дознания, то по смыслу закона рапорт от его имени на свое имя исходить не может. Равным образом и прокурор не может писать такой рапорт на свое имя. Следовательно, считают некоторые процессуалисты, в этом случае непосредственное обнаружение служит поводом к возбуждению уголовного дела без соответствующего оформления. Аналогичное положение содержалось в УПК РСФСР 1960 г.: «...вынося постановление о возбуждении уголовного дела, должностные лица непосредственно в постановлении указывают обнаруженные ими признаки преступления, компенсируя тем самым указание на конкретный повод...» [19, С. 65].

Все сказанное о непосредственном обнаружении признаков преступления как о самостоятельном источнике сведений о криминале, подчеркивает необходимость обособления этого повода в системе поводов. Таким образом, этот источник попадает в число перспективных элементов системы поводов.

Однако перспективным, как было показано выше, он может считаться лишь условно. Перспективой в этом случае будет возвращение к ретроспективе.

По настоящему перспективным, на наш взгляд, будет такой информационный источник, как результаты ОРД.

В системе средств достижения цели уголовного процесса огромное влияние в последние годы приобретают средства и методы ОРД. Информация, полученная оперативно-розыскным путем (результаты ОРД), используется в уголовно-процессуальной деятельности на разных направлениях.

Полагает, на сегодняшний день сложились необходимые теоретические и нормативные предпосылки для выделения результатов ОРД в качестве самостоятельного повода для возбуждения уголовного дела, и потребность в оперативно-розыскной информации на первоначальном этапе уголовного процесса чрезвычайно велика. Однако конкретизация указанного повода в системе поводов к возбуждению уголовного связана с рядом проблем.

Во-первых, нужен ли российскому уголовному процессу такой повод, как результаты ОРД?

Есть точка зрения, согласно которой такой повод не нужен, поскольку оперативно-розыскная информация может быть благополучно реализована через поводы, которые получили закрепление в УПК РФ, в частности, через повод, указанный в п. 3 ст. 141 УПК РФ (сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников) [18, С. 322; 37, С. 35].

По мнению Н.А. Громова, А.Н. Гущина и Ю.В. Франциферова, закрепление «дополнительного повода к возбуждению уголовного дела вряд ли целесообразно, т. к. данные, полученные в результате оперативно-розыскной деятельности, при их использовании в качестве повода требуют процессуальной интерпретации. В этом же случае они потеряют самостоятельное значение и будут сведены к одному из поводов, указанных в ст. 108 УПК (УПК РСФСР. – **Е.К.**)» [11, С. 15].

Однако подобная позиция не является единственной и тем более главной. По мнению ряда ученых, имеется объективная необходимость законодательного выделения результатов ОРД в отдельный повод для возбуждения уголовного дела. Одним из первых подобное предложение внес В.Т. Томин [29, С. 116]. Впоследствии об этом же высказывались М.П. Поляков, А.В. Земскова, А.П. Попов, Р.С. Рыжов и другие [17, С. 79; 24, С. 99].

Определенные попытки делались и на нормативном уровне: этот повод иногда появлялся в альтернативных законопроектах (альтернативных официальному проекту УПК РФ) в виде формулировки: «данные, полученные в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий».

По мнению нашего научного руководителя М.П. Полякова и других сторонников обособления указанного повода, необходимость в этом вызывается спецификой процессуального режима извлечения информации из результатов ОРД. К результатам ОРД как к поводу к возбуждению уголовного дела должен применяться особый режим. Введение в законодательный перечень поводов анализируемого информационного сигнала позволит упорядочить уголовно-процессуальные отношения между субъектами ОРД и уголовного процесса, независимо от их ведомственной принадлежности [23, С. 93].

Кроме общих рассуждений, в юридической литературе стали появляться конкретные предложения по процедурному урегулированию использования результатов ОРД на стадии возбуждения уголовного дела [14, С. 46].

Мы хотели бы обратить внимание на разработки нижегородской школы процессуалистов. Так, Р.С. Рыжов предлагает закрепить в УПК РФ такой повод под именем «сообщение органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность».

Разъяснение этого повода предлагается дать в отдельной статье: «(1) Сообщение органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность – результаты оперативно-розыскной деятельности, содержащие сведения о том, где, когда, какие признаки и какого именно преступления обнаружены, при каких обстоятельствах имело место обнаружение признаков преступления, сведения о лице (лицах), его совершившем (если оно известно), очевидцах преступления (если они известны), о местонахождении следов преступления, документов и предметов, которые могут стать вещественными доказательствами, о любых других фактах и обстоятельствах, имеющих значение для решения вопроса о возбуждении уголовного дела».

(2) Результаты оперативно-розыскной деятельности представляются руководителем органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, органу дознания, дознавателю, следователю, прокурору в порядке, предусмотренном ст. ____ настоящего Кодекса.

(3) В случае необходимости получения дополнительной информации, необходимой для принятия решения, предусмотренного ст. __ настоящего Кодекса, орган дознания, следователь или прокурор вправе истребовать дополнительные оперативные материалы, а также дать поручение руководителю органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, произвести дополнительные действия, направленные на получение необходимых сведений».

Само собой, процедурное решение, предлагаемое Р.С. Рыжовым, не является

окончательным. Полагаем, этот повод должен называться именно «результаты оперативно-розыскной деятельности». Кроме того, мы считаем, что в этой статье (особенно в ч. 1) содержится масса ненужных подробностей.

Однако это уже нюансы. Само *намерение на обособление и тщательную процедурную проработку этого повода надо приветствовать и поддерживать*. Мы определяем себя в качестве концептуальных сторонников закрепления в УПК РФ отдельного повода с условным названием «результаты ОРД». Полагаем, что шаг в эту сторону позволит повысить эффективность достижения не только задач первой стадии уголовного процесса, но и всего уголовного судопроизводства в целом.

Таким образом, информация, содержащаяся в настоящей статье, позволяет нам сформулировать перспективную систему поводов к возбуждению уголовного дела. Эта система нам видится следующей:

- 1) заявление гражданина;
- 2) жалоба гражданина;
- 3) заявление о явке с повинной;
- 4) сообщение должностного лица организации или объединения;
- 5) сообщение в средствах массовой информации;
- 6) результаты оперативно-розыскной деятельности;
- 7) непосредственное обнаружение дознавателем, органом дознания, следователем или прокурором сведений, указывающих на признаки преступления;
- 8) сообщения, полученные из иных источников.

В этой системе, по нашему мнению, находят отражение теоретические выводы об оптимальном сочетании начал конкретности и универсальности. Повод, указанный в п. 8, выполняет функцию «свободного» повода.

Литература

1. Акты земельных соборов. Российское законодательство X–XX веков. / Под ред. О.И. Чистякова. – М., 1985. – Т. 3.
2. Альперт С.А. Производство по уголовным делам, возбуждаемым по жалобе потерпевшего. – Харьков, 1976.
3. Безлепкин Б.Т. Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). – М., 2003.
4. Белозеров Ю.Н., Чувилев А.А. Проблемы обеспечения законности и обоснованности возбуждения уголовного дела. – М., 1973.
5. Галкин В.М. Система поощрений в советском уголовном праве // Советское государство и право. – 1977. – № 2.
6. Герасимова Е.К. Явка с повинной: Автореф. дис... канд. юрид. наук. – М., 1979.
7. Григорьев В.Н. Возбуждение уголовного дела по новому УПК: Учебное пособие для вузов МВД России. – М., 2002.
8. Григорьев В.Н. Возбуждение уголовного дела при непосредственном обнаружении признаков преступления // Правоведение. – 1982. – № 5. – С. 98.
9. Григорьев В.Н. Обнаружение признаков преступления органами внутренних дел. – Ташкент, 1986.

10. Григорьев Н.Р., Сабитов Р.А. Освобождение от уголовной ответственности по нормам Особенной части УК РФ. – Хабаровск: ХВШ МВД России. – 1994.
11. Гуцин А.Н., Громов Н.А., Франциферов Ю.В. Использование оперативно-розыскной информации в уголовно-процессуальном доказывании // Российский следователь. – 2000. – № 4. – С. 15.
12. Елеонский В.А. Поощрительные нормы уголовного права. – Хабаровск: ХВШ МВД России, 1984.
13. Жогин Н.В., Фаткуллин Ф.Н. Возбуждение уголовного дела. – М.: Госюриздат, 1961. – 206 с.
14. Зажицкий В.И. Оперативно-розыскная деятельность и уголовное судопроизводство // Российская юстиция. – 2001. – № 3. – С. 45–47.
15. Закон РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» (в ред. от 13 июля 2015 г.) // Справочно-правовая система «Консультант-Плюс».
16. Законодательство первой половины XIX века. Российское законодательство XIX–XX веков. / Под ред. О.И. Чистякова. М.: Юридическая литература, 1988. – Т. 6.
17. Земскова А.В. Правовые проблемы использования результатов оперативно-розыскных мероприятий в уголовно-процессуальном доказывании. – Волгоград, 2000.
18. Комментарий к УПК РФ / Под общ. ред. В.В. Мозякова. – М., 2002.
19. Корнуков В.М., Лазарев В.А., Холоденко В.Д. Возбуждение уголовного дела в системе уголовно-процессуальной деятельности. – Саратов: Изд-во СГАП, 2002. – 156 с.
20. Михайленко А.Р. Возбуждение уголовного дела в советском уголовном процессе: Учебное пособие / Под ред. проф. А.Л. Цыпкина. Саратов, 1975.
21. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений; Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М., 1999.
22. Павлов Н.Е. Рассмотрение криминальной милицией заявлений и сообщений о преступлениях организованных групп и преступных сообществ: Лекция. – М., 1996.
23. Поляков М.П., Попов А.П. Результаты ОРД как повод и основание для возбуждения уголовного дела // Интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности в эффективном уголовном процессе. – Пятигорск, 2001.
24. Поляков М.П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности: Монография / Под научн. ред. В.Т. Томина. – Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2001. – 262 с.
25. Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Министерства внутренних дел Российской Федерации, Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, Министерства юстиции Российской Федерации, Федеральной службы безопасности Российской Федерации, Министерства экономического развития и торговли Российской Федерации, Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков от 29 декабря 2005 г. № 39/1070/1021/253/780/353/399 «О едином учете преступлений».

26. Сергеев А.Б. Процессуальные проблемы досудебного производства по уголовным делам в чрезвычайных ситуациях: Автореф. дис... д-ра юрид. наук. – М.: Московский университет МВД России, 2003.
27. Степанов В.В. Предварительная проверка первичных материалов о преступлениях. – Саратов: СЮИ, 1972.
28. Советский уголовный процесс / Под ред. С.В. Бородина и И.Д. Перлова. – М. – 1968.
29. Томин В.Т. Острые углы уголовного судопроизводства. – М.: Юридическая литература, 1991. – 240 с.
30. Трайнин А.Н. Состав преступления по советскому уголовному праву. – М., 1951.
31. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации № 174-ФЗ от 18 декабря 2001 г. / Справочно-правовая система «Консультант-Плюс» (в ред. от 26 апреля 2007 г.).
32. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. Официальный текст с изменениями на 1 января 1952 г. и с приложением постатейно-систематизированных материалов. – М.: Госюриздат, 1952.
33. Уголовный процесс: Учебник / Под ред. С.А. Колосовича, Е.А. Зайцевой. – Волгоград: Волгоградская академия МВД РФ, 2002.
34. Химичева Г.П. Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности. – М., 2003.
35. Яджин Н.В. Явка с повинной и тактика проверки заявления явившегося: Учебное пособие. – Тюмень, 1999.
36. Якуб. М. К вопросу о видах уголовного судопроизводства // Ученые записки. ВИЮН. – М., 1947. – Вып. 6.
37. Яшин В.Н., Победкин А.В. Возбуждение уголовного дела: теория, практика, перспективы. – М., 2002.

© Е.С. Кузьменко, 2016.
© «Наука. Мысль», 2016.

— ● —

Abstract. This article presents the study of the theoretical and practical foundations of the initiation of criminal trial, while special attention is paid to the system the reasons for initiation of criminal proceedings.

Keywords: criminal case, initiation of criminal trial, criminal law.

— ● —

Сведения об авторе

Елена Сергеевна **Кузьменко**, кандидат юридических наук, Нижегородская академия МВД России (Нижний Новгород, Россия).

— ● —

Подписано в печать 15.01.2016.
© Наука. Мысль, 2016.

Юридические науки

УДК 34

ЗАКЛЮЧЕНИЕ⁵²

Е.С. Кузьменко, Нижегородская академия МВД России (Нижний Новгород, Россия)

Аннотация. В данной работе проводится исследование теоретических и практических основ возбуждения уголовного дела, при этом уделяется особое внимание системе поводов для возбуждения уголовного дела

Ключевые слова: уголовное дело, возбуждение уголовного дела, уголовное право.

В данной статье мы хотели бы обратить внимание на наиболее значимые результаты, полученные в ходе исследования и не нашедшие отражения в предыдущих статьях.

1. Понятие повода к возбуждению уголовного дела относится к числу проблемных: единообразия взглядов на его понимание не достигнуто ни в науке, ни в праве (УПК попросту игнорирует понятие повода). Значительная часть исследователей акцентирует внимание преимущественно на формально-информационной стороне повода, предлагая понимать последний как источник, из которого компетентные государственные органы получают информацию о преступлении. Таким образом, имеет место устойчивая тенденция одноаспектного (упрощенного) понимания повода. Эта односторонность не способствует качественному развитию системы поводов. Повод – понятие сложное, многоуровневое. И одной только «источниковой» трактовки повода для понимания его сущности недостаточно.

2. Образ предполагаемого преступления создается системным единством повода и основания для возбуждения уголовного дела, и, следовательно, «возбуждающими» свойствами обладает только система «повод + основание». Можно говорить о том, что юридический факт, дающий импульс для начала уголовно-процессуальной деятельности, порождается совокупными усилиями повода и основания.

3. Разграничение поводов на различные группы обусловлено генетически. В ведомственных инструкциях нашли отражение определенные исторические закономерности. Современная система поводов сочетает в себе полицейские (ведомственные) и исторические предпосылки. Эти предпосылки определяют различную юридическую силу поводов. Всякий повод побуждает, но не всякий побуждает одинаково и

⁵² Статья представлена магистром социальной работы Т.М. Хусяиновым (Нижний Новгород, Россия). **Научный руководитель:** доктор юридических наук, профессор М.П. Поляков. **Ведущая организация:** Волгоградская академия МВД России. **Оппоненты:** доктор юридических наук, профессор А.Ф. Лубин; кандидат юридических наук, доцент С.П. Гришин. **Отзывы прислали:** профессор кафедры Института повышения квалификации руководящих кадров Генеральной прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент А.В. Агутин; доцент кафедры уголовного процесса СибЮИ МВД России, кандидат юридических наук, доцент П.Л. Сурихин; начальник кафедры уголовного процесса Калининградского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент, подполковник милиции В.Н. Авдеев; Начальник Омской академии МВД России, заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор Б.Б. Булатов; Заведующий кафедрой уголовного права и процесса Омского юридического института, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, доцент Ю.В. Деришев.

к одной и той же совокупности действий.

4. Нельзя говорить о том, что нормативный формализм присущ только поводу и совсем чужд основанию. Действительно, по общему правилу при формировании основания – накоплении данных до уровня их достаточности – действует принцип свободной оценки доказательств. Однако практика сознательно допускает отступления от этого правила и иногда идет по пути формализации оснований. Такой подход свойственен для возбуждения дел о некоторых экономических преступлениях, когда результаты соответствующей проверки (например, крупная недостача) априори оцениваются как основание для возбуждения уголовного дела.

5. Вряд ли можно безапелляционно говорить о том, что повод имеет материальную природу, а основание – интеллектуальную (логическую). Очевидно, что такое соотношение указанных явлений было бы слишком упрощенным. За всяким поводом скрывается логически оформленная мысль.

6. Основание для возбуждения уголовного дела базируется на логическом законе достаточного основания. Это подтверждается и современной законодательной дефиницией основания, в центре которой находится требование достаточности данных о признаках преступления. Однако логическая сторона не единственная. Формирование достаточного основания предполагает и практическую деятельность по получению данных о признаках преступлении.

7. Современная система поводов вполне логична (это не значит – совершенна). Эта логика становится ясной при изложении ее в следующей редакции: «Поводами для возбуждения уголовного дела служат сообщения о совершенном или готовящемся преступлении, полученные из: 1) заявления о преступлении; 2) заявления о явке с повинной; 3) других источников». Мы не предлагаем эту конструкцию в текст закона. Она является всего лишь текстуальным переводом предполагаемого в явное. Однако и этого достаточно, чтобы увидеть признаки понятия повода. Повод – это сообщение о преступлении, полученное из предусмотренного законом источника. Сообщение, содержащее в себе достаточные данные, указывающие на признаки преступления, может служить *основанием* для возбуждения уголовного дела.

8. Получение основания для возбуждения уголовного дела предполагает доказательственную деятельность в этой стадии, приведение аргументов. Достаточное основание для возбуждения уголовного дела, являясь результатом уголовно-процессуального доказывания, предполагает, что оно (основание) должно опираться на аргументы, которым свойственны требования (критерии), похожие на неотъемлемые свойства доказательств: относимость и допустимость. Относимость предполагает, что эти данные дают прямое или косвенное представление о криминальной природе события, описываемого в поводе для возбуждения уголовного дела. Допустимость требует, чтобы данные были получены из определенного законом источника и в надлежащей форме. Все эти требования теснейшим образом переплетаются в таком явлении, как повод к возбуждению уголовного дела.

9. Двойственность субстанции, дающей толчок для начала производства по делу, находит отражение и в понимании повода. Сегодня в науке уголовного процесса складывается определенная школа двойственной трактовки повода. С некоторой долей

условности эти трактовки можно обозначить «повод на входе» стадии возбуждения уголовного дела и соответственно «повод на выходе» как толчок к началу производства предварительного расследования или судебного разбирательства (по делам частного обвинения).

10. Системность поводов для возбуждения уголовного дела генерируется как формальной (законной) основой понятия повода, так и логической квинтэссенцией понятия основания. Но в большей степени системным образованием, получающимся в результате сложения этих элементов.

11. С практической точки зрения необходимо осознавать, что повод и основание не являются автономными явлениями. Начало уголовно-процессуальной деятельности обусловлено системным единством повода и основания. Только система «повод + основание» способна вызвать к жизни уголовный процесс. Иными словами, у этой системы появляется свойство, не присущее ни поводу, ни основанию, взятым в отдельности. Кроме того, синтетическими становятся и разрозненные свойства этих слагаемых. Если в поводе первенствуют формальные, а в основании – логические аспекты, то в их связке речь идет уже об особых формально-информационных и логических свойствах.

12. Система поводов, описанная в УПК РФ, не отличается преемственностью. Законодатель при ее формулировании отдал предпочтение принципу унификации, в то время как предшествующие системы развивались по принципу конкретизации. Пропускная способность системы поводов по УПК РФ не изменилась, а вот формальная определенность в значительной мере снизилась. А последнее обстоятельство означает снижение доказательственной устойчивости информации, полученной до возбуждения уголовного дела.

13. Формальной определенности повода предшествует его конкретизация. Когда повод четко выделяется из совокупности информационных сигналов, в первую очередь по своей сугубо информационной форме. Этот момент можно назвать конкретизацией повода или детализацией элементов системы поводов. Помещение такого повода в систему поводов, его персонификация означает констатацию важности этого информационного сигнала для уголовного процесса. И даже если уголовно-процессуальная форма реализации этого повода неясна или носит квазипроцессуальный характер, в систему поводов вводится элемент с конкретным именем.

14. Тенденции развития системы поводов к возбуждению уголовного дела в странах СНГ отличаются от тенденций, проявившихся в УПК РФ. Только УПК РФ взял курс на унификацию системы поводов. УПК стран СНГ оказались более осторожными в этом отношении. Этот факт, по нашему мнению, говорит о том, что в УПК РФ отсутствовала глубокая теоретическая проработка методологических основ системы поводов для возбуждения уголовного дела.

15. Для УПК стран СНГ характерна детализация системы поводов к возбуждению уголовного дела. Исторически сложившиеся поводы этими системами по большей части сохранены. Как правило, эти системы сохраняют преемственность с системами поводов к возбуждению уголовного дела, имевшимися в советских УПК.

16. В основе дифференциации поводов и, как следствие, в основе их системного построения лежит розыскной принцип (тип) процесса, проявляющийся посредством публич-

ных начал уголовного судопроизводства. Важнейшим основанием дифференциации поводов является необходимость формализации поводов, как первая предпосылка их законности.

17. Дифференциация поводов как необходимая предпосылка развития системы поводов к возбуждению уголовного дела по пути конкретизации не должна пониматься как отказ от инструментов, повышающих универсальность системы поводов. Свойство универсальности может быть достигнуто за счет включения в систему поводов так называемого свободного повода. Однако свободный повод – не единственный способ придания системе поводов универсальных свойств. Главным способом достижения этого, по мнению автора, является сама системная организация поводов.

18. Сам факт появления свободного повода (п. 3 ч. 1 ст. 140 УПК РФ) может быть оценен позитивно. Но законодательная техника его закрепления заслуживает критики. Законодатель применил метод «чрезмерного округления» и поместил в этот повод массу конкретных источников информации. Сюда попали, в частности, и публикации в средствах массовой информации, и непосредственное обнаружение признаков преступления органами расследования и прокурором. Все это привело к формальной неопределенности указанного повода.

20. Поводы должны быть по возможности формально определенными. Именно так поступает законодатель стран СНГ. В УПК этих стран четко прослеживается курс на дифференциацию и детализацию поводов. Этого же курса следует придерживаться и российскому законодателю.

21. Унифицированный подход к системе поводов, будучи неприемлемым в общем плане, может найти реальное и полезное практическое применение в рамках совершенствования конкретных поводов. Поиск адекватной процессуальной формы, пригодной для множества конкретных проявлений поводов, должен опираться на идею унификации.

22. Об оптимальном сочетании начал конкретности и универсальности в системе поводов для возбуждения уголовного дела уголовного дела можно говорить только тогда, когда все известные поводы детализированы, а свободный повод, действительно, является свободным. Свободный повод не должен аккумулировать (растворять) в себе источники, конкретизация которых уже состоялась в ходе исторической эволюции уголовного процесса.

23. Современная система поводов должна быть усовершенствована в сторону оптимальной сочетаемости начал конкретности и универсальности.

© Е.С. Кузьменко, 2016.
© «Наука. Мысль», 2016.

Abstract. This article presents the study of the theoretical and practical foundations of the initiation of criminal trial, while special attention is paid to the system the reasons for initiation of criminal proceedings.

Keywords: criminal case, initiation of criminal trial, criminal law.

Сведения об авторе

Елена Сергеевна **Кузьменко**, кандидат юридических наук, Нижегородская академия МВД России (Нижний Новгород, Россия).

Подписано в печать 15.01.2016.
© Наука. Мысль, 2016.